

Учредитель – Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

Научно-практический журнал

2022

№ 28

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52489 от 21 января 2013 г.)

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 42043

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых
должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание
ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук,
Высшей аттестационной комиссии

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»**

И.А. Айзикова (Томск) – председатель

В.Ю. Баль (Томск) – отв. секретарь

Т.А. Гридина (Екатеринбург)

Ю.М. Ершов (Томск)

Н.В. Жиликова (Томск)

Г.В. Калиткина (Томск)

В.В. Мароши (Новосибирск)

В.В. Пугачев (Уфа)

К.И. Шарафадина (Санкт-Петербург)

О.Г. Щитова (Томск)

Адрес редакции и издателя: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет, сайт <http://journals.tsu.ru/book/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

<i>Новикова Е.Г., Понкратова Е.М., Кожевникова А.Г.</i> Геополитическая карта мира Ф.М. Достоевского: системное описание	5
<i>Зусева-Озкан В.Б.</i> «Сверхтекст» Е.И. Замятина о деве-воительнице. Статья вторая	22
<i>Катермина В.В., Иванова Ю.В.</i> Языковое представление художественного субконцепта «детство» в произведениях Ч. Диккенса	40

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

<i>Пирогова Е.П.</i> Западноевропейские издания в усадебной библиотеке уральского промышленника XVIII в. А.Ф. Турчанинова	50
<i>Михеева А.А.</i> Вопрос о богослужебном пении в федосеевском сборнике «Отечественные завещания». Статья первая	75
<i>Даниелян Т.Р.</i> Особенности развития рекламы армянской книги в Тифлисе (1801–1865 гг.)	92

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

<i>Жолнерович П.П.</i> Советское редактирование в 1970-е гг. (на примере романа Владимира Короткевича «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды»)	110
<i>Кожухаров Р.Р.</i> Собрание сочинений Владимира Нарбута: архивы, тексты, подходы. 125	
<i>Баль В.Ю., Скидан П.Б.</i> Мировой рынок цифровых учебных изданий: перспективы развития	141

РЕЦЕНЗИИ

<i>Отургашева Н.В.</i> Томск читающий. Рецензия на учебное пособие «Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.» (под ред. Т.Л. Воробьевой. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 226 с.)	159
<i>Ерофеева Н.Е., Киричук Е.В.</i> Рецензия на книгу Э. Смит «И все это Шекспир» (Смит Э. И все это Шекспир. Самая эротичная комедия, самая драматичная трагедия, сгорающие от стыда мужчины, картонные злодеи, феминистки, звезды шоу-бизнеса и многое другое / Эмма Смит; пер. с англ. М. Сухотиной; науч. ред. Д. Иванов, В. Макаров. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 288 с.)	167
Правила оформления статей	180

CONTENTS

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

<i>Novikova E.G., Ponkratova E.M., Kozhevnikova A.G.</i> A geopolitical map of Fyodor Dostoevsky's world: A systematic description	5
<i>Zuseva-Özkan V.B.</i> Yevgeny Zamyatin's "hypertext" about the female warrior. Article II ...	22
<i>Katermina V.V., Ivanova Yu.V.</i> Language representation of the literary subconcept "childhood" in Charles Dickens's books.....	40

BOOK IN CULTURE

<i>Pirogova E.P.</i> Western European editions in the manor library of the 18th-century Ural industrialist Alexei Turchaninov	50
<i>Mikheeva A.A.</i> On church singing in the Fedoseevtsy collection <i>Paternal Testaments</i> . Article I	75
<i>Daniel'yan T.R.</i> Armenian book advertising: Peculiarities of development in Tiflis (1801–1865).....	92

BOOK PUBLISHING

<i>Zhauniarovich P.P.</i> Soviet editing in the 1970s (On the example of Uladzimer Karatkevich's <i>Christ Landed in Grodno: The Gospel of Judas</i>)	110
<i>Kozhukharov R.R.</i> The Collected Works of Vladimir Narbut: Archives, texts, and approaches	125
<i>Bal V.Yu., Skidan P.B.</i> The world market of digital educational editions: Development prospects.....	141

REVIEWS

<i>Oturgasheva N.V.</i> The reading Tomsk. Textbook review: The reader problem in Tomsk and Tomsk Province in the late 19th – early 20th centuries (Vorobyeva, T.L. (ed.) (2020). Tomsk: Tomsk State University).....	159
<i>Erofeeva N.E., Kirichuk E.V.</i> Book review: Smith, E. (2020) <i>This Is Shakespeare</i> . The most erotic comedy, the most dramatic tragedy, men burned by shame, cardboard villains, feminists, show business stars and more (Translated from English by M.G. Sukhotina. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber)	167
Rules for Article Submission	180

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/28/1

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА МИРА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ

Елена Георгиевна Новикова¹, Екатерина Михайловна Понкратова²,
Анна Геннадьевна Кожевникова³

^{1,3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

² *Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Томск, Россия*

¹ *elennov@mail.ru*

² *ekponkratova@yandex.ru*

³ *savanna1984@yandex.ru*

Аннотация. Представлены результаты экспериментального исследования художественного и публицистического творчества Ф.М. Достоевского в целях реконструкции и картирования его геополитической картины мира. Впервые системно описана оригинальная геополитическая карта мира писателя, в том числе в хронологическом аспекте; собран и проанализирован материал, позволяющий сформировать целостные представления о геополитической карте и картине мира Ф.М. Достоевского на протяжении всей его жизни.

Ключевые слова: русская литература, Ф.М. Достоевский, геополитика, хронополитика, картирование

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-90020\19.

Авторы выражают глубокую благодарность М.В. Подрезову за помощь, оказанную при подготовке данной статьи.

Для цитирования: Новикова Е.Г., Понкратова Е.М., Кожевникова А.Г. Геополитическая карта мира Ф.М. Достоевского: системное описание // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 5–21. doi: 10.17223/23062061/28/1

PROBLEMS OF TEXT: THEORY AND PRACTICE

Original article

A GEOPOLITICAL MAP OF FYODOR DOSTOEVSKY'S WORLD: A SYSTEMATIC DESCRIPTION

Elena G. Novikova¹, Ekaterina M. Ponkratova²,
Anna G. Kozhevnikova³

^{1,3} *National research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *National research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *elenov@mail.ru*

² *ekponkratova@yandex.ru*

³ *savanna1984@yandex.ru*

Abstract. The relevance of the study lies in the facts that it explores the issues related to the global significance of Dostoevsky's literary heritage and interdisciplinary approaches to analyzing Russian literature. The significance of the study is stipulated by the current state of scientific knowledge concerning a particular role of literary works in describing and interpreting global political and state processes. The aim of the study is to reconstruct and map Dostoevsky's geopolitical worldview based on the analysis of his literary and journalistic works. To consider the writer's works from the standpoint of his involvement into the political issues is the first attempt within Dostoevsky studies. The analysis of Dostoevsky's literary heritage from a geopolitical perspective was carried out on the basis of *Statisticheskiy slovar' yazyka Dostoevskogo* [Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language]. However, since this book does not contain draft notes and earlier versions, preliminary drafts and notebook materials, these texts were intentionally explored. This is the first literary study of its kind which is based on a variety of modern statistical methods. This fact makes it possible to state that the obtained results present new knowledge about Dostoevsky and are of undisputed novelty. The study is focused on big geopolitical subjects, i.e. countries, transnational and national unions, prominent regions; therefore, the present article is only the first stage of the study. In accordance with the conducted analysis and calculations, the following frequency of geopolitical subjects' mentions is proposed: Russia (4420); France (848); Germany (735); Britain (397); Turkey (304); Siberia (223); Italy (173); Switzerland (172); Poland (145); Austria (141); America (119); Bulgaria (83); Serbia (83); China (49); Spain (40); Montenegro (38); Caucasus (38); Crimea (30); Egypt (26); Greece (23); Hungary (19); Balkans (18); Central Asia (18); Holland (15); Syria (14); Herzegovina (13); Novorossiia (10); Sweden (7); Japan (6); Altai (5); Arabia, Africa, Bosnia, Dagestan, India, Lithuania, Mexico, Sicily, Finland (each 4); Belgium, Iceland, Malta, Peru, Sandwich Islands (each 3); Brazil, Brittany, Denmark, Israel, Moldova, Romania, Sakhalin (each 2); and Galicia (1). The frequency of geopolitical subjects'

mentions by years is as follows: 1877 (2100), 1876 (1516), 1860 (567), 1880 (502), 1872 (388), 1873 (381), 1868 (366), 1862 (328), 1866 (265), 1875 (264), 1869 (170), 1863 (155), 1881 (135), 1867 (128), 1878 (122), 1864 (120), 1859 (102), 1874 (100), 1870 (96), 1856 (75), 1861 (61), 1871 (54), 1865 (52), 1846 (43), 1847 (41), 1849 (38), 1858 (25), 1854 (21), 1848 (15), 1857 (12), 1845 (5), 1843–1844 (3), 1838–1839 (2), 1879 (1); geopolitical subjects were not mentioned in 1841, 1842, 1850, 1851, 1852, 1853, and 1855.

Keywords: Russian literature, Fyodor Dostoevsky, geopolitics, chronopolitics, mapping

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-90020\19.

The authors express their deep gratitude to M.V. Podrezov for his assistance in preparing this article.

For citation: Novikova, E.G., Ponkratova, E.M. & Kozhevnikova, A.G. (2022) Geopolitical map of F.M. Dostovsky's world: systematic description. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 5–21. doi: 10.17223/23062061/28/1

Художественное, публицистическое и эпистолярное наследие Ф.М. Достоевского изобилует размышлениями, которые по праву могут быть названы геополитическими и хронополитическими [1. С. 7]. Достоевский предстает в них как яркий и оригинальный политический мыслитель, сформировавший свою самобытную геополитическую концепцию, которая стала значимым вкладом в общероссийские процессы описания и осмысления геополитической картины мира второй половины XIX в. [2–9]. Актуальность данной статьи обусловлена проблематикой мирового значения наследия Достоевского и междисциплинарными подходами к русской литературе, творчеству Достоевского и осмыслению мировых политических процессов. Уровень значимости исследования задан современным научным представлением об особой роли художественной литературы в описании и осмыслении мировых политических и государственных процессов [10, 11]. Цель работы – реконструкция и картирование целостной геополитической картины мира Достоевского на основании материалов его творчества. В указанном подходе и масштабе подобное исследование в науке о русской литературе проводится впервые.

Сам вопрос о возможности реконструкции геополитической карты Достоевского был поставлен на материале изучения его публицистики А.И. и Н.Г. Щербиниными в работе, посвященной картированию славянского мира в «Дневнике писателя» [12].

Базовое исследование наследия Достоевского в геополитическом подходе было осуществлено на основе «Статистического словаря языка Достоевского» [13], также были использованы материалы электронной книги «Ф.М. Достоевский. Энциклопедическое собрание сочинений» [14]. Так, статистический анализ был осуществлен на материале художественных

произведений, писем, статей, записных тетрадей и подготовительных материалов писателя.

Впервые подобное исследование было проведено не эмпирически-описательно (что характерно сегодня для картирования материалов мировой культуры и литературы), но на базе применения современных статистических методов: описание геополитической карты Достоевского стало научным результатом системного статистического анализа всего массива текстов писателя, проделанного на материале «Статистического словаря языка Достоевского» и электронной книги «Ф.М. Достоевский. Энциклопедическое собрание сочинений». Таким образом, статистическая обработка наследия Достоевского была осуществлена на основе как печатных, так и электронных материалов. Это позволяет определить результаты, полученные на основе эксперимента, как новое знание о Достоевском, обладающее бесспорной оригинальностью и научной новизной.

Предметом данной работы стали крупные геополитические субъекты – государства, межгосударственные и внутригосударственные объединения и значимые регионы¹; соответственно, это только самый первый этап предпринятого исследования.

Статистический анализ на сегодняшний день показал, что в наследии Достоевского упоминаются и осмысляются 55 таких геополитических субъектов: Австрия, Алтай, Америка, Англия, Аравия, Африка, Бавария, Балканы, Бельгия, Болгария, Босния, Бразилия, Бретань, Венгрия, Галиция, Германия, Герцеговина, Голландия, Греция, Дагестан, Дания, Египет, Израиль, Индия, Исландия, Испания, Италия, Кавказ, Китай, Крым, Литва, Малороссия, Мальта, Мексика, Молдавия, Перу, Польша, Пруссия, Россия, Румыния, Саксония, Сандвичевы острова, Сахалин, Сербия, Сибирь, Сирия, Сицилия, Средняя Азия, Турция, Финляндия, Франция, Черногория, Швейцария, Швеция, Япония.

Всего данные субъекты упоминаются 8 278 раз в период с 1828 по 1881 г. Следует сразу же уточнить, что до 1859 г. их появление в круге размышлений писателя единично и не носит еще целостного геополитического характера.

Геополитические воззрения Достоевского необходимо рассматривать и анализировать в общем контексте международных политических событий середины – второй половины XIX в., в том числе непосредственно

¹ Специальное изучение городов и других населенных пунктов, гидронимов, имен собственных политических деятелей и прочего в указанном подходе – задача следующих этапов работы. Очевидно, что в результате этого геополитическая карта мира писателя, описанная в данной статье, будет уточнена.

касающихся России – бесспорного центра всех геополитических размышлений писателя.

Основное направление политики Российской империи в данный период было сосредоточено на разрешении пограничных споров, конфликтов, а также на политическом продвижении в Азии. Сюда относятся следующие события: завершающий этап Кавказской войны, начавшийся после пленения имама Шамиля (1859–1864 гг.); польское восстание и разрешение данного конфликта силовым методом (1863–1864 гг.), что значительно повлияло на взаимоотношения России с европейскими государствами; покорение русскими войсками Средней Азии: война с Кокандским ханством и Бухарским эмиратом (1864–1868 гг.), Хивинский поход (1873 г.), завершившийся в 1876 г. окончательным включением Кокандского ханства в состав Российской империи. Шло формирование новых границ и на дальневосточном направлении посредством: с Китаем – Пекинского договора 1860 г., окончательно закрепившего за Россией Приморье; с Японией – Петербургского договора 1875 г. о передаче России острова Сахалин в обмен на 18 островов Курильской гряды; с США – подписания договора о продаже Аляски и Алеутских островов США в 1867 г.

Параллельно с этим Россия вела политику ликвидации последствий Крымской войны и Парижского трактата 1856 г., а также разрешения восточного вопроса. В рамках данного направления следует выделить Циркуляр канцлера А.М. Горчакова 1870 г. об отказе от условий Парижского мира и последующую Лондонскую конвенцию 1871 г., отменившую ограничения России и Турции на Черном море. Одновременно Россия подтвердила союзнические отношения с Австрией и Германией в рамках «Союза трех императоров» в ходе Шенбруннского соглашения 1873 г., а также секретной Будапештской конвенции России и Австрии о нейтралитете последней в случае русско-турецкой войны. В конечном счете, данная международная политика привела к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (а годом ранее – к сербско-турецкой, черногоро-турецкой войнам), закончившейся подписанием Сан-Стефанского мирного договора, а затем – к Берлинскому конгрессу.

В то же время на европейском континенте шел процесс объединения двух крупных государств – Италии и Германии. К сложному процессу объединения Италии следует отнести австро-итало-французскую войну 1859 г., провозглашение единого Королевства Италии в 1861 г., а также завершение формирования данного государства после присоединения Папской области и переноса столицы в Рим в 1870 г. Параллельно шло объединение Германии, важными событиями в котором стали назначение Отто фон Бисмарка главой правительства Пруссии (1862 г.), австро-

пруско-датская война (1864 г.), австро-пруско-итальянская война (1866 г.), которые привели к созданию Северогерманского союза и исключению Австрии из модели будущего единого германского государства. Финальным историческим событием здесь стала франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся падением Второй французской империи, на смену которой сначала пришла Парижская коммуна, затем – Третья республика, и провозглашением Германской империи. Среди других важных международных событий рассматриваемого периода отметим завершение второй «опиумной войны» (1860 г.), приведшей к изменению положения и границ Китая за счет уступок великим державам; гражданскую войну в США (1861–1865 гг.), после которой США (как и Япония после революции Мэйдзи) встали на путь колониальной экспансии, и этот внутренний политический процесс породил противостояние между Россией, Англией и Францией; открытие Суэцкого канала (1869 г.), оказавшего колоссальное влияние на мировую торговлю. Специально стоит отметить продолжавшиеся колониальные захваты ведущих мировых держав; например, у Великобритании – это Белуджистан (1876 г.), Суэцкий канал (1875 г.), создание доминиона Канады (1867 г.), ведение очередной войны в Афганистане (1878–1881 гг.). Аналогичные процессы шли и у других держав.

Активность и интенсивность геополитических размышлений Достоевского часто совпадают со временем указанных исторических событий.

Ниже представлены результаты геополитического и хронополитического исследования всего массива текстов Достоевского, а именно датирование их по годам с указанием количества геополитических субъектов, оказавшихся в сфере внимания писателя.

В период с 1838 по 1845 г. упоминание каких-либо геополитических субъектов носит единичный характер и ограничивается четырьмя странами: Россия, Франция, Германия и Испания. В 1838 г. Россия, Германия и Франция упоминаются по одному разу. В 1840 г. также единично зафиксированы Россия и Франция. В 1839, 1841, 1842 гг. – вообще никаких упоминаний. В 1843–1845 гг. – вновь единичные фиксации: в 1843 г. Россия – 1, Франция – 2 раза, в 1844 г. Россия – 2, а также впервые Кавказ – 1 раз; в 1845 г. Россия – 2, Франция – 2, Испания – 1 раз.

В 1846 г. количество геополитических размышлений об указанных территориях кратно возрастает: Россия – 14, в том числе впервые Крым – 1, Сибирь – 3; Франция – 12; к ним прибавляются также Турция – 5, Голландия – 1, Индия – 1, Испания – по-прежнему 1.

В 1847 г. объектом размышлений Достоевского становятся: Россия – 33 раза, Франция – 5, Голландия – 2, впервые Греция – 1 раз. В 1848 г. впер-

вые активизируется интерес к Италии – 9 раз, появляется Дания – 1, по-прежнему есть Россия – 2, Франция – 1, Турция – 2 раза. В 1849 г. значительно возрастает количество упоминаний Франции – 21 раз, Россия – 8, Германия – 5, по одному разу названы Англия, Греция и Италия, впервые появляется Перу – 1 раз.

В период с 1850 по 1853 г. по объективным причинам каких бы то ни было упоминаний не обнаружено: Достоевский находился в омском остроге, был лишен права переписки, никаких свидетельств его геополитических размышлений этого периода не сохранилось.

В начале 1854 г. Достоевский вышел из каторги, после чего был определен на солдатскую службу в Семипалатинске. В этом году в круге интересующих Достоевского геополитических субъектов вновь Россия – 5 упоминаний, в том числе специально Кавказ – 9, Сибирь – 3, а также Франция – 1, Германия – 2, впервые появляется Китай – 1 упоминание.

В 1855 г. не зафиксировано ни единого упоминания каких-либо стран или регионов.

В 1856 г. на фоне коронации Александра II было объявлено о помиловании петрашевцев, после чего Достоевский был произведен в прапорщики. В этом году наблюдается значительное возрастание размышлений о России – 45, которые тесно переплетаются с замечаниями о Сибири – 21, Кавказе – 2, Средней Азии – 1; также о Франции – 4, по одному разу – Турции и Голландии. 1857–1858 гг. не очень богаты геохронологическим материалом, всего 37 упоминаний за два года, которые в основном сосредоточены на России (1857 г. – 9, 1858 г. – 16) и Сибири (1857 г. – 1, 1858 г. – 8), по одному разу фиксируется Алтай (1857 г.), Малороссия (1857 г.) и Китай (1858 г.).

В конце 1859 г. Достоевский возвращается в Петербург. В этом году выявлено 13 стран и регионов: Россия – 29 раз, Сибирь – 21, Франция – 24, Германия – 6, Италия – 6, Испания – 5, Голландия – 3, Польша – 2, Турция – 2 раза, по 1 разу Кавказ, Китай, Англия и Швейцария.

Следует отметить, что в мировой политике в этом году начинается последний этап Кавказской войны после пленения имама Шамиля, а на европейском континенте наблюдается сложный процесс объединения двух крупных государств – Италии и Германии.

Именно с 1859 г. начинается период формирования геополитической концепции Достоевского; впервые прорисовываются и становятся видны границы его геополитической карты мира; впервые количество геополитических упоминаний писателя превышает 100 единиц (102).

Далее основные геополитические размышления Достоевского распределяются по годам следующим образом: 1860 г. – 567 упоминаний,

1862 г. – 328, 1863 г. – 155, 1864 г. – 120, 1866 г. – 265, 1867 г. – 128, 1868 г. – 366, 1869 г. – 170, 1872 г. – 388, 1873 г. – 381, 1875 г. – 264, 1878 г. – 122, 1880 г. – 502, 1881 г. – 135 упоминаний. Рекордными по насыщенности геополитической информацией являются 1876 г. – 1 516 и 1877 г. – 2 100 упоминаний.

В 1860 г. Достоевский активно включается в актуальную социокультурную и политическую жизнь России. Он жадно изучает новую актуальную социально-политическую ситуацию страны, существенно расширяется его круг общения, он создает вместе с братом литературный кружок, присутствует на вечерах и в кружках в самых различных домах Москвы и Петербурга [15. 1. С. 254–281].

Думается, этим обусловлен небывалый ранее рост гео- и хронополитических размышлений писателя, количество упомянутых им геополитических субъектов возросло до 567. Так, многократно увеличилось размышления о России – 397 (это сопоставимо только с будущими 1876–1877 гг.); много раздумий о судьбах Германии – 41, Франции – 41 упоминание, до этого года столь частых обращений к этим важнейшим геополитическим субъектам не было. Впервые из тени единичных упоминаний выходит Англия – 18. В этом же году на карте Достоевского впервые появляется Америка – 4 упоминания, Дагестан – 4, Египет – 2, Мексика – 2, Сандвичевы острова – 3, Швеция – 3, Япония – 3. Помимо перечисленных, вновь упоминается Кавказ – 9 раз, Крым – 2, Малороссия – 3, Сибирь – 1, Италия – 11, Швейцария – 4, Голландия – 3, Греция – 6, Испания – 2, Китай – 5, Индия – 1, Перу – 2 раза.

В 1861 г. наблюдается определенное затишье. Общее количество геополитических упоминаний за год: Россия – 14, Италия – 12, Франция – 11, Германия – 4, Англия – 5, Швейцария – 3, Китай – 3, Сибирь – 6, Польша – 1, впервые появляется Австрия – 2.

В мае 1862 г. Достоевский отправляется в свое первое заграничное путешествие, посещает Пруссию, Германию, Францию, Бельгию, Англию, Австро-Венгрию, Литву. Путешествие закономерно повлияло на увеличение количества геополитических замечаний. Но обращает на себя внимание тот факт, что на фоне его пребывания за границей увеличивается и количество упоминаний о России и ее азиатской части: Россия – 140, Сибирь – 58. Это наиболее частотное обращение к Сибири в творчестве Достоевского в целом, что представляется важным, поскольку, как отмечает И.А. Айзикова, «в современном мире активно переосмысливается значение геокультуры <...> Сибири, занимающей обширную часть мирового пространства» [16. С. 6]. Думается, такая высокая частотность упоминания Сибири может быть связана, в том числе, с активной публикацией

в это время «Записок из Мертвого дома» (во «Времени» и отдельным изданием). Помимо России и Сибири, упоминаются Средняя Азия – 13 раз, Польша – 18, Кавказ – 5, Крым – 1, а также Черногория – 27, Китай – 1, Англия – 28, Франция – 17, Америка – 3, Турция – 3, Швейцария – 2, Италия – 3, Германия – 8 раз.

1863–1865 гг. были посвящены у Достоевского его журналу «Время», а затем – «Эпоха». Настоящим испытанием стал для него 1864 г., когда он одновременно потерял и брата М.М. Достоевского, и первую жену М.Д. Достоевскую. Вероятно, этим объясняется относительно низкая активность по исследуемому нами вопросу: в целом упомянуты 327 единиц.

В 1863 г. находим 155 упоминаний 14 субъектов: Россия – 102, Малороссия – 2, Англия – 12, Германия – 3, Голландия – 2, Испания – 2, Италия – 2, Польша – 5, Сибирь – 1, Франция – 4, Швейцария – 7, Китай – 1. Впервые встречается единичное упоминание Африки.

В 1864 г. обнаружено 120 упоминаний 13 территорий: Россия – 63, Австрия – 3, Америка – 2, Англия – 5, Германия – 28, Греция – 3, Франция – 5, по одному упоминанию об Испании, Италии, Швейцарии, Китае, Сибири.

В 1865 г. отмечено 52 упоминания 8 стран и регионов, из них большая часть – это Россия (33), встречаются также: Сибирь – 2 раза, Англия – 4, Германия – 3, Египет – 2, Италия – 1, Франция – 4, Швеция – 1, Швейцария – 2 раза.

В 1866 г., ко времени завершения и первой публикации «Преступления и наказания», обнаружено 265 статистических единиц упоминания 14 субъектов: Россия – 73, Австрия – 8, Англия – 20, Африка – 1, Германия – 21, Голландия – 1, Египет – 7, Италия – 1, Китай – 1, Польша – 24, Сибирь – 6, Турция – 5, Франция – 90, Швейцария – 7.

1867–1871 гг. Достоевский проживает за границей. В начале 1867 г. состоялось венчание Фёдора Михайловича Достоевского и Анны Григорьевны Сниткиной, и в апреле семья Достоевских выезжает за границу: сначала в Вильну и Берлин, после – в Дрезден и Гамбург. Июнь и июль они проводят во Франкфурте и Бадене, в августе перебираются в Базель, впоследствии – в Женеву. В это время Достоевский работает над романом «Идиот». В 1867 г. обнаружено 128 упоминаний 8 субъектов: Россия – 60, Австрия – 2, Англия – 3, Германия – 25, Италия – 12, Мексика – 1, Франция – 8, Швейцария – 17.

В 1868 г. количество геополитических фиксаций несколько возрастает, и количество упоминаний увеличивается до 366, охватывающих 12 субъектов: Россия – 228, Австрия – 1, Германия – 2, Италия – 12, Крым – 2, Польша – 2, Сибирь – 13, Средняя Азия – 1, Турция – 2, Франция – 41,

Швеция – 1, Швейцария – 61. В этом году в «Русском вестнике» начинает публиковаться роман «Идиот», а у четы Достоевских рождается и через три месяца умирает их первая дочь Софья, после чего семья переезжает из Швейцарии в Италию.

В 1869 г. Достоевские продолжают передвигаться по Европе: Болонья, Венеция, Вена, Прага, Дрезден. У них рождается дочь Любовь; Ф.М. Достоевский начинает работу над замыслом «Житие великого грешника». В этом году найдено 170 единиц 14 субъектов: Россия – 97, Америка – 7, Англия – 15, Бретань – 1, Германия – 18, Голландия – 1, Греция – 1, Италия – 10, Китай – 5, Сибирь – 5, Сицилия – 1, Турция – 1, Франция – 3, Швейцария – 5.

1870–1871 гг. стали важнейшим периодом в политической жизни Европы и последним этапом этого долгого пребывания Достоевских за границей. В это время они живут в основном в Дрездене, писатель работает над романом «Бесы». Тоска по родине, сопровождавшая писателя все эти годы пребывания за границей, все более усиливается: «Здесь я нахожусь в таком гнусном состоянии духа, что почти писать не могу. Мне ужасно тяжело писать. За событиями слежу и у нас и здесь лихорадочно и много прожил жизни в эти четыре года. Сильно жил, хотя и уединенно» (из письма Майкову от 30 декабря 1870 г. (11 января 1871 г.)) [17. С. 161]. В июле 1871 г. они возвращаются в Россию.

«За событиями слежу», – написал Достоевский [Там же]. Действительно, он крайне внимательно следит за новостями о франко-прусской войне, об объединении Германии, о поражении Франции и падении Наполеона III, которое привело также и к падению политической власти Папы Пия IX, к переносу истинной столицы Италии из Ватикана в светский Рим и к окончательному формированию Италии как единого государства. В письмах того времени много размышляет об этой победе Германии и об изменении политической карты Европы. Но вместе с тем количество геополитических статистических данных в эти годы невелико: в 1870 г. – это 96 упоминаний семи субъектов: Россия – 73, Америка – 1, Англия – 2, Германия – 8, Крым – 2, Сирия – 1, Франция – 9. В 1871 г. упоминаются всего только 3 страны, которые можно воспринимать как ключевые в этот период для писателя: Россия – 39 раз, Германия – 8, Франция – 7 раз.

Однако после возвращения Достоевского в Россию уже в 1872 г. список анализируемых геополитических субъектов качественно увеличивается, это 388 единиц 18 стран и регионов: Россия – 216, Америка – 27, Англия – 11, Германия – 16, Греция – 2, Египет – 2, Испания – 6, Италия – 7, Кавказ – 1, Китай – 1, Крым – 2, Польша – 4, Сирия – 12, Турция – 2,

Франция – 21, Швейцария – 52. В этом году впервые упоминается Аравия – 3 и Исландия – 3 раза.

В 1873 г. происходит событие, важное для окончательного оформления геополитической концепции Достоевского: он принимает предложение князя В.П. Мещерского редактировать его «газету-журнал политики и литературы» «Гражданин». Деятельность писателя в этом издании продлится недолго, 1873–1874 гг. Но работа в «Гражданине» позволила Достоевскому-публицисту осуществить свою давнюю мечту и создать в журнале литературно-публицистический отдел «Дневник писателя»; также он должен был вести еженедельные обзоры иностранных политических событий. На этом фоне в 1873 г. круг геополитического материала увеличивается, но ненамного, это 381 упоминание о 20 субъектах: Россия – 165, Австрия – 25, Алтай – 3, Америка – 7, Англия – 17, Бретань – 1, Германия – 60, Испания – 11, Италия – 34, Китай – 11, Крым – 2, Польша – 4, Сибирь – 9, Турция – 1, Франция – 17, Швейцария – 1; впервые появляются Болгария – 2, Венгрия – 8, Молдавия – 2, и Финляндия – 1.

В 1874 г., после разрыва Достоевского с князем В.П. Мещерским и на фоне начала работы над «Подростком», отмечается спад активности: 100 упоминаний 10 стран, причем главенствующее место среди них занимает Германия: Германия – 46, Австрия – 1, Англия – 5, Африка – 1, Испания – 3, Италия – 3, Китай – 1, Россия – 27, Франция – 11, Швейцария – 2.

В течение 1875 г., когда Ф.М. Достоевский публикует роман «Подросток», отмечено 264 единицы 15 субъектов: Россия – 163, Австрия – 3, Америка – 7, Англия – 12, Германия – 16, Греция – 1, Египет – 2, Испания – 1, Италия – 4, Крым – 2, Польша – 11, Сибирь – 2, Финляндия – 1, Франция – 38, Швеция – 1.

Как уже было отмечено выше, пик геополитических размышлений Достоевского приходится на 1876–1877 гг. – 1 516 и 2 100 соответственно.

С 1876 г. он начинает публиковать «Дневник писателя», в котором в особой синтетической форме выражаются литературные, историософские, политические, литературно-критические, социологические, историко-культурные размышления Достоевского-философа, Достоевского-публициста и Достоевского-художника.

В этом же году началась Русско-турецкая война 1876–1877 гг., за которой Фёдор Михайлович предельно внимательно следил и которой он посвятил многие страницы «Дневника писателя».

Можно предположить, что именно совпадение этих двух (конечно, очень разных) явлений, важнейшего военного геополитического события и появившейся у Достоевского возможности свободно и подробно писать

о нем, и привело к такому количественному и качественному эффекту геополитических размышлений писателя.

1876 г. отмечен самым большим количеством названных стран и регионов, это 1 516 упоминаний 32 субъектов: Россия – 853, Австрия – 27, Алтай – 1, Америка – 27, Англия – 94, Аравия – 1, Балканы – 8, Бельгия – 2, Болгария – 25, Босния – 3, Венгрия – 5, Германия – 109, Герцеговина – 10, Греция – 7, Египет – 5, Израиль – 2, Испания – 1, Италия – 20, Кавказ – 6, Китай – 8, Крым – 15, Малороссия – 2, Мальта – 3, Польша – 4, Румыния – 1, Сербия – 48, Сибирь – 12, Средняя Азия – 1, Турция – 60, Франция – 144, Черногория – 7, Швейцария – 5.

В свою очередь, в 1877 г. наблюдается самое значительное количество упоминаний геополитических субъектов, это 2 100 единиц о 25 странах и регионах: Россия – 981, Австрия – 73, Америка – 4, Англия – 122, Балканы – 10, Болгария – 53, Босния – 1, Венгрия – 6, Галиция – 1, Германия – 254, Герцеговина – 3, Испания – 5, Италия – 10, Крым – 1, Литва – 4, Польша – 32, Румыния – 1, Сербия – 35, Сибирь – 21, Средняя Азия – 1, Турция – 208, Финляндия – 1, Франция – 268, Черногория – 4, Швейцария – 1.

Географическое положение и актуальное геополитическое состояние называемых Достоевским стран и регионов ярко показывают особенности его геополитической концепции: в нее входит и Европа, и Азия, и Запад, и Восток. Особенно остро ставится здесь восточный вопрос – вопрос об азиатском пути развития России, и дихотомия Европа–Азия обретает отчетливое оформление и осязаемые границы: Достоевский выстраивает дискурс, в котором «восточный вопрос» [18. С. 37] «уточняется как несравненно более значимый и актуальный для него вопрос „славянский“» [19. С. 45].

Острые современные процессы мировой политики и истории и вопросы будущности Российской империи даны в «Дневнике писателя» в органичной и глубокой взаимосвязи. «Дневник писателя» демонстрирует глубочайшие знания Достоевского в области военного, политического, культурного, географического состояния современного ему мира. С этим связан мощный всплеск его геополитических изысканий, невиданное ранее расширение границ геополитической карты и картины мира писателя, в которой Россия всегда занимает центральное положение по отношению к другим странам и регионам.

Начиная с 1876 и по 1881 г. включительно Достоевский не только обращается к явлениям мировой политики сегодняшнего дня, но и осмысливает события прошедших десятилетий, встраивая их в собственную систему координат, в центре которой – вопрос о настоящем, про-

шлом и будущем России. Писатель предлагает рассмотреть сквозь призму своей геополитической концепции не только уже произошедшие, но и необходимые, с его точки зрения, но пока не состоявшиеся события, вполне возможные в ближайшей или долгосрочной политической перспективе.

В 1878 г. на фоне трагической для семьи Достоевских смерти младшего сына Алеши, писатель продолжает размышлять об актуальной для него геополитической проблематике, о путях и способах самоидентификации России в контексте предлагаемых Европой и Азией путей дальнейшего геополитического развития. Однако в этом году отмечено только 122 единицы всего 7 субъектов: Россия – 93, Англия – 3, Германия – 18, Кавказ – 2, Сахалин – 2, Сибирь – 1, Франция – 3.

Этот спад удивительным образом продолжается в 1879 г., когда обнаруживается лишь единичное упоминание Польши. Достоевский в это время активно занимается созданием и публикацией романа «Братья Карамазовы», возможно, работа над этим произведением, обобщающим многие ключевые мысли, мотивы и сюжеты всего его художественного творчества, так кардинально отвлекла его от специальной геополитической проблематики.

В свою очередь, 1880 г. был насыщенным событиями, прямо или косвенно повлиявшими на гражданскую и политическую позицию Достоевского. В этом году писатель встречается с Александром III; открывает «Книжную торговлю Ф.М. Достоевского» в Петербурге (она будет закрыта вскоре после его смерти); у С.А. Толстой знакомится с дипломатом Эженом М. де Вогюэ, с которым жарко обсуждает вопросы самоопределения русских и европейцев; заканчивает роман «Братья Карамазовы»; получает информацию об освобождении от надзора III отделения; произносит знаменитую Пушкинскую речь. В этом году обнаруживается 502 упоминания 23 субъектов: Россия – 354, Австрия – 1, Америка – 17, Англия – 9, Германия – 8, Голландия – 1, Греция – 1, Дания – 1, Египет – 3, Испания – 1, Италия – 4, Кавказ – 1, Китай – 5, Польша – 27, Сибирь – 26, Сирия – 1, Сицилия – 3, Турция – 8, Финляндия – 1, Франция – 26, Швеция – 1, Швейцария – 1, Япония – 2.

В 1881 г. у Достоевского выходит лишь один выпуск «Дневника писателя» за январь, и тем удивительнее значительное количество упоминаний геополитических субъектов, в центре которых – размышления об азиатском пути развития России, о ее азиатских истоках. «Азия-то и есть наш главный исход!» – отмечает Достоевский в главе «Дневника» «Гео-Ктепе. Что для нас Азия?» [20. С. 33]. За один этот месяц обнаружено 135 статистических единиц 14 субъектов: Россия – 81, Австрия – 3, Америка – 5,

Англия – 7, Африка – 1, Болгария – 3, Германия – 16, Египет – 3, Индия – 2, Китай – 3, Сибирь – 2, Средняя Азия – 1, Турция – 4, Франция – 4. Геополитические размышления Достоевского обретали новый масштаб...

На основе проделанных геохронологических статистических подсчетов составлен рейтинг частотности упоминания геополитических субъектов: Россия (4420), Франция (848), Германия (735)¹, Англия (397), Турция (304), Сибирь (223), Италия (173), Швейцария (172), Польша (145), Австрия (141), Америка (119), Болгария (83), Сербия (83), Китай (49), Испания (40), Черногория (38), Кавказ (38), Крым (30), Египет (26), Греция (23), Венгрия (19), Балканы (18), Средняя Азия (18), Голландия (15), Сирия (14), Герцеговина (13), Малороссия (10), Швеция (7), Япония (6), Алтай (5); Аравия, Африка, Босния, Дагестан, Индия, Литва, Мексика, Сицилия, Финляндия – по 4 раза; Бельгия, Исландия, Мальта, Перу, Сандвичевы острова – по 3 раза; Бразилия, Бретань, Дания, Израиль, Молдавия, Румыния, Сахалин – по 2 раза; Галиция – 1 раз.

По количеству геополитических упоминаний в год рейтинг выстраивается следующим образом: 1877 г. (2 100), 1876 г. (1 516), 1860 г. (567), 1880 г. (502), 1872 г. (388), 1873 г. (381), 1868 г. (366), 1862 г. (328), 1866 г. (265), 1875 г. (264), 1869 г. (170), 1863 г. (155), 1881 г. (135), 1867 г. (128), 1878 г. (122), 1864 г. (120), 1859 г. (102), 1874 г. (100), 1870 г. (96), 1856 г. (75), 1861 г. (61), 1871 г. (54), 1865 г. (52), 1846 г. (43), 1847 г. (41), 1849 г. (38), 1858 г. (25), 1854 г. (21), 1848 г. (15), 1857 г. (12), 1845 г. (5), 1843–1844 гг. (3), 1838–1839 гг. (2), 1879 г. (1); в 1841, 1842, 1850, 1851, 1852, 1853 и 1855 гг. упоминаний геополитических субъектов не обнаружено.

Проведенное исследование ярко демонстрирует широту и масштабность геополитического мышления Достоевского. Анализ источников показал, что геополитическое сознание великого русского писателя находит отражение на всех уровнях его творчества. Художественные произведения, письма, заметки, публицистика перенасыщены политическими, историческими, социокультурными размышлениями и замечаниями, которые, вне всяких сомнений, формируют особую геополитическую картину мира Достоевского. В то же время количественный и хронологический анализ геополитических материалов в творчестве писателя позволяет констатировать, что в центре всех его размышлений находится

¹ Окончательное описание Германии следует специально оговорить: здесь представлена уже объединенная Германская империя, в состав которой при количественном подсчете включены Пруссия, Саксония и Бавария ввиду того, что сложные процессы объединения Германии, ее постоянно меняющиеся территориальные границы в геополитическом наследии Достоевского требуют специального анализа.

Российская империя, а широкое присутствие на геополитической карте Достоевского других мировых держав и регионов имеет для него окончательный смысл и значение, прежде всего, во имя России.

Список источников

1. Цымбурский В.Л. Остров Россия: геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. М., 2007. 543 с.
2. Roazen P. Political Theory and the Psychology of the Unconscious: Freud, J.S. Mill, Nietzsche, Dostoevsky, Fromm, Bettelheim and Erikson. Open Gate Press, 2000. 185 p.
3. Trepanier Lee, Avramenko R. Dostoevsky's Political Thought. Lexington Books, 2013. 254 p.
4. McReynolds Susan. Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky // Literary Imagination. 2002. Vol. 4, is. 1. P. 91–104.
5. Schmid U. Heidegger and Dostoevsky: Philosophy and Politics // Dostoevsky Studies, New Series. 2011. Vol. XV. P. 37–45.
6. Orr J. The Demonic Tendency, Politics and Society in Dostoevsky's The Devils // The sociological review foundation. 1978. Vol. 26, is. 1. P. 271–283.
7. Сараскина Л.И. «Бесы»: роман-предупреждение. М., 1990. 480 с.
8. Карякин Ю.Ф. Достоевский и канун XXI века. М., 1989. 652 с.
9. Подрезов М.В. Идейные воззрения Ф.М. Достоевского на место Польши в России и мире // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 170–176.
10. Hill C. Grand Strategies: Literature, Statecraft and World Order. Yale University Press, 2011. 368 p.
11. LaCapra D. History, Politics and the Novel. Cornell University Press, 1989. 240 p.
12. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского. Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302.
13. Шайкевич А.Я., Андрищенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского / Рос. акад. наук. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. М., 2003. 880 с.
14. Достоевский Ф.М. Энциклопедическое собрание сочинений. М., Бизнессофт, 2005. Серия: Электронные книги.
15. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: в 3 т. СПб., 1993.
16. Айзикова И.А. Введение // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск, 2019. 492 с.
17. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 29. Кн. 1. Л., 1983. 574 с.
18. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л., 1986. Т. 25. 470 с.
19. Новикова Е.Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского периода русско-турецкой войны 1877 гг. // Имагология и компаративистика. 2016. № 1. С. 44–51.
20. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Л., 1972. Т. 27. 463 с.

References

1. Tsymburskiy, V. L. (2007) *Ostrov Rossiya: geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [Island Russia: geopolitical and chronopolitical works, 1993–2006]. Moscow: ROSSPEN.

2. Roazen, P. (2000) *Political Theory and the Psychology of the Unconscious: Freud, J.S. Mill, Nietzsche, Dostoevsky, Fromm, Bettelheim and Erikson*. Open Gate Press.
3. Trepanier, L. & Avramenko, R. (2013) *Dostoevsky's Political Thought*. Lexington Books.
4. McReynolds, S. (2002) Aesthetics and Politics: The Case of Dostoevsky. *Literary Imagination*. 4(1). pp. 91–104.
5. Schmid, U. (2011) Heidegger and Dostoevsky: Philosophy and Politics. *Dostoevsky Studies, New Series*. XV. pp. 37–45.
6. Orr, J. (1978) The Demonic Tendency, Politics and Society in Dostoevsky's *The Devils*. *The Sociological Review Foundation*. 26(1). pp. 271–283. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1978.tb03253.x
7. Saraskina, L.I. (1990) “Besy”: *Roman-preduprezhdenie* [“Demons”: a novel-warning]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
8. Karyakin, Yu.F. (1989) *Dostoevskiy i kanun XXI veka* [Dostoevsky and the eve of the 21st century]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
9. Podrezov, M.V. (2019) Fyodor Dostoevsky's ideological views on the place of Poland in Russia and in the world. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 49. pp. 170–176. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/49/17
10. Hill, Ch. (2001) *Grand Strategies: Literature, Statecraft and World Order*. Yale University Press.
11. LaCapra, D. (1989) *History, Politics and the Novel*. Cornell University Press.
12. Shcherbinin, A.I. & Shcherbinina, N.G. (2018) Mapping the Slavic world in “The Diary of a Writer” by F.M. Dostoevsky. *Rusin*. 4(54). pp. 292–302. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/54/17
13. Shaikevich, A.Ya., Andryushchenko, V.M. & Rebetskaya, N.A. (2003) *Statisticheskii slovar' yazyka Dostoevskogo* [The Statistical Dictionary of Dostoevsky's Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Dostoevskiy, F.M. (2005) *Entsiklopedicheskoe sobranie sochineniy* [The Encyclopedic Collection of Works]. Businesssoft LLC.
15. Fridlender, G.M. & Budanova, N.F. (eds) (1993) *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 t.* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 vols]. St. Petersburg: Akademicheskii projekt.
16. Aizikova, I.A. (2019) Vvedenie [Introduction]. In: Aizikova, I.A. (ed.) *Slovesnaya kul'tura Sibiri v obshcherossiyskom i evropeyskom kontekstakh (XIX – nachalo XX v.)* [Verbal culture of Siberia in Russian and European contexts (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
17. Dostoevskiy, F.M. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: in 30 vols]. Vol. 29. Leningrad: Nauka.
18. Dostoevskiy, F.M. (1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: in 30 vols]. Vol. 25. Leningrad: Nauka.
19. Novikova, E.G. (2016) Western “Slavs” in “A Writer's Diary” by F.M. Dostoevsky in the time of the Russo-Turkish War of 1877–1878. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1. pp. 44–51. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/5/3
20. Dostoevskiy, F.M. (1972) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: in 30 vols]. Vol. 27. Leningrad: Nauka.

Сведения об авторах:

Новикова Е.Г. – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: elennov@mail.ru

Понкратова Е.М. – кандидат филологических наук, старший преподаватель отделения русского языка Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: ekponkratova@yandex.ru

Кожевникова А.Г. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: savanna1984@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Novikova E.G. – National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: elennov@mail.ru

Ponkratova E.M. – National research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ekponkratova@yandex.ru

Kozhevnikova A.G. – National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: savanna1984@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.06.2020;
одобрена после рецензирования 10.12.2020; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 02.06.2020;
approved after reviewing 10.12.2020; accepted for publication 14.03.2022*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/23062061/28/2

«СВЕРХТЕКСТ» Е.И. ЗАМЯТИНА О ДЕВЕ-ВОИТЕЛЬНИЦЕ. СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Вероника Борисовна Зусева-Озкан

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия),
zuseva_v@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается важнейший элемент замятинского «сверхтекста» о деве-воительнице – трагедия «Атилла». Выявляются принципиальные черты сходства воинственной героини пьесы Ильдегонды с валькирией Брунгильдой из истории нибелунгов (в разных ее вариациях) и непокорной Йордис из трагедии Г. Ибсена «Воители в Гельгеланде». Обсуждается «отклонение» «Атиллы» от канонического – и в рамках мифологической и литературной традиции, и в рамках собственно замятинского творчества – сюжета о воительнице.

Ключевые слова: дева-воительница, Е. Замятин, гендер, фемининность, «Атилла», Брунгильда, Г. Ибсен, «Воители в Гельгеланде», Йордис

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10100) в ИМЛИ РАН.

Для цитирования: Зусева-Озкан В.Б. «Сверхтекст» Е.И. Замятина о деве-воительнице. Статья вторая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 22–39. doi: 10.17223/23062061/28/2

Original article

YEVGENY ZAMYATIN'S "HYPERTEXT" ABOUT THE FEMALE WARRIOR. ARTICLE II

Veronika B. Zuseva-Özkan

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Russian Federation, zuseva_v@mail.ru*

Abstract. The second article of the two-part cycle considers the most important element of Zamyatin's "hypertext" about the female warrior, i.e., the tragedy *Atilla*. The author offers the genealogy of the play's heroine, Il'degonda, from Brynhildr of the *Poetic Edda* and Wagner's Brünnhilde to Ibsen's Hjordis (*The Vikings at Helgeland*) and N. Gumilyov's Lera (*Gondla*). The common elements of *Atilla* and variations of the story of the Nibelungs are analyzed in detail: the association with the Burgundian locus, the parallels between the main characters and wolves, the connection of the heroine to the mythologem of fate, her identification with the snake, the motif of the broken vow, the motif of flames. The specific correlation of two female characters in *Atilla* (Il'degonda and Kerka) is highlighted. It strongly resembles Ibsen's "paired" heroines:

demonic and idyllic, breaking the confines of gender stereotypes and “normative”, such as Hjordis and Dagny in Ibsen’s tragedy *The Vikings at Helgeland* based on the Völsunga saga. Together with the “Valkyric myth” and the archetypal story of Siegfried and Brünnhilde visible in the plot of *Atilla*, the genetic relationship between *The Vikings at Helgeland* and *Atilla* is described as highly probable. The analysis of the play shows that, though this type of heroine is represented in *Atilla* in a very elaborate way, it still begins to blur due to the non-canon relationship between the female warrior and the chosen hero. This tragedy features almost all obligatory elements of the motif complex and the plot, which are characteristic for this heroine, but lacks the most important component, i.e., the heroine’s love for the “strong one”. While losing the ability to love the chosen hero, the heroine also ceases to conform to the heroic image of the female warrior. Il’degonda not only loves the character unequal to her in strength, namely, the cowardly Vigila, but also forgives him his shame (the corporal punishment which he chooses over death), which is unthinkable for a true female warrior. Moreover, Il’degonda herself not once succumbs to cowardice (which is impossible for the heroine of this type). Finally, she kills of the rebellious boy slave – an ambiguous act which undeniably goes beyond the heroic behavior. Thus, though elevated above other *Atilla*’s enemies, she is only half-“courageous” and half-“strong” – just the way she is made, in Zamyatin’s words, “of the same metal as *Atilla*” only “halfway”.

Keywords: female warrior, Yevgeniy Zamyatin, gender, femininity, *Atilla*, Brünnhilde, Henrik Ibsen, *The Vikings at Helgeland*, Hjordis

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10100.

For citation: Zuseva-Özkan V.B. (2022) The “hypertext” of E. Zamyatin about the female warrior. Article II. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 22–39. doi: 10.17223/23062061/28/2

1. Ильдегонда и Брунгильда

В первой статье мы выявили ряд источников трагедии Е. Замятина «Атилла». В частности, речь шла об истории нибелунгов, которую писатель знал не только по популярнейшей тетралогии Вагнера, но и по другим источникам. Перечислим моменты сходства героини «Атиллы» Ильдегонды с валькирией Брунгильдой – по разным версиям истории о нибелунгах.

С Брунгильдой Ильдегону роднит не только мотив страха перед нею избранного героя, типичный именно для Вагнера. Во-первых, Ильдегонда представлена как дочь *бургундского* короля. Как известно, в германской «Песни о Нибелунгах» бургунды играют важную роль: за бургундского короля Гунтера выходит замуж побежденная Зигфридом королева Брунгильда, которая станет причиной его гибели; бургундкой по рождению является Кримхильда, на которой женится Зигфрид.

Во-вторых, Зигфрид/Сигурд и в «Старшей Эдде», и в исландской «Саге о Вёльсунгах», и у Вагнера принадлежит роду Вёльсунгов, т.е. Волчицей. В «Атилле» в диалоге главного героя и Ильдегонды Атилла тоже уподоблен волку, а героиня предстает победительницей волков:

Атилла (*не слышит, или не слушает. Ильдегонде*).

В лесу волчонка я раз поймал:

теперь он ходит за мной ручной.

Ильдегонда.

В лесу раз волк на меня напал,

его кости я зарыла под сосной [1. Т. 3. С. 369].

В-третьих, общеизвестна связь валькирий с *мифологемой судьбы* – см., например: «...ведали они не только войной, но и судьбой, т.е. распределением участи воинов в битвах» [2. С. 82]; «Брюнхильд, обманутая обручница Сигурда, клеветой спровоцировавшая убийство своего неверного возлюбленного, выступает в героическом цикле „Старшей Эдды“ тем узлом, вокруг которого сплетаются все остальные нити сюжета о Нифлунгах. Недаром в „Первой Песни о Гудрун“ <...> она названа (по имени одной из норн) *Urðr öðlinga* „Урд [т.е. свершившейся судьбой] князей“, *sorg sára / siau konunga* „жестокой скорбью (болью) / семерых конунгов“ и *vinspell vífa mest* „величайшей порчей (погибелью) друзей жен“ – т.е. причиной гибели не только Сигурда, но и всех, кому суждено погибнуть от руки или по наущению Атли и Гудрун. <...> в глазах окружающих Брюнхильд, очевидно, и предстает как сама судьба и смерть, унесшая величайшего из героев и долженствующая унести еще шестерых» [Там же. С. 90].

Однако так же представлена и Ильдегонда в «Атилле»: шут Зыркон, наблюдая первую встречу с ней Атиллы, предупреждает своего господина, что «судьба на всех языках бабьего рода».

Атилла.

Судьба? Судьбу согну я, как лук,

тетиву оплету из ее же волос –

судьба моя будет мне служить!

Зыркон. Будешь гнуть – не перегни, а то лопнет, да в лоб...

(*Ныряет под скамью. Атилла берет за руку Ильдегону. Она резко вырывает руку.*) [1. С. 369].

И действительно, Ильдегонда свершает судьбу героя.

В-четвертых, валькирии тесно связаны со *змеями* – и в мифологии (в «Старшей Эдде» такие героини характеризуются способностью к оборотничеству, причем присутствуют явные ассоциации со змеями [2. С. 81–82] как образом смерти), и в литературе – см., например, строку А.А. Блока «Валкирия, Дева, Змея» [3. С. 465] в написанном под влиянием вагнеровской тетралогии стихотворении «За холмом отзвенели упругие латы...» (в черновике). У Замятина героиня тоже неоднократно уподобляется змее:

Оногост.
Не римлянка она. Ее отец –
король бургундов.

Атилла.
Ехидна и змея – одно.
Союзники бургунды с Римом.

Оногост.
Змея – она кольцом, конечно, так...
Но вот и эдак тоже (показывает руками)
прямо вроде.
И если клонет в сердце... [1. С. 370–371];

Ильдегонда.
А змея безоружна? Я буду змеей:
раздвоится, станет змеиным язык.
Из себя я улыбку выжму, как яд...
Я сумею его обмануть... [Там же. Т. 3. С. 398];

Атилла.
Ты вьешься, змея, лжешь!
Ильдегонда (*скорее с угрозой*).
Попробуй, поверь... [Там же. С. 399];

Камель.
Ты кладешь себе в постель змею [Там же. С. 400];

Атилла (*Ильдегонде*).
Все молчишь?
Что сдвинула брови, как крылья?
Все равно – не улететь никуда:
теперь не поможет тебе
ни твой змеиный язык,
ни Рим, ни твой Бог, никто.
Молчишь? Проиграла игру? [Там же. С. 407]

В последней из приведенных реплик возникает еще и ассоциация героини с птицей («крылья», «улететь»). По нашему мнению, здесь тоже просвечивает связь с эддическими валькириями, которые предстают и в облике «лебединых дев» (а иногда и воронов): «В эддическом цикле о Сигурде Брюнхильд упоминает лебединое одеяние в связи с тем моментом своей биографии, который позволяет отождествить ее с валькирией

Сигдривой...» [4. С. 71]; «Лебединый облик валькирий принято приписывать и первоначальной связи с богом неба Тюрор, который некогда возглавлял мифический пантеон, но впоследствии был вытеснен <...> Одином» [Там же. С. 72].

В-пятых, как и в истории Зигфрида и Брунгильды, принципиальную роль в сюжете «Атилле» и в смерти героя играет *мотив нарушенной клятвы*: Сигурд/Зигфрид забывает о своих брачных клятвах Брунгильд/Брунгильде, Атилла нарушает обещание, данное рабу Камелю, согласно которому тот может отомстить убийце своего сына Гоура; убийцей же – о чем Атилла не знает, когда дает это обещание, – является Ильдегонда. Как Зигфрид оказывается между двумя клятвами – Брунгильде и Гудруне, так Атилла – между клятвами Камелю и Ильдегонде, которой обещает: «...что б ни было, что б ни случилось, / ты будешь моей женой. / Мое слово – крепко, как меч» [1. С. 400]. В обоих случаях присутствует мотив рокового незнания: Зигфрид не знает, что обручен, поскольку ему обманом дают напиток забвения; Атилла не знает, что предаст Камелю свою возлюбленную. И в обоих случаях нарушение клятвы оказывается роковым, приводя к смерти героя.

Наконец, с Ильдегондой, как и с Брунгильдой, связан *мотив огня*. В первой статье цикла о нем отчасти уже было сказано, но добавим, что это еще и огонь погребальный. Напомним, что Брунгильда, отомстившая Зигфриду, бросается в его погребальный костер, чтобы воссоединиться в смерти. «Атилла» заканчивается сценой, где приближенные Атиллы обнаруживают его тело и «Ильдегонду с ножом возле постели», а Оногост прибегает с вестью о том, что поймали ее сообщника (Вигилу), но существует еще и дополнительная финальная сцена, которая «присутствует во всех без исключения вариантах трех редакций трагедии, начиная с первой рукописи-плана, начатой 30 мая 1925 г., и кончая экземпляром, посланным А.М. Горькому 31 мая 1928 г. – во всех четырнадцати сохранившихся вариантах и двух синопсисах пьесы. Финал присутствует и в театральном экземпляре „Атилле“, сохранившемся в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке» [5. С. 25]. Но – добавим – не в позднейшем сценарии «Бич Божий» по мотивам пьесы, где финал соответствует печатающемуся обычно: «Сбежавшиеся с факелами люди выламывают дверь опочивальни и останавливаются: Атилла лежит на полу, полураздетая Ильдегонда – над ним стоит с ножом в руках. Ее месть совершилась. Вождь хунов Атилла – мертв» [6. С. 36]. Не пытаясь ставить здесь текстологический вопрос о последней авторской воле, отметим всё же необходимость иметь в виду эту вырезанную сцену. В ней Керка, первая жена Атиллы, страстно любящая его, умоляет:

Дайте мне – дайте мне умереть с ним!
Я вот так прижмусь к нему вся
И в объятьях его сгорю в пепел! [7. С. 263].

Она получает разрешение на этот поступок (кстати, согласно плану незаконченного романа Замятина «Бич Божий», Атилла спасает Керку с погребального костра ее первого мужа, объявляя своей женой, т.е. сюжет закольцовывался бы, если бы в пьесе была рассказана соответствующая предыстория), но еще прежде нее в костер Атиллы должна взойти Ильдегонда – хоть и не по своей воле. Исла говорит:

Ильдегонда, ты будешь до завтра жить.
Ненавидел тебя Атилла – любил –
Я не знаю, и о том судить не мне.
Но знаю: назвал он тебя женой
и хотел, чтоб на ложе к нему взошла.
Ты завтра ляжешь с ним на костре [Там же. С. 263].

Эта отвергнутая потом сцена проясняет соотношение образов Брунгильды и Ильдегонды: между ними много сходства, но главное отличие состоит в том, что *Брунгильда Зигфрида любила, а Ильдегонда Атиллу не любит*. Собственно, последняя ее реплика в пьесе относится к ее возлюбленному Вигиле: «Ильдегонда (*показывается в дверях, дико смотрит на всех*). А где он? Где он?» [1. С. 419]. Она молчит в ответ на гневные вопросы, не желая выдавать своего сообщника. А в отвергнутой финальной сцене это еще более явно: «Таких, как он, я не знаю... / Убила я одна...» [7. С. 262]. При такой расстановке действующих лиц скорее поведение Керки начинает напоминать Брунгильдино – и она же оказывается, подобно этой героине, покинутой возлюбленной/женой, причем присутствует даже мотив забвения:

Керка (*выпив вино, садится. Закрывает глаза рукой, опять открыла Атилле*).

А нашу свадьбу – помнишь, князь?
Как дождь всю ночь стучал нам в крышу,
а утром ты раскрыл окно...

Атилла (*не отрывая глаз от Ильдегонды*). Шел дождь? Не помню... может быть... [1. С. 405].

Это, в общем, и не удивительно, поскольку даже в «Эдде», как отмечают исследователи, образ Гудрун, в конце концов, сближается с типом валькирии: «Ассоциации с валькирией появляются у Гудрун <...> и со-

проводятся ее превращением в ярую мстительницу <...> Гудрун-мстительница обнаруживает сверхъестественные начала, которые проявляются в „Подстрекательстве Гудрун“ и „Речах Хамдира“ в каком-то превосходящем человеческое понимание неразумии ее решений: она посылает братьев на верную смерть <...> выступая по отношению к ним как существо смертоносное и провожая их в путь тем же героическим смехом, которым встретила весть об убийстве Сигурда Брюнхильд <...> Сама Гудрун становится в конце концов материальным воплощением всех бед так же, как Брюнхильд – их первопричиной (злой судьбой-*Urðr*). Поэтому трагичен конец „Подстрекательства Гудрун“ – уничтожение бед может свершиться лишь через уничтожение самой героини, и Гудрун сама сознает это, высказывая желание сгореть в пламени погребального костра (мотив, перекликающийся с самосожжением Брюнхильд) <...> В обращении Гудрун к умершему Сигурду обыгрывается мотив потустороннего свидания с возлюбленным, характерный для образов Брюнхильд и Сигрун: <...> „что станешь меня ты, / смельчак, навещать, / храбрец, из Хель, / тебя ж я – с этого света“ <...>. В большей мере прощупывается связь Гудрун с валькириями в „Песни об Атли“ и „Речах Атли“. <...> Скопление указанных мифопоэтических аллюзий <...> делает закономерным появление у Гудрун эпитетов „классической“ валькирии (Хервёр и Сигрдривы/Брюнхильд) – *in gaglbiarta* „лебяжьебелая“ <...> и *rúðr í brynio* „дева в броне“ <...> В „Речах Атли“ <...> видна воинственная дева, способная одна одолеть в схватке четырех бойцов <...> чему немало способствуют также ее чисто „воинские“ эпитеты, разбросанные по тексту: *ötul* „яростная“ <...> *ajkár* „неистовая“ <...> *stórhuguð* „сильная духом“ <...> *grimm* „жестокая“ <...> ее рассказ о прошлом, в котором она приписывает себе участие (вместе с возлюбленным Сигурдом) в морских походах и дружинной жизни, возвращает нас к образу „классической“ валькирии, которая летала по небу и морю и помогала героям» [2. С. 96–100].

2. «Атилла» и театр Г. Ибсена. Ильдегонда и Йордис

В еще большей степени, нежели параллель Брюнхильд и Гудрун из «Старшей Эдды», соотношение двух героинь у Замятина напоминает «парных» героинь Г. Ибсена – «демонических» и «идиллических», по выражению Д.М. Магомедовой [8], а в гендерной оптике – нарушающих гендерные стереотипы и «нормативных», и в первую очередь Йордис и Дагни из трагедии «Воители в Гельгеланде», написанной по мотивам саги о Вэльсунгах.

Напомним, что Ибсен в рассматриваемый период был в России столь же культовой фигурой, сколь и Вагнер; активно шла его рецепция, и с 1903 по 1907 г. в Москве публиковалось полное собрание его сочинений в восьми томах. Мы уже анализировали несомненное влияние Ибсена и, в частности, «Воителей в Гельгеланде» на пьесу Н. Гумилева «Гондла» [9, 10], детально обсуждавшуюся в рамках того же проекта «исторических картин», который подтолкнул Замятина к написанию «Атиллы». (В высшей степени вероятно, что и собственно «Гондлу» следует отнести к числу претекстов «Атиллы» – учитывая, в частности, и столь нехарактерную для сюжетов с участием воительницы черту обеих пьес, как не любовь героини такого типа, – у Гумилева в валькирической ипостаси Леры – к главному герою, которая, правда, в «Гондле» отчасти объясняется его физической слабостью, невоинственностью, соотносящей его скорее с лютнистом Вигилой, чем с вождем Атиллой – но не без оговорок.

Первая рукописная характеристика действующих лиц «Атиллы» содержит только три имени: Атилла, Ильдегонда и Керка, и *положение героя между двух противопоставленных друг другу по своей сущности женщин* – типичная черта драматургии Ибсена, как и слабость мужчины. По справедливому наблюдению переводчиков А. и П. Ганзен, «у Ибсена сила <...> на стороне женщин, а слабость на стороне мужчин. Судьба всегда воплощается в лице женщины; женщина определяет судьбу мужчины, – говорит нам творчество Ибсена» [11. С. 49]; то же можно сказать и об Атилле. Характеристика Ильдегонды приведена выше, Керка же описывается так: «Вся – женщина. Жена-мать больше, чем жена-любовница» [12]; Ильдегонда же, напомним, – женщина только «наполовину», как и следует быть воительнице – образу всегда гендерно неконвенциональному. В более поздней характеристике о Керке говорится, что она «покорна», «последовательный тип любящей женщины, ради счастья любимого человека готовой отказаться даже от своего права любить» [13]. Эти характеристики вполне соответствуют Дагни из ибсеновской пьесы. В сочетании с «валькирическим мифом» и просвечивающей сквозь сюжет «Атиллы» архетипической историей Зигфрида и Брунгильды это весьма напоминает расстановку действующих лиц в «Воителях в Гельгеланде».

Напомним, что Йордис, чей образ спроецирован на валькирию Брюнхильд, – воительница и вещая дева, наделенная умением заклинать стихии. Йордис чувствует себя запертой в доме Гуннара – подобно тому как Ильдегонда не желает быть пленницей у Атиллы: «...скажи, когда Сигурд со своими викингами шел в бой на твоих глазах, когда ты слышала лязг мечей, вдыхала запах дымящейся крови, заливавшей палубу, – в тебе са-

мой не вскипало неистовое желание врубиться в самую сечу, ты не облакалась в боевые доспехи, не хваталась за оружие?» [11. С. 355] – спрашивает она у Дагни. Ее неистовая натура требует «ходить <...> к морю, когда непогода хорошенько разыграется; ты увидишь, как волны летят на берег, словно дикие, белогривые кони... а вдали ныряют киты. Они сшибаются друг с другом грудью, как витязи в броне. О, что за наслаждение было бы оседлать кита, носиться по волнам перед ладьями, накликав бурю и заманивать людей в бездну своими заклинаниями!» [Там же. С. 356]. Как и положено валькирической героине, Йордис часто изображается верхом на коне; Ильдегонда тоже любит бешеную скачку: «Выезжают в ворота. Она – впереди. / Обернулась... Крикнула... Коня – вскачь / Не видать больше: пылью заволокло...» [1. С. 371]. Ильдегонда страшна в своей веселости, которую отмечает Керка перед убийством ею Атиллы: «Что с ней? Не она совсем. / Молчит она – страшно мне. / Весела – еще страшней...» [Там же. С. 411]. Но тем же героическим смехом встречает в «Эдде» весть об убийстве Сигурда Брюнхильд; так же торжествует Йордис, когда поражает стрелой Сигурда. О Йордис ходят слухи, что отец, чтобы придать ей свирепости и смелости, накормил ее волчьим сердцем: «Утверждают, будто Йокуль раз накормил своих детей волчьим сердцем, чтобы и они стали лютыми, как волки. Йордис, видно, тоже получила свою долю, – судя по ее нраву...» [11. С. 347]. О соотношении Ильдегонды с образом волка сказано выше.

Зато фигура Сигурда в трактовке Ибсена оказывается значительно смягчена по сравнению с другими вариациями на тему саги о Вёльсунгах. У Ибсена его главными качествами становятся не воинственность и бесстрашие, а душевное благородство и бескорыстие, даже стремление примирить всех враждующих. Но и Атилла у Замятина – не дикий племенной вождь, не стереотипный бессмысленно жестокий варвар, а человек благородный, соединяющий искренность и простоту (см. сцену суда в первом действии) с ненавистью к рабству, которое воплощено для него в Риме. Его характер и убеждения лучше всего раскрываются в третьем действии, в сцене с полководцем Аэцием. В ответ на глумление его приближенных над предполагаемой смертью Аэция Атилла, в соответствии с неписанным героическим кодексом, выказывает гнев: «Молчи! Последний римлянин погиб... / Мой самый верный... враг и друг» [1. С. 391]. Аэций убеждает Атиллу прекратить войну с Римом, но он отвечает:

Теперь живут твои сто тысяч римлян,
а миллионы их везут в галере
и дохнут там, внизу... Ты понял...
хочу, чтоб жили и они [1. С. 397].

Он сочетает бесстрашие и чувство справедливости так же, как Сигурд у Ибсена.

Помимо характеристик действующих лиц, практически идентичны и сюжетные развязки: Йордис, как и Брюнхильд, как и Ильдегонда, убивает героя, причем впоследствии без сожалений платит за свое решение собственной жизнью. Но важно, что она поражает стрелой Сигурда, чтобы освободить его для новой жизни:

«Йордис (*торжествующе, подбегая к нему*). Сигурд, брат мой, – теперь мы принадлежим друг другу!

Сигурд. Теперь меньше, нежели прежде. Здесь наши пути расходятся: я крестился. <...> Белый бог стал моим богом. <...> к Нему я пойду теперь. <...> Тяжела была моя жизнь с тех пор, как я вырвал тебя из моего сердца и отдал Гуннару. Спасибо, Йордис... теперь мне легко, я свободен» [11. С. 395].

Йордис действует из своеобразно, валькирически понимаемой любви – по ее мнению, лучше ей соединиться с возлюбленным в ином мире (ср. эддическую «Поездку Брюнхильд в Хель»), нежели жить разлученной с ним в этом. Напротив – и здесь мы опять возвращаемся к тому, о чем говорили выше, а именно об отклонении «Атиллы» от канонического (даже в рамках собственно замятинского творчества) сюжета о воительнице, которая, если и убивает героя, всё равно терзается любовью к нему, – Ильдегонда убивает Атиллу, но не испытывает к нему любви.

3. Ильдегонда: воительница или не-совсем-воительница?

Посмотрим теперь более пристально на то, как это отклонение воздействует на весь мотивно-сюжетный комплекс пьесы. Прежде всего, оно «искажает» центральный для исследуемого типа сюжета *мотив родственности, братственности равных* (ср., в частности, именование Сигурда братом в приведенной выше реплике Йордис). В «Атилле» этот мотив тоже присутствует. Замышляя свою месть и убеждая Атиллу в том, что она забыла Вигилу, Ильдегонда говорит: «Или ты еще не понял: / только двое равных – / это ты и я», на что Атилла, тоже в соответствии с «каноническим» развитием сюжета о влюбленных врагах (которое здесь становится ложным), отвечает: «И с тобой мы – враги: / Рим и ты – для меня одно» [1. С. 399].

Как обычно, этому мотиву сопутствует *мотив любви-ненависти и осиливания героями друг друга*:

Ильдегонда. Ты убил отца... Берегись...

Атилла. Ха-а! Мне бояться тебя? [Там же. С. 398];

Ильдегонда.

<...> Будь ты проклят, гунн!

Ты мне яду подлил в любовь, –

но жива я еще... Берегись!

Атилла. Берегись лучше ты: я вернусь... [1. С. 395];

Ильдегонда. Ненавижу!

Атилла. И любишь? Мне это знакомо.

Ильдегонда. И мне.

Атилла. И тебе? (*вглядывается, резко*).

Довольно. Ложись!

<...>

Ильдегонда.

Ты хочешь сделать так,

чтоб только ненавидела я? [Там же. С. 399];

Ильдегонда.

Тогда обниму тебя так,

что ты задохнешься,

целовать буду так, что ты сгоришь! [Там же. С. 400];

Атилла.

<...> два сердца бьются во мне сейчас,

и каждое сердце враг другому.

Одно хочет убить...

Зыркон. Другое – обнять [Там же. С. 401];

Атилла.

Ну, что же, прощай, невеста. Жди.

У нас с тобой еще не кончен счет..

Ильдегонда. Не кончен – нет! [Там же. С. 403];

Атилла.

Пляшешь так хорошо... что боюсь –

перестану Атиллой быть.

Ильдегонда.

Так кто же проиграл игру? (*Смеется*).

Атилла.

Подожди, ты рано смеешься [Там же. С. 411];

Керка (*прильнув к дверям*).

Знаю: сейчас она крикнет, –

она крикнет: больно...

Скальд.

Нет, он крикнет – слышишь, он! [1. С. 416].

Если обычно в сюжетах с участием воительницы эта любовь-ненависть – чувство хоть и противоречивое, но искреннее до пламенности, то в «Атилле» женский персонаж лишь разыгрывает его. На деле же Ильдегонда испытывает к Атилле лишь ненависть и еще презрение – как к «варвару». Таким образом, мотив равенства двух врагов разрушается уже на внешнем уровне. Но гораздо важнее, что разрушается он и на глубинном: Ильдегонда, так высоко о себе думающая и так, казалось бы, соответствующая героическому типу воительницы, по сути оказывается воительницей «ненастоящей»; обнаруживается *зияние между ее «ролью» и личностью*.

Во-первых, героиня-воительница по самой своей сущности не может любить того, кто ей не равен, кто слабее ее: в этом, собственно, и заключается изначальная мотивировка мести эддической Брюнхильд – валькирия стала клятвопреступницей перед некогда заклившим ее Одином, ибо вышла не за храбрейшего, что совершил славный подвиг, проскакав сквозь пламя, а за труса. В «Атилле» же Ильдегонда любит Вигилу, человека изнеженного, слабого и довольно трусливого, истинного римлянина – согласно той концепции Рима, что сложилась у Замятина [14–17]. Причем она не перестает любить его даже тогда, когда самым ужасным образом нарушается героический кодекс поведения: Атилла предлагает Вигиле в наказание за то, что тот пытался исподтишка убить его, выбрать либо честную смерть, либо позорное наказание плетью, и Вигиле оказывается дороже жизнь, нежели честь. Не случайно Атилла начинает прозревать «негероическую» сущность и самой Ильдегонды, когда та не отрывается от своего чувства и узнав правду:

Ты его еще любишь? Я, значит, ошибся:

ты совсем не горда. Или ты уже забыла

про подвиг его, когда он был послом?

Про подвиг, о каком будут петь не скальды,

а шуты в колпаках... [1. С. 393].

Вигила еще и убегает, когда в финале его разоблачает Керка, и оставляет Ильдегонду одну расплачиваться за совершенное убийство – вопреки ее просьбе присутствовать при развязке ее борьбы с Атиллой:

Ильдегонда (*Скальду – тихо*).

Ты хочешь оставить меня одну?

Скальд.

Я весь дрожу – ты видишь...
Я сгублю и тебя и себя [1. С. 412].

Таким образом, свою любовь Ильдегонда отдает отнюдь не мужественному воину. Более того, она как бы «прощает» Вигиле невозможный, немислимый для истинной воительницы позор; когда Аэций спрашивает, хочет ли она, чтобы Вигила умер или жил, несмотря на выбор наказания плетью и на обман (поскольку он пытался сохранить в тайне от Ильдегонды понесенное наказание), она отвечает: «Чтобы... Нет! Чтоб он молчал!.. / чтобы жил!..» [Там же. С. 398].

Во-вторых, Ильдегонде «велика» роль воительницы еще и потому, что она и сама не раз поддается малодушию, невозможному для героини такого типа. Она слишком прагматична для истинно героического, т.е. отчасти «безумного», не соответствующего здравому смыслу поведения. Так, она оказывается не способна убить себя (сравним, например, с Брюнхильд или Йордис) и пытается перепоручить это Вигиле, но, разумеется, и он не годится для такого задания:

Ильдегонда.
Ты любишь меня? Да?
Так направь мне нож в сердце:
ты биться его заставлял
и ты остановишь.
Вигила. Нет! [Там же. С. 386–387]

Как отмечает Р. Гольдт относительно ранних редакций пьесы, «в третьем варианте Ильдегонда действует храбро во время осады Аврелиана (II действие), но не без припадков малодушия» [14. С. 338].

В-третьих, Ильдегонда совершает еще и такой сомнительный поступок, как убийство Гоура, молодого раба, намеревающегося открыть ворота Аврелиана войскам Атиллы, которого он считает освободителем. Ильдегонда убивает его ножом в спину, что, разумеется, выходит за рамки героического поведения – это отмечал и сам Замятин: «...симпатии нашего зрителя не могут быть на ее стороне прежде всего уже потому, что она <...> исподтишка, ударом в спину убивает вождя восставших рабов Гоура» [13]. Воительница же, как правило, встречается со своими противниками в честном бою. Хотя Брунгильда в разных вариантах истории Зигфрида убивает его не своими руками (а в «Песни о Нибелунгах» убийца наносит удар именно в спину), она делает это тогда, когда лишилась своей чудесной силы и, кроме того, она искупает тем самым нарушение клятвы. Ильдегонда же действует просто подло – не говоря уже о

том, что предстает здесь, по Замятину (и в согласии с суждением о ней Атилле), истинной римлянкой, не желающей освобождения рабов, на которых стоит Рим:

Гоур. У меня будто выросли крылья,
мне кажется, – сейчас полечу...

(Нагнувшись, начинает расковывать Камеля. Ильдегонда подходит сзади, вынимает свой нож).

Ильдегонда (ударяя ножом Гоура).

Лети, подлый раб, изменник! [1. С. 382].

В общем, Ильдегонда, вопреки внешним атрибутам и даже авторским характеристикам, оказывается *не вполне воительницей*. Хотя, конечно, по сравнению с другими «римлянами» это фигура значительная, не случайно Замятин отмечал: «Дать в лагере врагов Атилле эти две сильных фигуры – Ильдегону и Аэция – по соображениям композиционным совершенно необходимо: заставить Атиллу бороться только с Максимином и Приском, только с слякотью – это значило бы сразу же ослабить Атиллу, ибо цена победы над нулем – нуль» [13]. Те же соображения – вкупе с идеей двойственности Ильдегонды, соединяющей черты «дряхлых» римлян и «здоровых» германцев, – ощущаются в словах Замятина о том, что «от германцев – в ней здоровая кровь, отсюда – ее мужество, ее сила: иначе было бы неправдоподобно, чтобы такой человек как Атилла мог любить ее» [Там же]. Но она «мужественна» и «сильна» лишь наполовину – подобно тому, как лишь «наполовину» она сделана «из того же металла, что и Атилла».

Любовь Дмитриевна Менделеева-Блок очень хотела сыграть роль Ильдегонды. В письме Замятину от 16 февраля 1928 г. она писала: «Вы понимаете, что „Атилла“ – то событие литературной и театральной жизни, которое я ждала <...> Трагедия, русская, современная и прекрасная, и образ Ильдегонды – исконный образ „царственной женщины“ – богоподобной царевны – вылившийся в изумительную роль. Я должна предложить Вам себя в Ильдегонды; другой актрисы нет» [18]. Стремление Л.Д. Блок получить эту роль лучше всего доказывает «воительную» и героическую составляющую образа Ильдегонды – ведь в жизнетворческом мифе А.А. Блока, в который были вовлечены и важнейшие для него люди (прежде всего, его жена и Андрей Белый), Любовь Дмитриевна представляла – и сама видела себя – Брунгильдой. В ее воспоминаниях «И были и небылицы о Блоке и о себе» возникает образ валькирии посреди моря ог-

ня, который она ассоциирует с собственной личностью: «Теперь я научилась остро смотреть на все окружающее меня – и предметы, и людей, и природу. Так же отчетливо вижу и в прошлом. Тогда все было в дымке. Вечно перед глазами какой-то „романтический туман“. <...> Но ведь это и есть то кольцо огней и клубящихся паров вокруг Брунгильды, которое потом было так понятно на спектаклях Мариинского театра. Ведь они не только защищают Валькирию, но и она отделена ими от мира и от своего героя, видит его сквозь эту огненно-туманную завесу» [19. С. 28].

Приведем также два отрывка из «Воспоминаний о Блоке» Андрея Белого, где писатель тоже сближает Любовь Дмитриевну и Брунгильду в контексте идеи жизнетворчества. Он рассказывает о 1905 г.: «В то время Л. Д. увлекалась Вагнером; часто А. А. и Л. Д. посещали в те дни представления „Кольца“, восхищаясь Зигфридом – Ершовым; мы слушали вместе „Валькирию“; звуки „Валькирии“ пересекались со звуками, извлекаемыми меж нами; да, кто-то из нас был Вотаном; и кто-то, наверное, – Зигфридом; явно: в Л. Д. проявлялись отчетливо жесты Валькирии...» [20. С. 195].

Начало раздора между собой и Блоком Андрей Белый описывает так: «Словами такими мы вслух не обменивались; только издали, из молчания фехтовались друг с другом; „идеи“, которыми жили, казались Брунгильдой, похищенной темным Драконом; хотелось Дракона убить.

Очень помнится мне, что в то именно время Л. Д. показала рукой картину, повешенную на стене, изображавшую привязанную Брунгильду; у ног же ее извивался Дракон.

И сказала она:

– Освободите Брунгильду!

Я понял, что нас призывает она на последний, решительный бой:

– Что такое Дракон?

Он есть демон уныния, косности, разочарованной лени; он – дух буржуазности, жизнь без подвига; и – выходило: А. А., унывающий и угрюмо сидящий часами на кочках, – причина победы Дракона...» [20. С. 180–181].

Характерно, что на Брунгильду указывает и призывает к ее «освобождению» именно Любовь Дмитриевна, хотя здесь этот персонаж предстает не столько ее «прототипом», сколько мистической идеей. А в письме Блоку от 28 мая 1907 г. она сравнивает себя с валькирией: «...мы с ней (Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. – В.З.-О.) обе родные дочери земли <...> Только отцы разные. Как Эрда; тогда я уж не Валькирия ли; воинственная, да, а Георгий И<ванов>чу на радость, – вестница смерти (басом: „смее́ртъ“). А она – вещая, норна» [18. С. 252]. 8 июня 1907 г. Любовь

Дмитриевна продолжает тему: «Вот я нашла себе роль-то! Тетя посоветовала. В „Воителях в Гельголанде“ Йордис. Великолепная, всё, что я хотела. Буду ее учить и очень хотела бы в ней дебютировать» [21. С. 258]. Выстраивается ряд: *Брунгильда – Йордис – Ильдегонда*.

И действительно, как мы постарались показать, в «Атилле» появляются чуть ли не все обязательные компоненты мотивно-сюжетного комплекса, традиционно связанного с таким типом женских персонажей. Кроме одного – любви к «сильному», что отличает Ильдегонду от других «воительных» героинь Замятина. Теряя способность любить избранного героя, она и сама перестает соответствовать героическому образу девы-воина.

Список источников

1. Замятин Е.И. Собрание сочинений. Т. 3. М., 2003. Т. 1–5.
2. Гвоздецкая Н.Ю. Валькирический миф в женских образах «Старшей Эдды» // Мифология женщины-судьбы у древних кельтов и германцев. М., 2005. С. 78–103.
3. Блок А.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. Т. 2. М., 1997. 896 с.
4. Гвоздецкая Н.Ю. Девы-лебеди и валькирии в древнеисландской мифологической традиции // Атлантика: Записки по исторической поэтике. М., 2011. Вып. IX. С. 71–88.
5. Ерыкалова И.Е. Сюжет об Атилле в двух жанрах // Замятин Е.И. Бич Божий. Атилла. СПб., 2014. С. 5–26.
6. Строев А.Ф. Неизвестные сценарии Евгения Замятина // Литературный факт. 2019. № 3 (13). С. 8–70.
7. Замятин Е.И. Бич Божий. Атилла. СПб., 2014. 286 с.
8. Магомедова Д.М. Идиллический и демонический типы героинь в русской литературе XIX – начала XX вв.: константы и трансформации // Школа теоретической поэтики: сборник научных трудов к 70-летию Н.Д. Тамарченко. М., 2010. С. 129–135.
9. Зусева-Озкан В.Б. «Я сама, как валькирия, буду...»: источники образа героини в «Гондле» Н. Гумилева (Статья первая) // Новый филологический вестник. 2017. № 4 (43). С. 129–140.
10. Зусева-Озкан В.Б. «Я сама, как валькирия, буду...»: источники образа героини в «Гондле» Н. Гумилева (Статья вторая) // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 109–126.
11. Ибсен Г. Полное собрание сочинений : в 8 т. Т. 2. М., 1906. 397 с.
12. Замятин Е.И. Характеры пьесы «Атилла». Автограф. 1 л. 1925–1926 // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 131.
13. Замятин Е.И. К характеристике действующих лиц пьесы «Атилла». Авторские пояснения. Автограф. 1928 г. // ОР ИМЛИ РАН. Ф. 47. Оп. 1. Ед. хр. 143.
14. Гольдт Р. Мнимая и истинная критика западной цивилизации в творчестве Е.И. Замятина. Наблюдения над цензурными искажениями пьесы «Атилла» // Russian studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. II, № 2. С. 322–350.
15. Полякова Л.В. О «скифстве» Евгения Замятина: художник в полемике «западников» и «славянофилов». Контур проблемы // Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня. Тамбов, 2000. Вып. VII. С. 12–46.
16. Давыдова Т.Т. Тема «заката Европы» в диалогии Е. Замятина об Атилле // Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня. Тамбов, 2000. Вып. VII. С. 94–104.

17. Ерыкалова И.Е. Рим в романе Е.И. Замятина «Бич Божий» // Творческое наследие Е. Замятина: Взгляд из сегодня. Тамбов, 2004. Вып. XII. С. 378–384.
18. РГАЛИ. Ф. 1776. Оп. 1. Ед. хр. 7
19. Блок Л.Д. И были и небылицы о Блоке и о себе. Бремен, 1979. 103 с.
20. Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. 510 с.
21. Блок А.А., Менделеева-Блок Л.Д. Переписка. 1901–1917. М., 2017. 720 с.

References

1. Zamyatin, E.I. (2003) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Moscow: Russkaya kniga.
2. Gvozdet'skaya, N.Yu. (2005) Val'kiricheskiy mif v zhenskikh obrazakh "Starshey Eddy" [The Valkyr myth in the female images of the "Elder Edda"]. In: Mikhailova, T.A. (ed.) *Mifologema zhenshchiny-sud'by u drevnikh kel'tov i germantsev* [Mythology of the woman-destiny among the ancient Celts and Germans]. Moscow: Indrik. pp. 78–103.
3. Blok, A.A. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
4. Gvozdet'skaya, N.Yu. (2011) Devy-lebedi i val'kirii v drevneislandskoy mifoepicheskoy traditsii [Swan Maidens and Valkyries in the Old Icelandic Mythoeic Tradition]. In: Gvozdet'skaya, N.Yu. et al. *Atlantika: Zapiski po istoricheskoy poetike* [Atlantic: Notes on Historical Poetics]. Vol. 9. Moscow: Maks Press. pp. 71–88.
5. Erykalova, I.E. (2014) Syuzhet ob Atille v dvukh zhanakh [The plot of Attila in two genres]. In: Zamyatin, E.I. *Bich Bozhiy. Atilla* [The Scourge of God. Atilla]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 5–26.
6. Stroeve, A.F. (2019) Neizvestnye stsennarii Evgeniya Zamyatina [Unknown scenarios by Evgeny Zamyatin]. *Literaturnyy fakt*. 3(13). pp. 8–70.
7. Zamyatin, E.I. (2014) *Bich Bozhiy. Atilla* [The Scourge of God. Atilla]. St. Petersburg: Lenizdat.
8. Magomedova, D.M. (2010) Idillicheskiy i demonicheskiy tipy geroin' v russkoy literature XIX – nachala XX vv.: konstanty i transformatsii [Idyllic and demonic types of heroines in the Russian literature of the 19th – early 20th centuries: constants and transformations]. In: Tyupa, V.I. & Fedunina, O.V. *Shkola teoreticheskoy poetiki* [The School of Theoretical Poetics]. Moscow: Intrada. pp. 129–135.
9. Zuseva-Ozkan, V.B. (2017) "Me, a Valkyrie, Soaring Away On My Steed...": Sources of the Heroine's Image in N. Gumilyov's "Gondla" (Article I). *Novyy filologicheskiy vestnik – The New Philological Bulletin*. 4(43). pp. 129–140. (In Russian).
10. Zuseva-Ozkan, V.B. (2018) "Me, a Valkyrie, Soaring Away On My Steed...": Sources of the Heroine's Image in N. Gumilyov's "Gondla" (Article II). *Novyy filologicheskiy vestnik – The New Philological Bulletin*. 1(44). pp. 109–126.
11. Ibsen, H. (1906) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: S. Skirmunt.
12. Zamyatin, E.I. (1925–1926) *Kharaktery p'esy "Atilla". Avtograf. 1 l. 1925–1926* [Characters of the play "Atilla". Autograph. 1 l. 1925–1926]. The Department of Manuscripts of the IWL RAS. Fund 47. List 1. File 131.
13. Zamyatin, E.I. (1928) *K kharakteristike deystvuyushchikh lits p'esy "Atilla". Avtorskie poyasneniya. Avtograf. 1928 g.* [On the characters in the play "Atilla". Author's explanations. Autograph. 1928]. The Department of Manuscripts of the IWL RAS. Fund 47. List 1. File 143.
14. Goldt, R. (1996) Mnimaya i istinnaya kritika zapadnoy tsivilizatsii v tvorchestve E.I. Zamyatina. Nablyudeniya nad tsenzurnymi iskazheniyami p'esy "Atilla" [Imaginary and true criticism of Western civilization in the work of E.I. Zamyatin. Observations on censorial distort-

tions of the play “Atilla”. *Russian studies: Ezhekvarial'nik russkoy filologii i kul'tury*. 2(2). pp. 322–350.

15. Polyakova, L.V. (2000) О “skifstve” Evgeniya Zamyatina: khudozhnik v polemike “zapadnikov” i “slavyanofilov”. Kontur problemy [About “Scythianism” by Evgenii Zamyatin: an artist in the controversy between “Westerners” and “Slavophiles.” The Problem Outlines]. In: Polyakova, L.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie E. Zamyatina: Vzglyad iz segodnya* [Evgenii Zamyatin's Creative Legacy: The View From Today]. Vol. 7. Tambov: Tambov State University. pp. 12–46.

16. Davydova, T.T. (2000) Tema “zakata Evropy” v dilogii E. Zamyatina ob Atille [The theme of the “decline of Europe” in E. Zamyatin's dilogy about Attila]. In: Polyakova, L.V. (ed.) *Tvorcheskoe nasledie E. Zamyatina: Vzglyad iz segodnya* [Evgenii Zamyatin's Creative Legacy: The View From Today]. Vol. 7. Tambov: Tambov State University. pp. 94–104.

17. Erykalova, I.E. (2004) Rim v romane E.I. Zamyatina “Bich Bozhii” [Rome in the novel by E.I. Zamyatin “The Scourge of God”]. In: Polyakova, L.V. & Komlik, N.N. (eds) *Tvorcheskoe nasledie E. Zamyatina: Vzglyad iz segodnya* [Evgenii Zamyatin's Creative Legacy: The View From Today]. Vol. 12. Tambov: Tambov State University. pp. 378–384.

18. Mendeleva-Blok, L.D. (1928) *Pis'mo L.D. Mendelevoy-Blok k E.I. Zamyatinu ot 16 fevralya 1928 g.* [Letter from L.D. Mendeleva-Blok to E.I. Zamyatin dated February 16, 1928]. The Russian State Archive of Literature and Art. Fund 1776. List 1. File 7.

19. Blok, L.D. (1979) *I byli i nebylitsy o Bloke i o sebe* [Stories and Tales about Blok and myself]. Bremen: Kafka-Press.

20. Belyy, A. (1995) *Vospominaniya o Bloke. Sobranie sochineniy* [Memories of Blok. Collected Works]. Vol. 4. Moscow: Respublika.

21. Blok, A.A. & Mendeleva-Blok, L.D. (2017) *Perepiska. 1901—1917* [Correspondence. 1901–1917]. Moscow: IWL RAS.

Сведения об авторе:

Зусева-Озкан В.Б. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (Москва, Россия). E-mail: zuseva_v@mail.ru

Information about the author:

Zuseva-Özkan V.B. – Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: zuseva_v@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 22.07.2020;
одобрена после рецензирования 12.01.2021; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 22.07.2020;
approved after reviewing 12.01.2021; accepted for publication 14.03.2022*

Научная статья
УДК 81-139
doi: 10.17223/23062061/28/3

ЯЗЫКОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СУБКОНЦЕПТА «ДЕТСТВО» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ч. ДИККЕНСА

Вероника Викторовна Катермина¹,
Юлия Владимировна Иванова²

¹ *Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия,
veronika.katermina@yandex.ru*

² *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,
beautiful-8383@mail.ru*

Аннотация. Речь идет об особенностях понимания категорий «художественный концепт» и «художественный текст»; обосновывается выбор подхода к исследованию художественных концептов – с позиций когнитивной лингвистики, представляется краткое описание факторов, повлиявших на внутренний мир героев произведений Ч. Диккенса: отражение социального строя Англии того времени. Предложена графическая модель, построенная на основании полученных данных, и дана ее расшифровка.

Ключевые слова: концепт, субконцепт, когнитивные признаки, сема, семантико-когнитивный метод, когнитивная интерпретация

Для цитирования: Катермина В.В., Иванова Ю.В. Языковое представление художественного субконцепта «детство» в произведениях Ч. Диккенса // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 40–49. doi: 10.17223/23062061/28/3

Original article

LANGUAGE REPRESENTATION OF THE LITERARY SUBCONCEPT “CHILDHOOD” IN CHARLES DICKENS’S BOOKS

Veronika V. Katermina¹, Yulia V. Ivanova²

¹ *Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation), veronika.katermina@yandex.ru*

² *Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation), beautiful-8383@mail.ru*

Abstract. The article highlights the peculiarities of understanding the categories “literary concept” and “literary text” at the modern stage of language science development. The authors clarify the choice of the approach towards the analysis of literary concepts – from the perspective of cognitive linguistics, present a brief

description of factors that influence the inner world of characters of Dickens's books – the reflection of the social policy of England of that time. Employing a “semantico-cognitive” approach towards language analysis, the authors explain the main characteristics of the approach, define “cognitive interpretation” as a unique component of the “semantico-cognitive” method, which makes the analysis different from other approaches towards language study and gives an opportunity to achieve the most reliable results. The authors also describe peculiarities of implementing the “semantico-cognitive” approach, list additional methods used for working with the literary concept, mainly corpus linguistics methods: compiling of the corpus of texts, contextual analysis, compiling of concordance, qualitative analysis, descriptive method. The practical part begins with the description of results received via the semantic analysis of the subconcept “childhood”. During the analysis, a variety of semes has been identified; their hierarchy and percentage ratio are described. Further, the variety of semes is compressed into several cognitive characteristics by means of cognitive interpretation. The cognitive characteristics are the following: kindness, happiness, basis for life, blemish, unhappiness, game and study. The cognitive characteristics are organized in the form of fields of the subconcept “childhood”, where the most frequently verbalized, or pre-nuclear, one is “kindness”, and it is, presumably, the most important one for the author. All other characteristics are described in descending order, where “game and study” is the least frequently verbalized characteristic, it is of a background nature and is used for describing children's routine. The graphic model describing the results of the research and its decoding are presented. The conceptual analysis is followed by examples from Charles Dickens's books. The examples describe the cases of verbalization of different cognitive characteristics of the subconcept “childhood” that are parts of the context of the books *Oliver Twist*, *Hard Times*, *A Christmas Carol*, *A Walk in a Workhouse*.

Keywords: concept, subconcept, cognitive characteristics, seme, “semantico-cognitive” method, cognitive interpretation

For citation: Katermina, V.V. & Ivanova, Yu.V. (2022) Language representation of literary subconcept “childhood” in Charles Dickens's books. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 40–49. doi: 10.17223/23062061/28/3

В настоящий момент концептологические исследования характеризуются разработанностью и частичной завершенностью теоретической базы, что создает возможность широкого применения этих знаний на практике: дано определение содержания концептов, обозначена область их функционирования, разработаны методы анализа. Исследования в этой области достаточно востребованы, так как они помогают проникнуть в многообразие коннотаций, стоящих за языковым знаком. Развитие концептологии особенно важно для изучения художественных текстов.

Произведения Чарльза Диккенса всегда привлекали внимание исследователей, поэтому накоплена большая база результатов анализа его работ [1, 2]. Важно добавить, что в рамках концептологического подхода исследование его произведений проводится впервые.

Тема детства является одной из ключевых тем мировой художественной литературы. Концепция детства, образ ребенка и отношение к нему менялись с развитием истории. Исследование художественных концепций детства и детских образов позволяет реконструировать культурный и ментальный образ конкретного социума. Творчество Ч. Диккенса, словно зеркало, отображает социально-бытовые проблемы викторианской Англии.

Целью данной статьи является описание субконцепта «детство» как составного элемента сложного художественного концепта «возраст» в произведениях Чарльза Диккенса.

Изучение художественных концептов является актуальной темой среди современных исследователей. Разные аспекты данного явления освещены в работах Н.О. Булгаковой [3], Н.С. Болотновой [4], Е.Ю. Булыгиной [5], Е.В. Костаревой [6] и др.

Художественные концепты имеют ряд особенностей и отличаются от общезыковых тем, что отражают индивидуально-авторское восприятие действительности [7. С. 38]. Художественные концепты, с одной стороны, «конструируются» автором текста с учетом ценностных характеристик, особых смыслов, которые связаны с определенными концептами в национально-культурной картине мира или ментальных картинах отдельных (специальных) видов деятельности, характеризующих соответствующее общество [8. С. 20]. С другой стороны, им свойственна неподчиненность законам логики, отсутствие жесткой связи с реальной действительностью. Творческая личность актуализирует семы, зачастую скрытые в структуре концепта, требующие их декодирования реципиентом.

Неоднозначность и непредсказуемость отличают как коннотативную, так и денотативную сторону концепта. Способ вербализации художественного концепта не ограничивается одной лексической единицей, а может варьироваться, например, в рамках частей речи или осуществляться с помощью экспрессии или дескрипции [9]. Таким образом, можно говорить о прямой номинации и «номинации в контексте» или «контекстных приращенных значениях».

Поскольку художественный концепт индивидуален, при выборе методов его исследования целесообразнее опираться на постулаты когнитивной лингвистики, рассматривающей язык как продукт сознания отдельно взятого индивида, а не культуры в целом [10. С. 14; 11. Р. 6–7].

Изучив биографию Ч. Диккенса, можно найти объяснение многим аспектам его творчества. Так, Энгус Уилсон показал, как формировался характер Диккенса, менялось его восприятие с раннего детства и до зрелого возраста. По мнению исследователя, именно в детские годы был

«заложен фундамент» многогранной личности писателя [12. С. 9]. Повышенная нервность, напряженность, замкнутость Диккенса-ребенка, пребывание в мире фантазий определили в дальнейшем склад его характера – с приступами гнева, склонностью к депрессиям и снобизму.

Ч. Диккенс был яростным борцом за права и свободу детей не только на страницах своих книг, но и в реальной жизни. Диккенс принимал непосредственное участие в подготовке законопроекта о всеобщем начальном образовании, считая, что всеобщая безграмотность влечет за собой массовую нищету и деградацию общества [13. С. 64–65].

Как отмечает М.П. Тугушева, Диккенс воспринимал детство не просто как период в жизни человека, а приравнивал его к «полноценной человечности», наделяя своих самых ярких героев детскими качествами [14. С. 45].

Проникновение в концептосферу писателя и выводы, сделанные исследователем, проходят сквозь призму личной картины мира последнего. Чтобы минимизировать данную «погрешность», необходимо прибегать к методам, предполагающим подсчет, составление иерархий (от большего к меньшему и наоборот) и процентные показатели.

В данной работе приоритетными являются метод составления корпуса текстов, контекстуальный анализ, метод составления корконданса, количественный анализ, описательный метод.

Метод составления корпуса текстов был применен с целью подбора языкового материала; контекстуальный анализ – для определения семантических значений, сопровождающих случаи вербализации субконцепта «детство»; составление корконданса – для создания списка случаев вербализации каждого семантического значения; когнитивная интерпретация – для построения «слоев» концепта; количественный анализ – для построения иерархии когнитивных признаков и «слоев»; описательный метод – для дескрипции полученной графической модели субконцепта «возраст».

Нам хотелось сфокусировать внимание на процессе определения совокупности когнитивных признаков, сопровождающих вербализацию субконцепта «детство», и их структурировании в виде полей, где наиболее значимые для автора коннотации расположены около ядра. Чем дальше от ядра находятся когнитивные признаки, тем менее значимы они для автора. Исследование проводилось на материале произведений разных периодов творчества писателя, различных по объёму и, насколько это возможно, отличающихся по стилистике (социальный роман, рассказ с элементами сказки, очерки). Прежде всего, роман «Оливер Твист» – яркий пример описания детства, а также роман «Тяжелые времена», затрагивающий проблему воспитания и отношения родители – дети.

«Рождественская песнь в прозе» привлекла наш интерес тем, что преимущественно показывает период детства в сравнении с другими этапами жизни главного героя. «Прогулка по работному дому», «Наша школа», «Рассказ бедного родственника», «Рождественская елка», «Наш английский курорт» – небольшие рассказы, которые также по-разному освещают проблему детства.

Субконцепт «детство» представлен в произведениях рядом признаков. Во-первых, когнитивный признак *доброта*, который является предьядерным (25,5%). Для него характерен следующий набор сем: воображение и вера в сказки (36%), врожденная доброта (23%), любящее сердце (17%), детская дружба (8,7%), неиспорченность (8,7%), божественность (6,6%).

Будучи человеком творческим, автор подчеркивает важность детского *воображения*, посредством прямой номинации называя этот когнитивный признак одним из определяющих.

The dreams of childhood – its airy fables; its graceful, beautiful, humane, impossible adomments of the world beyond: so good to be believed in once, so good to be remembered when outgrown, for then the least among them rises to the stature of a great Charity in the heart [15].

Сожаления о погубленном детстве из-за запрета на воображение пронизывают роман «Тяжелые времена», а воображаемые образы Али-Бабы и других сказочных героев, нарисованных сознанием Скруджа-ребенка из «Рождественской песни», ярко и с теплотой описаны автором. В рассказе-воспоминании «Наша школа» большая часть повествования посвящена описанию тех небылиц, которые самозабвенно сочиняли ученики.

Автор неоднократно говорит читателю о том, что именно *воображение, вера в сказки и небылицы* являются одним из проявлений чистого и наивно-го, не отягощенного жизненным опытом сознания героев детского возраста.

Большинство героев-детей отличает *врожденная доброта, любящее сердце, неиспорченность* и даже *божественность*. Это Оливер Твист, противостоящий шайке воров и не желающий становиться воров; Сесси Джуп, не поддающаяся так называемой теории фактов (системы воспитания, отвергающая любые проявления чувств и эмоций), все дети семейства Грэдграйнд, с трудом осваивающие эту теорию («Тяжелые времена»); Малютка Тим («Рождественская песнь»), которого болезнь не озлобила, а наоборот, сделала более милосердным и о котором Диккенс писал: ‘thy childish essence was from God’ [Ibid.]; умерший младенец-подкидыш: «that such as the dropped child are the angels who behold my Father’s face!» [16] («Прогулка по работному дому»). Интересным является контраст жизни Эбенезера Скруджа, который в детстве был добрым ребенком, а все пороки начали развиваться в нем гораздо позже.

Для когнитивного признака *счастье* (22%) характерны следующие семы: бьющая ключом жизнь (35%), хорошее отношение взрослых (29%), шумное поведение (22,5 %), повышенная эмоциональность (9%), любовь к праздникам (5%).

Несмотря на мрачные сцены и сцены жестокости по отношению к детям, автор подчеркивает, что состояние счастья, ощущение *жизни, бьющей ключом*, – это то, что для ребенка естественно: «brightness natural to cheerful youth» [15].

Детей отличает разнообразие темпераментов, но в основном они шумные и веселые: ‘At bathing-time in the morning, the little bay re-echoes with every shrill variety of shriek and splash’ [Ibid.].

В произведениях Диккенса нередко описываются случаи жестокого отношения к детям со стороны взрослых. Тем не менее по результатам исследования мы видим, что частота коннотации *хорошее отношение взрослых* достаточно велика. Даже в романе «Тяжелые времена» отец Луизы раскаивается в своих ошибках, раскрывая свои истинные чувства к детям – любовь и заботу об их будущем.

Такое коннотативное значение, как *несчастье* (10%), которое было бы логично видеть в ряду предъядерных коннотаций, напротив, отдалено от ядра. Обратим внимание на семы: плохое отношение окружающих и незащищенность детей (67,5%), болезнь (29%), жалость автора (3,5%).

Известный своей нетерпимостью по отношению к жестокости, Диккенс описывает пагубное воздействие авторитарных идей отца-Грэдграйнда; проблему отношения к детям в работных домах и сиротских заведениях в романе «Оливер Твист». Автор проявляет жалость к ребенку, а также критикует взрослых, не создавших условий для достойной жизни детей, но в финале произведения их ждет счастливая развязка: Оливер Твист, перенесший тяготы и лишения, в конце счастлив в окружении любящих людей; Малютка Тим поправился; Сесси Джуп обрела собственную семью, и даже Луиза, чья судьба покалечена безвозвратно, обрела кусочек счастья с детьми Сесси.

Еще один предъядерный когнитивный признак – детство как *основа жизни* (19%). Через описание своих героев автор неоднократно дает понять читателю, насколько сильно влияет данный период на будущую жизнь. Особо остро затронута эта проблема в вышеупомянутом романе «Тяжелые времена». Эмоционально и красочно описывает Диккенс портрет несчастной Луизы. Автор не говорит напрямую о влиянии воспитания на героиню Сесси Джуп, но косвенно дает понять, упоминая в конце романа „happy Sissy’s happy children“ [Ibid.], что выросшая в окружении отцовской любви и «душевных» людей из цирка, где она родилась и прове-

ла большую часть детства, она не поддавалась влиянию запрещающей жить эмоциями «теории фактов» и смогла обрести счастье в жизни, несмотря на трудности, которые ей пришлось преодолеть.

Не говорит напрямую Диккенс о детстве героя Баундерби, который пытается противопоставить свой нынешний успех «тяжелому детству»: «A man who could never sufficiently – vaunt himself a self-made man. A man who was always proclaiming... his old ignorance and his old poverty» [15]. Герой получил в детстве образование и родительскую заботу, которая, по-видимому, и стала стартом для его дальнейшего процветания.

Еще одним когнитивным признаком является *детство – порок* (17,5%). В портрете Битцера из романа «Тяжелые времена» автор рассматривает эти пороки как врожденные. Человек изначально создан природой плохим. Бледность Битцера не только внешняя, это также «бледность» характера – человека, с детства тяготеющего к теории фактов и выстраивающего по ней жизнь.

В случае с Монксом из романа «Оливер Твист» это также врожденная озлобленность, унаследованная, по-видимому, от его матери: «you, who from your cradle were gall and bitterness to your own father's heart» [Ibid.].

Наиболее отдаленный когнитивный признак – *игра и учеба* (6%). Автор не так часто вербализует его, в основном при описании ежедневной активности ребенка, например, в семье Грэдграйнд, при упоминании Оливера Твиста, в рассказе «Наша школа» и «Рождественская песнь». Эта деятельность стоит не на первом плане, одновременно с этим когнитивным признаком чаще всего вербализуются другие признаки.

Анализ полученных данных позволяет сделать следующие выводы об особенностях вербализации концептуального значения «детство» как составного элемента концепта «возраст» и создать графическую модель (рис. 1).

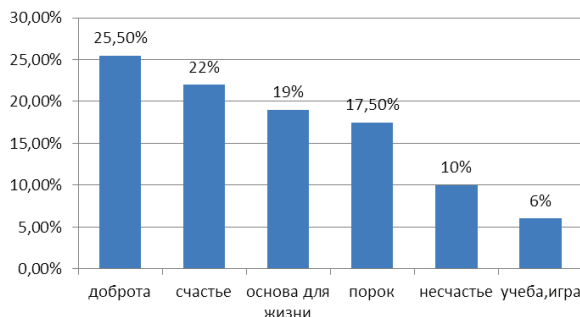

Рис. 1. Графическая модель полевого строения субконцепта «возраст»

1. Из диаграммы видно, что наиболее частотно вербализованный когнитивный признак или предъядерный слой субконцепта «детство» – *добро*. Сема *воображение* является наиболее частотной и определяет, по мнению автора, светлое начало в ребенке. Высокая частотность семы *доброта* врожденная, а не приобретенная. Также автор неоднократно говорит о *неиспорченности* детского сознания и *любящем сердце* ребенка, упоминает о *крепкой детской дружбе*, неоднократно говорит о детях как о божественных созданиях.

2. Следующий слой – *счастье*. Несмотря на то что Диккенс пишет о нелегкой жизни детей в Англии того времени, нами была выявлена высокая частотность вербализации признака. Это ореол *ярких красок, живого нрава, шумливости, эмоциональности и любви к празднику*.

3. Третий слой – детство – *основа для жизни*. Очень часто в своих произведениях Диккенс показывает связь между тем, как сложилась жизнь героя, и его детством, как счастливым, так и несчастным.

4. Детство может описываться как *порок*. Не все люди рождены добрыми, многие с рождения обладают плохими качествами. Но для некоторых детей порок – зеркало среды их воспитания, влияния взрослых.

5. Еще дальше от ядра находится понимание детства как *несчастья*. Автор описывает жестокость по отношению к детям, а также больных детей, но в большом количестве примеров он смягчает свое описание счастливым концом.

6. Наименее вербализованными являются признаки *игра* и *учеба*. Автор упоминает об этих занятиях как о фоновых, описывающих жизнь детей, без каких-либо дополнительных скрытых смыслов.

Таким образом, на основе проведенного исследования мы установили, что предъядерные когнитивные признаки, характерные для концептуального признака «детство», имеют положительные коннотации – *доброта* и *счастье*. Признаки с негативной окраской – *порок* и *несчастье* – удалены от ядра, несмотря на то что зачастую произведения Чарльза Диккенса повествуют о сложной детской судьбе и бесправности ребенка Англии XIX в.

Список источников

1. Катарский И.М. Диккенс. М. : Советский писатель, 1966. 344 с.
2. Катермина В.В. Номинации человека: национально-культурный аспект (на материале русского и английского языков). М. : Флинта, 2016. 224 с.
3. Булгакова Н.О. Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Бесы»: к определению базового концепта и его функции в поэтике романа // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 125–146.
4. Болотнова Н.С. О вариативном потенциале художественного концепта в поэтических текстах // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2015. Вып. 6 (159) С. 118–125.

5. Булыгина Е.Ю. Трипольская Т.А., Ференц П. Художественные концепты «зависть» и «ревность» в повести Ю. Олеши «Зависть» и ее переводе на польский язык // Русин. 2017. № 2 (48). С. 51–68.
6. Костарева Е.В., Стринюк Е.А. Концепт «Североирландский конфликт» («The Troubles»): методика исследования и репрезентация на материале медийного и художественного дискурсов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 19–47. doi: 10.17223/19986645/48/2
7. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35–48.
8. Варфоломеева И.В. Интеграция разных областей специального знания как авторский способ метафорической концептуализации в англоязычном художественном тексте // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. № 16 (811). С. 20–29.
9. Енева М.В. Эмоциональный концепт восторг/delight в сочинениях К.Г. Паустовского и Д.Б. Пристли // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 20 (375). С. 36–40.
10. Шувалова О.О. Структурообразующая роль лейтмотивов и символов в романах Ч. Диккенса : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 238 с.
11. Lynn Clark. Cognitive Sociolinguistics: a viable approach to variation in linguistic theory. URL: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/8755/12638217_COGNITIVE%20SOCIOLOGICAL.pdf;sequence=1 (дата обращения: 28.10.2019).
12. Уилсон Э. Мир Чарльза Диккенса. М. : Прогресс, 1970. 319 с.
13. Архипова Л.В. Взгляды представителей британской интеллигенции – Ч. Диккенса, Дж. Рёскина и Б. Шоу – на развитие школьного образования // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2017. № 1 (54) С. 64–68.
14. Тугушева М. Чарльз Диккенс М. : Детская литература, 1979. 208 с.
15. Dickens Ch. The complete works. London : Chapman & Hall ; New York : Oxford University Press Collection. 1900–1923.

References

1. KatarSKIY, I.M. (1966) *Dickens* [Dickens]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
2. Katermina, V.V. (2016) *Nominatsii cheloveka: natsional'no-kul'turnyy aspekt (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Nominations of a Person: National and Cultural Aspect (on the Material of Russian and English Languages)]. Moscow: Flinta.
3. Bulgakova, N.O. & Sedelnikova, O.V. (2018) The sphere of concepts of the novel “Demons” by F.M. Dostoevsky: on revealing the main concept and its function in the poetics of the book. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 54. pp. 125–146. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/54/8
4. Bolotnova, N.S. (2015) Variative potential of fiction concept in poetic texts. *Vestnik TGPU – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 6(159). pp. 118–125. (In Russian).
5. Bulygina, E.Yu., Tripolskaya, T.A. & Ferenc, P. (2017) The Concepts Envy and Jealousy in Yu. Olesha's Novel “Envy” and Its Translation into Polish. *Rusin*. 2(48). pp. 51–68. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/5
6. Kostareva, E.V. & Strinyuk, E.A. (2017) The concept “The Troubles”: research methodology and representation in literary and media discourses. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 19–47. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/2
7. Boldyrev, N.N. (2016) Language and the structure of cognition. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*. 24. pp. 35–48. (In Russian). DOI: 10.20916/2071-9639-2016-24-35-48

8. Varfolomeeva, I.V. (2018) Integration of Different Special Fields of Knowledge as an Author's Way of Metaphoric Conceptualization in English Fictional Text. *Vestnik MGLU. 2018. Gumanitarnye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities.* 16(811). pp. 20–29. (In Russian).

9. Eneva, M.V. (2015) The emotion concept vostorg/delight in Pausovskij's and Priestley's essays. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 20(375). pp. 36–40. (In Russian).

10. Shuvalova, O.O. (2003) *Strukturoobrazuyushchaya rol' leymotivov i simvolov v romanakh Ch. Dikkensa* [The structure-forming role of leitmotifs and symbols in the novels of C. Dickens]. Philology Cand. Diss. Moscow.

11. Clark, L. (n.d.) *Cognitive Sociolinguistics: a viable approach to variation in linguistic theory*. [Online] Available from: https://ir.canterbury.ac.nz/bitstream/handle/10092/8755/12638217_COGNITIVE%20SOCIOLOGICAL%20LINGUISTICS.pdf;sequence=1 (Accessed: 28th October 2019).

12. Wilson, E. (1970) *Mir Charl'za Dikkensa* [The World of Charles Dickens]. Moscow: Progress.

13. Arkhipova, L.V. (2017) Vzgl'yady predstaviteley britanskoy intelligentsii – Ch. Dikkensa, Dzh. Reskina i B. Shou – na razvitiye shkol'nogo obrazovaniya [Views of representatives of the British intelligentsia – C. Dickens, J. Ruskin, and B. Shaw – on the development of school education]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina.* 1(54) pp. 64–68.

14. Tugusheva, M. (1979) *Charl'z Dikkens* [Charles Dickens]. Moscow: Detskaya literatura.

15. Dickens, Ch. (1900–1923) *The Complete Works*. London: Chapman & Hall; New York: Oxford University Press Collection.

Сведения об авторах:

Катермина В.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия).

E-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Иванова Ю.В. – преподаватель департамента английского языка и профессиональной коммуникации Финансового университета при Правительстве РФ (Москва, Россия).

E-mail: beautiful-8383@mail.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Katermina V.V. – Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation).

E-mail: veronika.katermina@yandex.ru

Ivanova Yu.V. – Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: beautiful-8383@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2019;
одобрена после рецензирования 14.04.2020; принята к публикации 14.03.2022

The article was submitted 23.11.2019;
approved after reviewing 14.04.2020; accepted for publication 14.03.2022

КНИГА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 027.1(470.5)"17" + 025.171 + 929.52Турчанинов

doi: 10.17223/23062061/28/

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ ИЗДАНИЯ В УСАДЕБНОЙ БИБЛИОТЕКЕ УРАЛЬСКОГО ПРОМЫШЛЕННИКА XVIII в. А.Ф. ТУРЧАНИНОВА

Елена Павловна Пирогова

*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург, Россия, eppirogova@yandex.ru*

Аннотация. Изучение самой крупной дворянской библиотеки Урала XVIII в. стало возможным благодаря находке Описи имущества уральского заводчика А.Ф. Турчанинова (1789). Огромный раздел Описи посвящен библиотеке, едва ли не четвертую часть которой занимают западноевропейские издания, их анализу посвящена статья. Делается вывод: по составу иностранной части, ее языковой принадлежности библиотека Турчанинова была не типичной для дворянских книжных собраний того времени, имела приоритет немецких изданий над французскими, уклон в естественно-научную и производственную литературу.

Ключевые слова: дворянская библиотека, А.Ф. Турчанинов, опись имущества, западноевропейские издания

Благодарности: статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-09-00582.

Для цитирования: Пирогова Е.П. Западноевропейские издания в усадебной библиотеке уральского промышленника XVIII в. А.Ф. Турчанинова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 50–74. doi: 10.17223/23062061/28/4

Original article

WESTERN EUROPEAN EDITIONS IN THE MANOR LIBRARY OF THE 18TH-CENTURY URAL INDUSTRIALIST ALEXEI TURCHANINOV

Elena P. Pirogova

*Russian State Vocational Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation,
eppirogova@yandex.ru*

Abstract. Personal libraries occupy a special place in the structure of the cultural heritage of the past. The study of one of them – currently the largest noble library of the Urals of the 18th century – should be recognized as a serious research objective. The study became possible thanks to the discovery of a rare source – the Property Inventory, compiled in 1789 after the death of the Ural industrialist Alexei Turchaninov. A huge section of the Inventory is reserved for the library, almost a quarter of which (about a thousand volumes) is occupied by Western European publications, and the article aims to analyze the latter. The difficulty, and often impossibility, of identifying foreign books according to the Inventory is due to the fact that they are described not in the original language, but in Russian, with no imprint, briefly, with inaccurate reproduction of authors' names and surnames. Therefore, it was possible to more or less reliably identify only a part of the books, while all of them were distributed according to linguistic characteristics and branches of knowledge. In total, 16 thematic sections are specified, each presented separately and in a summarizing table. The European publications on astronomy, physics and mechanics, mathematics, chemistry and mineralogy, natural science and medicine, which are not so typical for the noble library, are consistently considered, especially since among the books on this topic there was a lot of scientific and special literature. The maximum number of titles among foreign books was made up of books on chemistry and mineralogy, which speaks of the industrial interests of the library owner and his priorities in choosing foreign publications. The variety of literature on metallurgy, construction, mining, and industrial architecture is quite expected as part of the book collection of the Ural manufacturer. The humanitarian part of the library is rich in books on philosophy, politics and law; a historical section stands out: it ranks third in the number of titles and volumes. Modest in comparison with others, the section of literature of religious content still testifies to Turchaninov's spiritual quest, his interest in the origin of Christianity and the history of religion. In general, the analysis of foreign books by the degree of reflection of their titles and by the number of volumes in thematic sections showed that books of two sections – on art and pedagogy – dominate in the library, which indicates a serious influence of the family and the owner's enthusiasm for collecting (paintings, etc.) on completing his book collection. A general conclusion is made that, in terms of the composition of its foreign part, Turchaninov's library is completely universal, that is, characteristic of the era, but at the same time not typical of the noble book collections of that time; it shows a noticeable trend towards natural science and industrial literature. During the period defined by the term "Gallomania" and the predominance of French literature in the noble libraries, 85.7% of foreign books in Turchaninov's library were in German, the language of science and scientific knowledge of the time.

Keywords: noble library, Alexei Turchaninov, property inventory, Western European editions

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-09-00582.

For citation: Pirogova E.P. (2022) Western european editions in the manor library ural industrialist of the 18th century A.F. Turchaninov. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 28. pp. 50–74. doi: 10.17223/23062061/28/4

В арсенале социальной памяти общества непрерывную связь времен и поколений сохраняет исторический опыт, он отражается через культур-

ное достояние прошлого, т.е. через те ценности, которые были созданы предыдущими поколениями и имеют непреходящую значимость не только для сохранения общей культуры, но и для ее дальнейшего развития. В структуре культурного наследия прошлого особое место занимают личные библиотеки, которые, как «накопленные многочисленные факты истории этого многовекового феномена культуры, нуждаются в осмыслении, теоретическом обобщении» [1. С. 4]. Так, специалист в области библиотекведения И.В. Васильева относит изучение истории усадебных библиотек «к числу проблем, недостаточно разработанных специалистами»; обобщая позицию библиотекведческой мысли начала XXI в., она говорит о том, что «комплексный взгляд на проблему исследования усадебных библиотек позволит не только восстановить утраченные формы культуры и заполнить культурный разлом, но и определить ее как компонент универсального документального пространства русской усадьбы» [2. С. 46]. Изучение заводской усадьбы Урала XVIII в. только началось, остаются малоизученными за недостатком источников и личные библиотеки уральских дворян-промышленников того времени. Не случайно в коллективной монографии по истории литературы Урала рассмотрена лишь одна библиотека этого периода – книжное собрание А.Н. Демидова [3. С. 304–310], кроме того, нами были представлены и описаны книги из библиотеки его сына Н.А. Демидова [4. С. 94–104, 148–186].

Тема статьи связана с, возможно, уникальной для своего места и времени библиотекой, принадлежавшей владельцу Сысертского горного округа А.Ф. Турчанинову (ок. 1704–1787). Крупный промышленник, он имел при заводскую усадьбу, богато обставленную европейской мебелью и различной утварью, изделиями и украшениями из золота, серебра и драгоценных камней, вокруг усадьбы по моде екатерининского времени был разбит сад с диковинными растениями и оранжереями, античной скульптурой, фонтанами, гротами, зверинцем. Кроме этих, кажущихся невероятными для Урала XVIII в. богатств в сысертской усадьбе находились различные коллекции (минералогическая, палеонтологическая, нумизматическая и медалей, живописи и древнерусского искусства, гравюр, оружия и даже табакерок), музыкальные инструменты и, наконец, богатейшая библиотека. Обо всем этом стало известно благодаря находке ценного исторического источника в виде подробной описи имущества, составленной в 1789 г. после смерти А.Ф. Турчанинова [5. С. 304–310]. Находка этой Описи сделала возможным начать в свое время изучение не только Сысертских заводов, но и впервые ответить на вопросы происхождения и личности заводчика, его фамилии и семьи, позволила по-новому взглянуть на историю формирования дворянского сословия и ма-

лоисследованной дворянской усадебной жизни Урала екатерининской эпохи [6]. Библиотеке отведен в Описи значительный раздел, ее объем (свыше трех тысяч томов) и состав позволяют утверждать, что мы имеем дело с самой крупной из известных на настоящий момент дворянских библиотек Урала XVIII в. Изучение и подробный анализ этой, по-видимому, несохранившейся библиотеки еще предстоит сделать, нами уже ведется работа по ее реконструкции, готовится публикация. Пока же ограничимся лишь констатацией важности данного источника для восстановления состава библиотеки – эта тема требует отдельного исследования. Но уже сейчас можно отметить удивительный факт наличия в ней значительного (около тысячи томов) количества западноевропейских изданий, прежде всего немецкоязычных. Анализу этой части турчаниновской библиотеки и будет посвящена статья.

Возможность выявления иностранных книг облегчается благодаря тому, что в Описи 1789 г. они отделены от русских в специальные разделы: *«книг немецких...»*, *«книг латинских...»*, а также *«на французском языке...»* Но сложность их идентификации заключается в том, что они описаны не на языке оригинала, а на русском, при этом без выходных данных, очень кратко, как правило, с неточным воспроизведением названия и транскрипцией фамилий авторов или полным отсутствием последних. Внутри разделов книги сгруппированы по чисто внешним признакам, т.е. переплету и формату, иногда указана их стоимость. Кроме общих для всей трехтомной Описи порядковых номеров (с № 5993 по № 6464) иностранные книги имеют отдельную внутреннюю нумерацию, соответствующую количеству изданий: немецких – с № 1 по № 720 (плюс 10 без номеров), французских – с № 1 по № 95, остальные – без указания номеров, но с пометой, что *«оня означенныя книги с 96-го по 105-й номер»* [7]. Еще несколько европейских изданий были добавлены нами из раздела Описи под названием *«рисовальных печатных книг»* в тех случаях, когда указано на каком они языке.

Первое, что сразу бросается в глаза и удивляет в составе библиотеки Турчанинова, это явное преобладание немецкоязычных изданий. В то время как в исследуемый хронологический период, определявшийся термином «галломания», наибольшей популярностью среди дворянства пользовалась французская литература, а в их библиотеках именно французская книга занимала основное положение. В качестве доказательства приведем данные разных исследований, например, двух типичных усадебных книжных собраний провинциальных дворян Новгородской губернии: семейную библиотеку Батюшковых (ее создание связано с прадедом поэта К.Н. Батюшкова) и библиотеку семьи Верещагиных. Обе они

имели сходные черты и состояли в основном из иностранных книг, большей частью французских [8. С. 182]. Другое исследование посвящено библиотеке представителей «коренного орловского дворянства» Цуриковых, насчитывавшей к началу XIX в. 3 689 томов, «около трети» из которых (1 170 томов) составляли «французские книги» [9. С. 51–52]. После смерти сановника графа С.К. Вязмитинова в перечне его книжного собрания, составленного для продажи Императорской Публичной библиотеке, говорилось: «...книги сии большею частию французские; есть многие переводы с латинского и греческого, разного рода лексиконы...» [10. С. 60]. По свидетельству поэта князя П.А. Вяземского, в усадьбе его отца в Остафьево «была значительная библиотека, ежегодно обогащаемая новыми произведениями французской литературы...» (цит. по: [11. С. 279]). От нее сохранился целый каталог французских книг, составленный на языке оригинала, относящийся к 1780 г. [Там же. С. 280]. Анализируя состав богатейшей фамильной библиотеки графов Шереметевых в усадьбе Кусково, авторы исследования сравнивают ее с другими библиотеками крупных вельмож «елизаветинского и екатерининского царствований» – Воронцовых, М.Н. Муравьева и других, и отмечают, что «при всех различиях в объеме собраний и вкусах владельцев библиотек в них преобладали иностранные издания», судя по контексту, это были преимущественно французские книги [12. С. 100].

Изучение описи библиотеки князя М.М. Щербатова, составленной после его смерти в связи с покупкой книг Екатериной II, показало, что историк обладал «обширной и ценной коллекцией книг: 2 407 названий (8 301 том)», большую часть из которых (73,29% названий из описи) составляли издания на французском языке [13. С. 293]. Примеры можно было бы продолжать. Наконец, такой глубокий исследователь и бытописатель дворянской усадьбы XVIII–XIX вв., как А.Н. Греч в своих очерках, названных им «Венок усадьбам», восхвалял значение французской литературы и ее авторов, утверждая, что «в каждой помещичьей библиотеке» они «составляли обязательное наполнение книжных шкафов». Далее он писал: «исключительная своеобразность старинных русских библиотек создается благодаря обилию в них французских книг XVIII века...» [14. С. 34]. Почему же в таком случае усадебная библиотека А.Ф. Турчанинова столь явно отличалась от общепринятой нормы. Вероятное объяснение такого исключения будет дано ниже, а сначала покажем, что не только относительно языковой принадлежности, но и составом своей иностранной части эта библиотека не была типичной для дворянских книжных собраний того времени.

Определить о каких конкретно изданиях идет речь в Описи 1789 г., практически не представляется возможным, поэтому мы попытались распределить их по отраслям знаний. За основу систематизации были взяты списки «новых немецких, латинских и французских книг», поступавших для продажи в академическую книжную лавку в Петербурге в 1734 и 1752 г., опубликованные Н.А. Копаневым и дополненные им классификацией франко-немецкой литературы XVIII в., данной в работе немецких исследователей В. Крауса и М. Фонтиса, а также систематизацией академика К.М. Бэра 1841 г. [15. С. 45–47]. Оказалось, что западноевропейские издания из Описи 1789 г. в основном «укладываются» в полученную систематизацию по тематическим разделам, но некоторые из них пришлось все же изменить. Из восемнадцати разделов было оставлено шестнадцать: стал «лишним» за отсутствием книг раздел «театр», а разделы «мораль, нравы» и «разное (моды, охотоведение, фехтование, хореография, игры в шахматы, карты и т.п.)» оказалось легче объединить с другими (первый из них, например, – с философией или религией). В то же время значительное количество в библиотеке Турчанинова книг по астрономии, физике и механике, а также химии и минералогии потребовало добавить соответствующие разделы, выделить в отдельный раздел книги по математике. В другом разделе – «военное и морское дело» – пришлось заменить вторую часть (по морскому делу книг не обнаружено) на «артиллерию», а к «архитектуре и строительному делу» добавить «металлургию и рудное дело». Полученный результат распределения книг по отраслям знаний представлен ниже в таблице.

Книги на немецком и французском языках из Описи 1789 г. по отраслям знаний

Раздел	Отрасль знания, вид литературы	Книги на языках, наименований (томов)		Итого (%)	
		немецком	французском	наименований	томов
I	Астрономия, физика, механика	29 (58)	4 (8)	33 (7,1)	66 (7,7)
II	Математика	12 (23)	2 (3)	14 (3)	26 (3)
III	Естествознание (биология, ботаника, зоология)	22 (36)	3 (12)	25 (5,4)	48 (5,6)
IV	Архитектура, металлургия, строительное и рудное дело	31 (38)	1 (1)	32 (6,9)	39 (4,5)
V	Военное дело, артиллерия	10 (11)	–	10 (2,1)	11 (1,3)
VI	Химия, минералогия, алхимия	46 (57)	–	46 (9,9)	57 (6,6)
VII	Медицина, анатомия	37 (61)	–	37 (7,9)	61 (7,1)
VIII	Философия, политика, право	26 (29)	1 (16)	27 (5,8)	45 (5,2)
IX	Литература религиозного содержания (история религии, теология, религиозная полемика)	22 (28)	1 (3)	23 (4,9)	31 (3,6)

Окончание таблицы

Раздел	Отрасль знания, вид литературы	Книги на языках, наименований (томов)		Итого (%)	
		немецком	французском	наименований	томов
X	История	38 (68)	1 (1)	39 (8, 3)	69 (8)
XI	География, картография, описание путешествий	16 (50)	5 (7)	21 (4, 5)	57 (6, 6)
XII	Экономика, домоводство, ветеринария	35 (41)	1 (2)	36 (7, 7)	43 (5)
XIII	Искусство, рисование, медальное и монетное дело	33 (86)	7 (26)	40 (8, 6)	112 (13)
XIV	Педагогика (учебная литература, языковые словари, грамматики, для обучения музыке), женская, детская	20 (47)	20 (36)	40 (8, 6)	83 (9, 7)
XV	Художественная литература, поэзия	19 (23)	3 (5)	22 (4, 7)	28 (3, 3)
XVI	Литература универсального содержания, периодика, библиография	14 (68)	–	14 (3)	68 (7, 9)
	Не определены (другие языки)	6 (11)	2 (3)	8 (1, 7)	14 (1, 6)
Всего		416 (735)	51 (123)	467	858

Конечно, необходимо понимать, что такое распределение книг достаточно условно, так как лишь немногие из них удалось более или менее достоверно идентифицировать. Так, нами были отнесены к разделу «астрономия» следующие книги на немецком языке из Описи: «Северное сияние под № 210» (№ по Описи 6147)¹, «Философическое описание о метеорах», «Астрологический примечания», «Касиме о фигуре земли», «Лягировы астрономический таблицы», «Размышления о биении пульса земляного шара», «Гегелганса астрономические сочинения». Лишь в одной записи – «Исаака Хабрехта о астрономии геометрии» – фамилия автора оказалась не искажена, действительно, был такой немецкий картограф, астроном и глобусный мастер в XVII в., правда, сведений о его трудах найти не удалось. В двух записях под одним и тем же автором с разной транскрипцией: «Гугенсово размышление о свете» и «Гигенсов космотеот», скрывается, очевидно, нидерландский физик, математик, астроном и изобретатель XVII в. Христиан Гюйгенс ван Зейлихем, известный как один из основоположников теоретической механики и теории вероятностей. В 1678 г. вышел его «Трактат о свете», а последней книгой стал «Космофеопос», изданный посмертно в Гааге в 1698 г. на латинском языке. Этот труд с изложением гелиоцентрической системы

¹ Далее в статье внутренние номера, соответствующие порядковому номеру тома при описании иностранных книг, а также сквозные номера по Описи будут опущены.

Коперника быстро получил распространение в Европе, в частности, в 1703 г. был переведен на немецкий язык, а в 1717 г. на русский под названием «Книга мирозрения». Вышедших тогда же в России двух изданий (без указания автора и переводчика) в библиотеке Турчанинова не оказалось, зато ему удалось приобрести редкие немецкие издания. Такая же ситуация повторилась с другим изданием, уже по физике. Не сразу удалось понять, что под двумя записями в Описи «*Налетова экспериментальная физика*» подразумевается французский священник и физик XVIII в., член Парижской академии наук Жан-Антуан Нолле (Nollet) и весьма тогда популярные «Лекции по экспериментальной физике аббата Нолле», вышедшие в шести томах в Париже в 1749 г., а затем и в других странах. В России были переведены и изданы первые три тома в 1779–1781 гг. [16. № 4705], однако не этим, а именно французским (только 4 тома) и немецким (6 томов) изданиям отдал предпочтение уральский заводчик.

Еще несколько записей, отнесенных нами к I тематическому разделу, удалось понять. Так, несомненно, именно Генри Бейкер, английский натуралист, член Общества антикваров и Королевского общества скрывается в записи «*Гендриха Бакера о микроскопах*». Действительно, в 1744 г. ученый получил медаль за микроскопические наблюдения на кристаллизации солевых частиц, а среди его публикаций были: «Микроскоп сделаны Easy» (1743) и «Работа для микроскопа» (1753). Возможно, среди французских изданий в Описи ему же принадлежит «*Описание микроскопа*». Главный трактат немецкого архитектора и механика XVII в. Георга Андреаса Бёклера имел название «*Theatrum Machinarum Novum*» (издан в 1661 г.), очевидно, оно и воспроизведено в Описи как «*Механической театр Иоганна Андреа Беклера*». Другой инженер и изобретатель, французский генерал Бернар Форест де Белидор, член Французской, Русской и Королевской академий наук, также привлек внимание Турчанинова своими оказавшими значительное влияние на науку трудами. Белидор написал множество книг по математике, артиллерии, гидравлике, строительству, военной инженерии, его «*Architecture hydraulique*» в 4 томах (1737–1753) была первым трудом такого рода, применяющим интегральное исчисление к практическим работам. В Описи эти книги записаны как: «*Белидорова инженерная наука*» в 4 томах, «*Белидорова архитектура гедралическая*» в 2 и «*Архитектура гидролическая Билидорова*» в 4 томах, а также «*Курс математики для управления инженеров сочинения Белидора*». Последнее издание отнесено нами к разделу II «Математика». Не удалось определить, кто скрывается под указанными в Описи как «*Крюгерова физика*», «*металлическая история Нетелланда*» (в 5 томах), «*Еронима Меззерума механической театр*», «*Ювенела Аленка опыт о истории сло-*

бодных и механических наук» (в 2 томах) и «Леополда театр махин и протчая» (12 томов). Тем более непонятны анонимные записи: «О електрической силе и сношении ея воздушными явлениями», «Токарное искусство», «Собрание полезных машин и инструментов», «Общественной театр машин»; как и среди французских книг – «О часовом мастерстве» и «Новая теория движения», но их названия позволили включить эти издания в раздел I.

Из раздела II удалось «узнать» в описании еще двух математиков. Одним оказался французский инженер математических инструментов Николас Бион. Его основной труд «Строительство и основные использование математических инструментов» впервые был опубликован в Париже в 1709 г., затем переведен в 1723 г. на английский язык, стал самой известной книгой, посвященной инструментам. Судя по Описи, работы Биона переводились и на немецкий язык, в ней указаны: «Николая Биона о математических инструментах», «Николая Биона математическая школа» и, наконец отнесенная к разделу по физике «Бионово описание света». Другой математик (а также философ и ботаник), Христиан Вольф, хорошо известен, так как его труды часто переводили и издавали в России XVIII в. Эти русские издания были в библиотеке Турчанинова, что не помешало ему иметь и немецкоязычные их варианты: «Сокращение математических оснований Волфа» и в четырех томах (экземплярах?) «Началныя основания математических наук Волфа». Остальные труды анонимные, но явно имеют отношение к математике: «Роспись чисел от одного до 10 000», некое «Таинство геометрической философии», «Началныя основания аналитики», «Математической лексикон» и другие подобные, включая два на французском языке – «Элементы геометрии» и «Сокращение из математики».

Богатый раздел III «Естествознание» практически не поддается идентификации, но сами названия книг, кажется, не оставляют сомнения в их принадлежности к биологии, ботанике или зоологии. Из общих работ укажем следующие: «Разумныя рассуждения о разных вещах естественная история», трехтомные «Разные полезные опыты к познанию естества», «Общественной магазейн естественной науки», «I том испытательной натуры» и «два первыя томы словаря натуральной истории». Редко в трудах указаны авторы: «Описание натуральных вещей сочинения Иоганна Багтиста», «Шеизерова натуральная история», «Естественная история о зверях и птицах сочинения Галлера». Лишь последний из них «узнаваем»: это, несомненно, швейцарский естествоиспытатель, врач и поэт Альбрехт фон Галлер, один из основоположников экспериментальной физиологии, бывший при этом с 1776 г. иностранным почетным чле-

ном Петербургской академии наук. Европейская мода на естественно-научные кабинеты и кунсткамеры, пришедшая и в послепетровскую Россию, видна в двух немецких изданиях: *«Общая естественная история с описанием естественного французского кабинета»* в 3 томах и *«Опыт естественного дрезденского кабинета»*, и, возможно, во французском *«Театр натуры»* (7 томов).

Неудивителен интерес уральского промышленника, владельца цветущего и плодоносящего сада, к литературе по ботанике. Так, в его библиотеке были трехтомная *«Естественная история о травах»*, *«Любопытства естества и художества в разсуждении растения»*, некий *«Галанский садовник»* и *«Филиппа Миллера садовой календарь»*. Автор последнего сочинения, английский ботаник и главный садовник ботанического аптекарского сада Челси, был знаменит своим ботаническим справочником *«The Gardener's Dictionary...»* (Словарь садовода), выдержавшим в XVIII в. 8 изданий, в том числе немецкое, представленное, очевидно, в Описи (на русский язык оно не переводилось). Особенно роскошными были, вероятно, два издания, помещенные составителями Описи в раздел «рисовальных печатных книг» под названием *«Цветник или знание о всяких родах растущих трав и деревьев с их плодами на немецком диалекте во французском переплете обрез золотой в поллист»*, а также агрономический труд, связанный с исследованием сортов плодовых и ягодных растений, описанный как *«Помология или ученость о познании натуры производимых произрастении разных трав фруктов и происхождение насекомых со описанием на французском и немецком диалектах... в средней поллист»*. В том же разделе указаны *«немецкой печати две книги разных птиц в точном и их виде гнезд и яиц со описанием на немецком диалекте...»*, а также *«французской печати три книги содержащая в себе точные виды разных животных как то птиц, зверей, рыб и по земли ползающих и пресмыкающихся с анатомией и описанием на немецком диалекте...»*. Обе книги «во французском переплете» с золотым обрезом. Были среди книг еще *«История о птицах»* и *«Описание о пресмыкающихся»*, последняя в двух экземплярах, о которых сказано: «искоих одна в коженном переплете». Назовем еще одно редкое издание средневекового автора из Описи, это *«Адама Лонцера травник с описанием о зверях и присмыкающихся»*. Адам Лоницер (Лонитцер) – немецкий врач и ботаник, доктор медицины, его книга *«Naturalis historiae opus novum»* была издана в XVI в. сначала на латинском языке, затем вышла ее немецкая версия. Она стала настолько популярной и известной, что переиздавалась в XVIII в. в Аугсбурге. Скорее всего, это последнее немецкое издание и было в библиотеке Турчанинова.

Не приходится удивляться тому, что книжное собрание уральского заводчика было богато литературой по металлургии, строительному и рудному делу, промышленной архитектуре (раздел IV). В Описи значатся: единственное в разделе французское издание *«Лексикон подземного царства»*, остальные немецкие – *«Подземное описание»*, *«Смесь о горных механических и оптических вещах»*, *«О земляном угле»* и *«О земляном бураве»*, *«Поучения о рудном деле»* и *«Известие о горном деле»*. Среди них есть и авторские издания: некое *«Берово наставление о горном деле»* и *«Агрикоро о горном деле»*. Последнее явно принадлежит немецкому ученому эпохи Возрождения Георгию Агрикола, который считается одним из отцов минералогии. В своих работах он описал технологию добычи, транспортировки, подготовки и переработки руд, предложил морфологическую классификацию полезных ископаемых. В XVI в. его труды переводились на многие языки, в том числе на немецкий. Наличие такого редкого издания делает честь уральской библиотеке и ее владельцу. Конечно, это могли быть и более поздние немецкие переиздания, возможно также, что кроме названного, в Описи имеются и другие сочинения Г. Агрикола, но без указания автора. Среди «анонимных» есть под названиями: *«Размышлении о милургической науки»*, *«О разделении металов»*, *«Понятие о горном правильном и макишейдерском деле»*, *«Наставления макишейдерской науки»* и даже *«О состоянии здоровья горных работников»*.

Было бы странным отсутствие в библиотеке трудов немецкого минералога и горного инженера Иоанна Готлоба Лемана, в 1760-е гг. состоявшего на русской службе, где он стал даже членом Императорской Академии наук и художеств. В России многие его труды переводились с немецкого языка и выходили русскими изданиями, были они и у Турчанинова. Тем не менее он приобрел и немецкоязычные, представленные в Описи как *«Леминово введение горной науки»* и *«Лемана о красилном коболте»* (отнесено нами к разделу по химии). Капитальные труды другого немецкого горного деятеля и специалиста в области металлургии И.В. Шлаттера были не менее популярны в России, в первую очередь его многотомное *«Обстоятельное описание рудного плавильного дела...»*. Конечно, они были в библиотеке Турчанинова, но только русские издания, по-видимому, как более доступные. Зато он приобрел работы неизвестных в России немецких авторов, которые использовал Шлаттер, сам в этом признававшийся. Это сочинения К.А. Шлютера и И.А. Крамера [17. № 8269], названные в Описи как *«Шлютерово наставление о плавильном деле»*, *«Шлютера о горном и пробирном деле»*, *«Крамерово пробирное искусство»*. Возможно, кому-то из них принадлежит и другое сочине-

ние – «*О пробирном и разделительном художестве*». Назовем еще одного немецкого автора, признанного теоретика архитектуры и мастера-строителя Л.К. Штурма, сочинение которого «*Совершенное описание строения мельниц...*» было переведено на русский язык «по четвертому аугсбургскому 1778 года изданию» и напечатано в 1782 г. в Москве [17. № 8507]. Этого русского издания в Описи нет, зато указаны немецкие (одно из вышедших в Аугсбурге?): «*Мельничное строение Штурма*», «*Штурма о вещах касающихся до архитектуры*» и «*Штурмова архитектура*». Тематически к ним примыкают анонимные: «*Архитектура с планами и частию механики, на немецком диалекте*» в 4 частях и «*Перспектива практическая*». Необходимость использования энергии рек, а значит, строительства при заводах плотин, шлюзов, важность регулярного сообщения по рекам для сбыта металлургической и иной продукции требовали от заводовладельца серьезных знаний в области гидравлической науки, которые Турчанинов мог черпать из немецких книг своей библиотеки, таких как: «*О способах что реки делать судоходными*», «*О плотинах и шлюзах*», трехтомного «*Леополдов театр водяных машин*», «*Луки Фока введение к гедролической архитектуры*».

Уральские заводы еще с петровских времен выполняли военные государственные заказы. В 1775 г. Турчанинову одному из немногих промышленников удалось отбить атаки пугачевских войск, за что он был награжден Екатериной II дворянским дипломом. Уже это объясняет неизменный интерес заводчика к военному делу и всему, что с ним связано, отсюда совершенно не случайными кажутся такие немецкие труды в его библиотеке (раздел V), как: «*Военной лексикон*» и «*Военная архитектура*», «*Дюранжева фортификация*», «*Началныя основания артиллерии*», «*Наставление артиллеристу*», «*Настоящей стрелок*», «*Описание артиллерии*», «*О феиверках и артиллерии*» и даже знаменитая «*Вобанова фортификация*». Автор последней – маршал Франции Себастьен Ле Претр, маркиз де Вобан, выдающийся военный инженер XVII в., который довел бастионную систему до совершенства, а выстроенные им крепости объявлены Всемирным наследием человечества. Его двухтомное сочинение «*Памятка для подготовки правильной осады*» (2-й том назван «*Атака места*») было переведено на все европейские языки и стало основным пособием по тактике осады и обороны крепостей на полтора столетия вперед. Возможно, книга «*О атаке крепостей*» из Описи тоже написана Вобаном.

Среди богатого раздела сочинений по химии много общих трудов типа «*Семармановы основания химии*», «*Николая Лемей курс химии*», «*Химия Сталева*», «*Вернгардовы химическия опыты*», «*Химическийи упражнении Моделевы*», «*Химическия опыты Мешлеровы*», «*Маргафовы*

химическая сочинения», «Неиманово поучение химии», «Химическая любопытная библиотека Стернова» и даже такие редкие, как «Авраама или Азара древнее химическое сочинение» или научное «3-й том химических ботанических и атомических речей Французской академии». К сожалению, неточная или неполная, по-видимому, транскрипция указанных в Описи фамилий не позволила соотнести их с реальными средневековыми и нового времени химиками, не говоря уж о таких анонимных записях, как «Химически эксперименты и штуки», «Наставления о красилном кrape», «Описание истинной и фалишовой химии», «О составлении лаков», «...о делании стекла», «Основательное поучение экспериментальной химии», и других подобных. Все же авторов некоторых сочинений удалось определить. Среди них оказался, например, арабский химик раннего Средневековья Джабир ибн Хайян, о котором в специализированном журнале сказано, что он «известен в научном мире в течение последнего тысячелетия как „отец“ прикладной химии, основанной на эксперименте и имеющей элементы качественной теории» [18. С. 67]. В Описи его сочинение указано как «Геберово химическое сочинение», именно под таким латинизированным вариантом имени (Гебер) был известен в средневековой Европе этот ученый-энциклопедист VIII в., философ и алхимик, фармацевт, математик и даже астроном, автор многих трудов по химии. Еще один химик, уже XVII в., известный под шведским именем Йохан фон Левенштерн-Кункель (немецкая версия имени – Kunckel von Löwenstern), был директором по лабораторным и стеклянным работам Бранденбурга и автором целого ряда работ, одна из которых – «Laboratorium chymicum» 1716 г. (см.: [19]), вероятно, и представлена в Описи под названием «Левенштерна химическая лаборатория».

Очевидно, представитель известной немецкой фамилии, сыгравшей заметную роль в жизни Карловых Вар, врач Давид Бехер, заложивший уже в XVIII в. основы бальнеологии – науки, изучающей происхождение и физико-химические свойства минеральных вод, был автором упомянутых в Описи трудов – «Бехерова минеральная азбука» и «Бехераво химическое сочинение». Сочинения другого немецкого врача, а также минералог, металлурга и химика И.Ф. Генкеля, создавшего в 1733 г. химическую лабораторию во Фрайберге, описаны как «Генкеля о растущем и минеральном царствах» и «Генкеля минералогическая и химическая сочинения». Много в библиотеке Турчанинова было трудов немецкого химика, врача и педагога Фридриха Гофмана: «Гофмана химической фабрикант», его двухтомная «...медицина» и трехтомное «Гофманово наставление о сохранении себя от болезни и безвременной смерти». Последние два отнесены нами к разделу медицины. Ф. Гофман был одним из европейских

основоположников теории нервизма о приоритетной роли нервной системы в физиологии организма человека и животных. Интересно, что у Турчанинова не было двух сочинений этого автора («по правилам диететики» и «всеобщем врачевстве»), вышедших в России в XVIII в. Зато имелись переведенные с немецкого на русский язык и изданные в Москве труды другого химика и минералога, Х.Э. Геллерта, что не помешало владельцу библиотеки приобрести один из них – *«Геллертова металлургическая химия»* – в первоисточнике. Интересно также, что единственное сочинение французского химика Пьера Жозефа Макера, *«Макерова теоритическая и практическая химия»*, Турчанинов предпочел иметь в немецком переводе и издании, как и некое английское – *«Открытие художеств химистов и аптекарей переведена с аглинского»*. Среди сочинений по алхимии интересно одно, под названием *«Дурачество и мудрость Иоакима Бехера»*, принадлежавшее немецкому химику и врачу XVII в. Иоганну Иоахиму Бехеру, тому самому, который предлагал организовать в грандиозном масштабе переработку песка в золото. Кроме того, он занимался горным делом и пытался внести усовершенствования в способы добычи горных руд. В Описи указаны также анонимные *«Сокращения из алхимических производств»* и *«Аглинского графа S собрание ретких химических процессов и о делании золота»*. Чаше анонимными оказывались и сочинения в области минералогии: *«Описание минерального царства»*, *«Введение минералогии и миталургии»*, *«Минеральная система»*, *«Опыты о минеральном спирте»*, *«Огелева практическая минеральная система»*, *«Минеральные штуфы»*, многотомные *«Минералогическая упражнения»* и пр.

Удивителен своим научным уровнем подбор литературы по медицине и анатомии (раздел VII). Если наличие в библиотеке сочинений, объясняющих, как оказать первую помощь себе и близким в домашних условиях (*«Воиса о болезнях»*, *«Искусной французской доктор»*, *«Лекарь самому себе сочинения Бергера»*, *«Нужное познание человека и болезни»* или *«Наилучший свет дохтора Ралфа»*) поддается пониманию, то трудно объяснить столь явный интерес заводовладельца к анатомии, иллюстрируемый сочинениями наподобие этих: *«Анатомическая книшка»*, *«Инструкция анатомическая»*, *«Краткое понятие о анатомии»*, *«Галлерово слово о чувствительных частях человеческого тела»* или 8 частей под названием *«Анатомическая речи»*. Можно лишь предположить, что Турчанинов организовывал для рабочих своих заводов больницы и медицинское обслуживание, а для приглашенных врачей (на Урале в то время ими чаще были немцы) приобретал специальную медицинскую литературу. В этом случае становится понятным наличие в библиотеке ряда книг: *«Иоганна Войта о медицинофизических вещах»*, *«Присовокупление меди-*

цинской учености», *«Иогана Крестьяна Кунмана естественныя медицинския редкости»*. Среди них оказались сочинения профессора теоретической медицины, анатомии и хирургии Лоренца Гейстера, основателя немецкой хирургии: *«Лаврентия Гестера медицинския анатомическия наблюдения»*, *«Гестерова медицинская книшка»*, *«Гейстеровая анатомия»*. Только профессиональному медику могли быть полезны и необходимы труды по хирургии из Описи: *«Первое собрание медицинских и херургической примечаний»*, *«Платнерово введение в хирургию»*, *«Начальное основание херургии»*, *«Естеровая херургия»*, *«Еллерова обстоятельная херургия»* или такие сугубо профессиональные работы, как двухтомная *«Елерова физиология и патология медицинская»* или *«Бургава о глазных болезнях и их лечении»* – последняя одного из знаменитейших врачей XVIII в., нидерландского ботаника и химика Германа Бургаве, который первым в Нидерландах стал читать лекции о глазных болезнях. Наличие сочинений еще одного «редкого» автора следует отметить особо, это Самуэль Шаршмид, пастор, присланный в 1699 г. в Россию для лютеран, живших в Москве (см.: [20]). В литературе, кажется, нет сведений о его трудах, поэтому данные из Описи могут представлять интерес для историков медицины. Здесь кроме общих работ пастора: *«Самуела Шаршмида наставления медицинской и херургической»*, *«6 томов Шаршмидовых медицинских и херургических известиях»* и *«Разные медицинские сочинения Шаршмидов»* в 9 томах, – указаны многочисленные *«Шаршмидовы таблицы»*: *«ангиологические»*, *«миологическая»*, *«неврологические»*, *«шпанинологические»* и, наконец, *«остеологическая»*.

Раздел философии, политики и права в немецкой части библиотеки представлен прежде всего европейскими просветителями. Самый ранний из них – Петр Бейль, французский мыслитель, публицист и философ XVII в., который утверждал независимость морали от религии. В Описи отмечен знаменитый *«Бейлев гисторической и критической словарь»*, ставший вдохновляющим трудом для энциклопедистов грядущего века. Первоначально он вышел в Роттердаме в 1696 г. в 2 томах, но в Описи указаны 4 книги, что говорит о наличии у Турчанинова двух экземпляров этого издания. Явный интерес уральского промышленника к трудам Вольтера демонстрирует и русская часть его библиотеки, в которой отмечены многочисленные прозаические, сатирические и исторические сочинения знаменитого философа-просветителя. Среди немецких оказались преимущественно публицистические сочинения, не переведенные тогда на русский язык: *«Опыт общественной истории Волтера»*, *«Собрание разных Волтеровых писем»*, *«Невтонова метафизика писанная господином Волтером»*. В последней записи виден архаичный вариант написания

имени Ньютона. Единственное художественное произведение в немецком издании – «*Китайской философ Волтерова трагедия*» – является, вероятно, одной из многочисленных классических трагедий этого автора. Другой выдающийся философ, писатель и мыслитель эпохи Просвещения, Жан-Жак Руссо, представлен немецкоязычным вариантом (включая транскрипцию имени) одного из известных его трудов – «*Иоганна Якова Русо речь о неравенстве людей*». В то же время одно из главных его философских произведений «*Новая Элоиза*», а также экономические сочинения владелец библиотеки читал в русских изданиях. Назовем другие книги философско-политического содержания из Описи: «*Миллерово введение к философическим наукам*», «*Иоганна Георга Валка философической лексикон*», «*Иоган Гибнера политической словарь*». Большая же часть книг и в этом разделе анонимна: «*Философическое изыскание о силе и действии диавола на естественные тела*», «*55 писем о философском камне*», «*Увеселения разума*», «*Приятные и любопытные разговоры о разных вещах*», «*Человеческая проницательность прошедших и нынешних времен*» и другие с похожими названиями. Есть многочисленные политические «*предсказания*» и издания типа «*Нынешняя политика*», «*Ученые новости Шлезии*» (т.е. Силезии), а также единственное в этом разделе издание на французском языке, зато в 16 томах – «*Наука придворных военных и штатских особ*». Не удалось определить, кому принадлежит авторство записанной в Описи книги «*Сокращение и споров о волфианском философии*», но сама «Вольфианская философия» была в библиотеке русского писателя и ученого А.Т. Болотова, исследователи которой указывают на два ее немецких издания (автор Chr. Wolff) 1712 и 1720 гг. [21. С. 87]; ответом на одно из них, очевидно, и является книга в Описи. Три издания относятся к правовым вопросам: «*Прусская юриспруденция*» и естественные для владельца горно-металлургических заводов «*Горные законы*» и исследование о них под названием «*О горных правилах*».

К философии тесно примыкает литература религиозного содержания (раздел IX). Лишь несколько из них поддаются определению. Так, «*Богословныя мысли Франциска Ксавиера*» принадлежат одному из основателей ордена иезуитов XVI в., первому католическому миссионеру в Японии Ф. Ксаверию, а «*Августа Калмета о явлении духов*» – французскому ученому аббату-бенедиктинцу XVIII в. А. Калмету (Augustin Calmet). Действительно, его сочинение называлось «О явлении духов» и было переведено и издано на немецком языке. Отметим редкие труды немецкого философа конца XVII – начала XVIII в. Христиана Томазия (Thomasius Christian), профессора юриспруденции в Галле, известного своей борьбой против «охоты на ведьм» и чародейства (чернокнижничества). Записан-

ное в Описи сочинение «*Христиана Томаса о чародействии*» оказалось уже тогда редким немецким изданием (Kurze Lehr-Sätze Von dem Laster der Zauberey. S.l. 1702. Переиздания 1703, 1704 и 1717 гг.), как и другое сочинение того же автора («*Христианская Томасавы мысли*»), опубликованное в трех объемных томах (Halle im Magdeburg: Renger, 1723–1725), при этом каждый – более 700 страниц. Судя по Описи, в библиотеке заводчика было только два тома из трех. Оба издания удалось идентифицировать с помощью Сводного каталога французских библиотек [22]¹. Перечисленные сочинения религиозно-философского содержания свидетельствуют о духовных исканиях Турчанинова, о его интересе не только к ортодоксальной литературе (ее много среди кириллических изданий библиотеки). Кроме того, в Описи указаны различные «*Богословныя наставления*», «*О неверии и богоотступании*», «*Разумной неверующий*», «*Бреславской евангелской слон*» и т.д., некое многотомное «*Присовокупление к удовольствию разума и сердца*». Совершенно очевидно, что уральского заводчика волновали вопросы происхождения христианства и истории религии («*Доказательство о древности христианства*», «*Размышлении и доказательства о христианской вере*»), книги, объясняющие суть православия («*Марка Штефина о богословных материях*», «*Вера разумнова христианина 1 том*», «*Иоганна Вата смерть и небеса*»), его отличие от других христианских вероисповеданий («*Размышлении о англицкой церкви*», «*Разность лютеранскаго и католическаго исповедания*», «*Пожной одетп*», «*Духовная католическая книга для болных*»). Возможно, в этот ряд можно поставить и книгу со странным названием «*Изследование не желают ли европейские народы сделаться самоедами или готентатами*», но все же она отнесена нами к разделу «история».

Исторический раздел библиотеки весьма разнообразен. Здесь есть издания по всеобщей истории: «*Историческая родословная*», «*Гисторической лабирин*», а также «*Общественная история*» с указанием, что 16 ее томов переведены «с аглинскаго на немецкой язык», владельцем они переплетены в 7 книг. Наличие у Турчанинова известного сочинения С. Пуфендорфа «Введение в историю знатнейших европейских государств...», переведенного с немецкого языка и изданного в Петербурге в 1767–1777 гг., не помешало ему приобрести и немецкий оригинал «*Пуфендорфово введение к истории европейских держав*». Много в библиотеке разных хроник («*хроник*»): «*Мейсниская...*», трехтомная «*Берлинская...*», «*Вифлянская...*» (т.е. Лифляндии), «*Общественная кроника*

¹ За помощь в идентификации изданий выражаю благодарность специалисту по книжным памятникам из Астраханской областной научной библиотеки З.А. Малометовой.

священной и светской истории». Любопытна «Богемская кроника» тем, что это небольшое сочинение на латинском языке по истории Чехии, выполненное неизвестным автором в XV в. в Праге, до XIX в. не издавалось, а значит, у Турчанинова могла быть только рукописная копия (список) этого сочинения. Интерес владельца библиотеки к античной истории и истории Востока демонстрируют такие сочинения, как «Вениамина Гендриха словарь древностей», «Неувядаемой лавровой венец Римской империи», «История о папах», «Кабалистика древних израильтян и мудрецов», «I-й том описание Японии»; с османо-венгерскими войнами XIV–XVI вв. он знакомился по книге «Описание кровопролития турецких в Венгрии», с самой Османской империей – по книге «Турецкая история». Два издания посвящены истории Швеции: «Зелиева история о шведском королевстве» и «Исторические достопамятности Кристины королевы шведской» (оба в двух томах). Но больше всего изданий связано, пожалуй, с австро-прусской историей: «Немецкая достопамятности», «Присопровождение к критической истории немецких сочинений», «Возвыщенная Австрия», «Учтивая Саксония», а также различные жизнеописания («жизни»): «...Фридриха Вилгелма Великого», «...Карла 12-го» и австрийский дипломата «...императорского генерала фельдмаршала графа Зекендофа». Заметим, что четырехтомная «История войны между Пруссией и Австрией и их союзниками», описывающая долгую войну за австрийское наследство дома Габсбургов, а тем более сочинение под названием «Тетра войны 1756 и 1757 годов» еще не были собственно историей для Турчанинова, а скорее описывали современную ему европейскую политику. Интересовался он и Францией, при этом имел единственную книгу по ее истории на французском языке, разрозненный «четвертой том жизни Людвига XIV», а еще четыре тома, возможно, того же сочинения – уже в немецком издании «История Людвига XIV Мартиньером». Кроме того, в библиотеке были «Делиева история о Франции» (в 5 томах) и «Церемониал французского коронования».

Всего несколько сочинений связаны с Россией, это «Милленово путешествие в Сибире» (в 4 томах), «Собрание российской истории 2-й том», «Историческое известие о Северной войне», а также «Церемониальной прием китайского посланника в Москве». Еще одно сочинение, «Палласово путешествие по России», отнесено к разделу географических. Известно, что оно вышло в Петербурге в 1770-е гг. в 3 томах сначала на немецком, а затем на русском языках. Оба варианта издания П.С. Палласа оказались в книжном собрании Турчанинова, как и еще одно – «I том Палласа о могольских народах», которое на русский язык не переводилось. Кроме различных атласов в Опись включены: 9 томов

«Бишенговой географии», многотомная «Общественная география» (17 томов), «Краткое введение в историю географии», а также 2 издания немецкого географа и ученого Иоганна Гюбнера (Johann Hübner) – «Гибнерова география» (3 тома) и «Иоган Гибнера физической и коммерческой словарь». Учебник последнего по «старой и новой географии» был издан впервые в 1693 г., а затем был переведен на все европейские языки и переиздавался много десятков раз. Русский перевод был издан в Москве в 1719 г., но его, кажется, Турчанинов не приобрел. К сожалению, ничего не известно о том, был ли владелец Сысертских заводов за границей, как, например, другой уральский промышленник, его современник и корреспондент Н.А. Демидов. Но книги на эту тему его привлекали несомненно, так, он читал «Креспелаво путешествие в Канаду», «Путешествие в Цотенския горы», «Путешествие в северную часть Америки», «Описание о городе Юринберге» и даже некие «Гисторическая менералогическая географическая примечании на газеты».

Остановимся на разделе XII «Экономика, домоводство, ветеринария». В Описи много записей со словом «экономической» – «общей... словарь» (3 тома), «...искусник», «...лексикон», а также «Экономическая практика» и «Еккартова економия». Среди известных тогда в России назовем «Франциска Филипа Флорина о домоправлении знатных особ», сокращенный перевод которого с немецкого на русский язык издавался в Петербурге в XVIII в. пять раз под названием «Флоринова Экономия...» (см.: [17. № 7826–7830]). Турчанинов имел как немецкое, так и одно из русских изданий. Масштабы собственной производственной деятельности заставили привлечь его внимание к таким трудам, как «Показание о манифактурах и фабриках», но особенно со словом «камеральный» – «Начальное основание камеральной науки» и «Камералныи основании» – этим термином в XVIII в. называли совокупность знаний, необходимых для управления государственными имуществами. Не случайно, по видимому, в библиотеке было много работ немецкого экономиста И.Г. Юсти, одного из главных представителей камерализма, при этом лишь немногие его труды были переведены в XVIII в. на русский язык. Есть основания отнести к данному разделу и книгу, записанную просто как «Георга Генриха Цинкина», на том основании, что в упомянутой уже библиотеке А.Т. Болотова был «Цынков экономический лексикон» (Zinke G.H. Allgemeines ökonomisches Lexicon... Leipzig, 1742) и тоже в 2 томах [21. С. 87], и это позволяет предположить, что речь идет об одном и том же сочинении и даже издании. Одним из первых немецких авторов XVII в., писавших о сельском хозяйстве, был священник Иоганн Колерус (Johannes Coler), именно он дал этой науке новое направление указанием

на значение местных условий и хозяйственного опыта, чем привлек, очевидно, внимание уральского промышленника: в Описи указана *«Иоганна Колера экономическая книга»*. Кроме того, есть анонимные *«О деревенском домостроительстве»*, *«О бчеловодстве»*, *«Химическия основания о хлебопашестве»*, *«Опыт о селдях»*, а среди них на важные для уральского заводчика темы: *«Искусство наводнять поля»* и особенно *«Введении о сажении и о хранении лесов»*. Из области животноводства назовем *«Наставлении о лошадях коровах овцах и свиньях»* и *«О познании лошадей»*. Теме ухода за лошадьми посвящен целый ряд книг: *«О манеже»*, *«Манежная книга»*, *«Наставление к манежной езде»*, а также издания по ветеринарии: *«Конской лечебник»*, *«О лошединых лекарствах»*, *«Цейгера о лошединых болезнях»*. Нам показалось логичнее поместить ветеринарные книги в раздел домоводства, нежели традиционно присоединять их к медицине (см.: [15. С. 47]), сюда же отнесены хозяйственная *«Поваренная книга»*, связанная с конкретным ремеслом книга *«О переплетании и делании футляров»* (3 тома) и модная в тогдашнем дворянском быту *«Гадательная книшка»*.

Приобретая книги, А.Ф. Турчанинов, как глава семьи, думал об образовании своих восьмерых детей и будущих внуков, уделял много внимания разнообразной художественной и учебной литературе. Это обстоятельство позволило развить определенные художественные навыки у многих потомков уральского заводчика. Так, в библиотеке имелись книги для начинающих самостоятельно овладевать техникой рисунка (*«правила»* живописи и *«перспективных»* рисунков), различные пособия (например, *«о гравирной науке»*, *«рисовальная немецкая книга»*), учения *«разных любопытных художеств»*, словари *«любопытных и художественных вещей»*, *«наук и художеств»*. Много было приобретено общих трудов по истории искусств: *«Филатра сокровище разных искусств»* (в 7 томах), *«Открытие ретких искусств»*, *«Исторической новой портретной зал или описание о уневерсалной истории»* (в 15 томах), *«Маноменты древняго Рима»* и других подобных изданий. Особняком стоят справочные и исторические издания, связанные с монетным и медальным делом, легко объясняемые увлечением владельца библиотеки коллекционированием: *«Медали королевы Христины»*, *«Введение к медалному познанию»*, многотомное *«Различное описание о медалях сочинение разных авторов»* (22 тома), *«Новая монетная книга»*, *«О монетах настоящего века»* и др.

Среди учебной литературы много различных азбук, грамматик, лексиконов и языковых словарей: *«талиянской французской и немецкой»*, *«французскаго немецкаго и латынскаго»*, *«латынскаго греческой немец-*

кой», что говорит о серьезном отношении к обучению детей в семье многим европейским языкам. Мог ли знать сам Турчанинов, что две ветви его рода уже через поколение будут связаны семейными узами с Италией и итальянский язык станет для них вторым родным. Детей обучали не только языкам, рисованию, но и музыке, о последнем говорит, например, книга *«Клавикортное искусство»* (т.е. клавирное). Они читали на немецком и французском языках книги *«для детей»*, журналы: немецкий *«Принцессы Бому магазин наставления для детей»* (13 выпусков) и французский *«Детское училище»* (8 выпусков). Кроме того, могли знакомиться на языке оригинала с баснями Б. Фонтенеля, греческого поэта Эзопа, сочинениями немецкого писателя-сатирика XVI в. Г. Роленгагена (*«Георга Роленгагена справедливая ложь»*), а также авторами XVIII в.: популярного немецкого поэта и философа-моралиста Х.Ф. Геллерта (при этом в библиотеке были его *«Басни и сказки»* и на русском языке), английского писателя Д. Дефо в немецком издании (*«Размышлении о приключениях Робинзона Крузо»*), трагедиями вольнодумца Вольтера, знаменитой сатирой датского писателя Л. Гольберга (*«Николая Клина в подземное путешествие»*). Среди неопределенных художественных сочинений назовем лишь некоторые: *«Развращенной кофейной дом»*, *«Путешествие Лостватера голанского корабельного цырульника на новую планету»*, *«Вопрос лутче ли женится или холостому жить»*, *«Ренеардовы театральные сочинении»*.

К литературе универсального содержания (раздел XVI) нами отнесены некие *«Полезные собрания»* в трех томах, двухтомное *«Краткое введение к истории о науках»*, *«Введение к любопытным наукам»*, *«О разных материях»*, *«Описание немецких в жизни обретающихся ученых людей»*. Особое внимание привлекает любопытное библиографическое издание в двух томах под названием *«Известия о некоторой галицкой библиотеки»*, позволяющее предположить, что Турчанинов интересовался составом отдельных европейских библиотек и возможностью приобретения книг из них. Периодику он приобретал только немецкоязычную и журналы только четырех наименований: *«Физические речи»* (12 номеров), *«Новейшия и приятнейшия учености»* (8 номеров), *«Ганбургской магазин»* (17 номеров) и под названием *«Леибцыгское собрание о хозяйстве полиции и протчие»* (21 номер).

Если кратко проанализировать приведенную выше таблицу иностранных книг в библиотеке А.Ф. Турчанинова по степени отражения их наименований и по количеству томов в тематических разделах, то окажется, что лидируют, причем в обоих случаях, книги двух разделов: по искусству и педагогике (разделы XIII и XIV), в каждом из которых зафиксировано по 40 наименований и максимальное количество томов –

112 и 83. Это свидетельствует о том, какое значительное место в жизни и интересах уральского заводчика имело увлечение коллекционированием, в частности, произведений живописи и графики, монет и медалей, но в не меньшей степени серьезно он относился к вопросам воспитания и образования своих детей. Трудно сказать для кого больше – для них, или руководствуясь личными пристрастиями, но не менее тщательно Турчанинов комплектовал раздел по истории, который оказался на третьем месте (39 наименований и 69 томов) в его библиотеке. Но максимальное количество наименований в ней – 46 изданий – имеют все же книги по химии и минералогии (раздел VI), что четко говорит о производственных интересах владельца библиотеки и о его приоритетах при выборе зарубежных изданий. В целом даже такая краткая характеристика иностранной части книжного собрания Турчанинова позволяет утверждать, что его библиотека была вполне универсальной, т.е. характерной для эпохи, но при этом имела явный уклон в естественно-научную и производственную литературу. Несомненно, владелец ее, дворянин в первом поколении, разбогатевший благодаря своему уму, деловой хватке и личному вмешательству в заводские дела, к концу жизни стал вполне человеком просвещенным, для которого собирание книг не было данью моде, как бывало у столичных дворян-галломанов, но вызывалось единственно его любознательностью и преимущественно производственной пользой, профессиональными интересами. Именно это последнее обстоятельство и позволяет объяснить столь явное предпочтение со стороны Турчанинова к изданиям на немецком языке – в ту эпоху языке науки и научных знаний. К тому же уральский промышленник привык с уважением относиться к немцам и шведам как представителям индустриальных держав, из числа которых на заводах было немало специалистов. Он, несомненно, и сам владел немецким языком, что также объясняет тот факт, что среди западноевропейских изданий в его библиотеке 85,7% составляли немецкоязычные. Можно предположить, что подобное соотношение было особенностью большинства, если не всех, личных библиотек дворян-заводчиков на Урале в XVIII в., но для доказательства этого тезиса нужны дополнительные источники и исследования.

Список источников

1. Шавыркина Н.А. Личная библиотека как социокультурное явление : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 44 с.
2. Васильева И.В. Библиотека в культуре русской дворянской усадьбы // Румянцевские чтения : материалы междунар. науч. конф. М. : Пашков дом, 2007. С. 45–51.
3. История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / гл. ред. В.В. Блажес, Е.К. Созина. М., 2012. 608 с.
4. Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых. Книги и судьбы. Екатеринбург, 2000. 208 с.

5. Пирогова Е.П. Опись имущества А.Ф. Турчанинова 1789 г. как источник изучения культурно-бытовых традиций уральского дворянства // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 1. С. 146–159.
6. Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б. Род Турчаниновых: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2008. 352 с.
7. ГАСО (Государственный архив Свердловской области). Ф. 59. Оп. 7. Д. 2531. Т. 2. Л. 143–164 об.
8. Торохова Г.З. Книги французских писателей в домашних библиотеках дворян Батюшковых и Верещагиных // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 181–183.
9. Токмакова Т.Н. Французская книга в составе частной библиотеки Цуриковых (на материалах Орловской губернии) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3, ч. 2 (37). С. 50–56.
10. Любавин М.А. Библиотека графа С.К. Вязмитинова // Монархия и народовластие в культуре Просвещения : сб. ст. М., 1995. С. 59–64.
11. Свалова О.М. Библиотека князя А.И. Вяземского // Книга. Исследования и материалы. Сб. 79. М., 2001. С. 279–285.
12. Прокофьева Л.С., Шаркова И.С. О библиотеке Шереметевых // Книга в России. XVI – середина XIX в. Книгораспространение, библиотеки, читатель : сб. науч. тр. / Б-ка Акад. наук СССР ; отв. ред. А. А. Зайцева. Л., 1987. С. 96–101.
13. Берелович В. Европейские издания в библиотеке Михаила Щербатова // Век Просвещения. М., 2006. Вып. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II / отв. ред. С.Я. Карп. С. 282–293.
14. Греч А.Н. Венок усадьбам // Памятники Отечества. Альманах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. 1995. Вып. 32. 192 с.
15. Копанев Н.А. Распространение иностранной книги в Петербурге в первой половине XVIII века (по материалам академических книготорговых каталогов) // Русские книги и библиотеки в XVI – первой половине XIX века : сб. науч. тр. Л., 1983. С. 38–53.
16. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 2: К–П. М., 1964. 514 с.
17. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. Т. 3: Р–Я. М., 1966. 514 с.
18. Каримов М.Ф. Прикладная химия Джабира ибн Хайяна и ее роль в естествознании // Башкирский химический журнал. 2011. Т. 18, № 1. С. 67–70: URL: [cyberleninka.ru > article > prikladnaya-himiya-dzhabira...](http://cyberleninka.ru/article/view/prikladnaya-himiya-dzhabira) (дата обращения: 15.08.2020).
19. Йохан фон Левенштерн-Кункель. URL: ru.knowledgr.com (дата обращения: 20.08.2020).
20. Павлов В.А. Конфессиональная политика российского правительства к иностранным подданным в XVII в. URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2007/962-konfessionalnaya-politika...> (дата обращения: 12.08.2020).
21. Глаголева О.Е. Библиотека А.Т. Болотова // Книга в России, XVI – середина XIX в. Книгораспространение, библиотеки, читатель : сб. науч. тр. / Б-ка Акад. наук СССР ; отв. ред. А.А. Зайцева. Л., 1987. С. 78–95.
22. Сводный каталог научных библиотек французских высших учебных заведений SUDOC. URL: <http://www.sudoc.fr/> 165015829; <http://www.sudoc.fr/> 191461296 (дата обращения: 12.05.2019).

References

1. Shavyrkina, N.A. (2000) *Lichnaya biblioteka kak sotsiokul'turnoe yavlenie* [Personal library as a socio-cultural phenomenon]. Abstract of History Dr. Diss.
2. Vasilieva, I.V. (2007) Biblioteka v kul'ture russkoy dvoryanskoy usad'by [Library in the culture of the Russian noble estate]. *Rumyantsevskie chteniya* [The Rumyantsev Readings]. Proc. of the International Conference. Moscow: Pashkov dom. pp. 45–51.
3. Blazhes, V.V. & Sozina, E.K. (eds) (2012) *Istoriya literatury Urala. Konets XIV–XVIII v.* [The history of literature of the Urals. The late of the 14th – 18th centuries]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Pirogova, E.P. (2000) *Biblioteki Demidovykh. Knigi i sud'by* [The Demidov Libraries. Books and Destiny]. Ekaterinburg: [s.n.].
5. Pirogova, E.P. (2017) The Inventory of A. F. Turchaninov's Property of 1789 as Material for the Study of the Ural Nobility's Cultural Traditions. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki – Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts.* 19(1). pp. 146–159. (In Russian). DOI: 10.15826/izv2.2017.19.1.012
6. Pirogova, E.P., Neklyudov, E.G. & Larionova, M.B. (2008) *Rod Turchaninovykh: Kul'turno-istoricheskie ocherki* [The Turchaninov clan: Cultural and historical essays]. Ekaterinburg: ID Sokrat.
7. The State Archive of Sverdlovsk Region (GASO). Fund 59. List 7. File 2531.
8. Torokhova, G.Z. (2017) Books by French writers in home libraries of the noble Batyushkovs and Vereshchagins families. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice.* 2(76). pp. 181–183. (In Russian).
9. Tokmakova, T.N. (2010) Frantsuzskaya kniga v sostave chastnoy biblioteki Tsurikovykh (na materialakh Orlovskoy gubernii) [French books as part of the private library of the Tsurikovs (on the materials of the Oryol province)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye i sotsial'nye nauki.* 3-2(37). pp. 50–56.
10. Lyubavin, M.A. (1995) Biblioteka grafa S. K. Vyazmitinova [Library of Count S.K. Vyazmitinov]. In: Kucherenko, G.S. (ed.) *Monarkhiya i narodovlastie v kul'ture Prosveshcheniya* [Monarchy and Democracy in the Culture of the Enlightenment]. Moscow: Nauka. pp. 59–64.
11. Svalova, O.M. (2001) Biblioteka knyazya A.I. Vyazemskogo [Library of Prince A.I. Vyazemsky]. In: Sikorsky, N.M. (ed.) *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Research and Materials]. Vol. 79. Moscow: Kniga. pp. 279–285.
12. Prokofieva, L.S. & Sharkova, I.S. (1987) O biblioteke Sheremetevykh [About the Sheremetev Library]. In: Zaytseva, A.A. (ed.) *Kniga v Rossii. XVI – seredina XIX v. Knigorasprostranenie, biblioteki, chitatei'* [Books in Russia. The 16th – mid 19th century. Book distribution, libraries, readers]. Leningrad: The Library of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 96–101.
13. Berelovich, V. (2006) Evropeyskie izdaniya v biblioteke Mikhaila Shcherbatova [European editions in the library of Mikhail Shcherbatov]. In: Karp, S.Ya. (ed.) *Vek Prosveshcheniya* [The Enlightenment]. Moscow: Nauka. pp. 282–293.
14. Grech, A.N. (1995) Venok usad'bam [The wreath for estates]. *Pamyatniki Otechestva. Al'manakh Vserossiyskogo obshchestva okhrany pamyatnikov istorii i kul'tury.* 32.
15. Kopanev, N.A. (1983) Rasprostranenie inostrannoy knigi v Peterburge v pervoy polovine XVIII veka (po materialam akademicheskikh knigotorgovykh katalogov) [Distribution of foreign books in St. Petersburg in the first half of the 18th century (based on academic bookselling catalogues)]. In: Luppov, S.P. (ed.) *Russkie knigi i biblioteki v XVI – pervoy polovine*

XIX veka [Russian Books and Libraries in the 16th – 1st half of the 19th century]. Leningrad: The Library of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 38–53.

16. Kondakov, I.P. et al. (eds) (1964) *Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoy pechati XVIII veka. 1725–1800* [A consolidated catalog of Russian civilian books of the 18th century. 1725–1800]. Vol. 2. Moscow: Kniga.

17. Kondakov, I.P. et al. (eds) (1966) *Svodnyy katalog russkoy knigi grazhdanskoy pechati XVIII veka. 1725–1800* [A consolidated catalog of Russian civilian books of the 18th century. 1725–1800]. Vol. 3. Moscow: Kniga.

18. Karimov, M.F. (2011) *Prikladnaya khimiya Dzhabira ibn Khayyana i ee rol' v estestvoznanii* [Applied chemistry of Jabir ibn Hayyan and its role in natural science]. *Bashkirskiy khimicheskii zhurnal*. 18(1). pp. 67–70.

19. Ru.knowledgr.com. (n.d.) *Johan von Loewenstern-Kunkel*. [Online] Available from: ru.knowledgr.com (Accessed: 20th August 2020).

20. Pavlov, V.A. (2007) *Konfessional'naya politika rossiyskogo pravitel'stva k inostrannym poddannym v XVII v.* [Confessional policy of the Russian government towards foreign nationals in the 17th century]. [Online] Available from: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2007/962-konfessionalnaya-politika> (Accessed: 12th August 2020).

21. Glagoleva, O.E. (1987) Библиотека А. Т. Болотова [The Library of A.T. Bolotov]. In: Zaytseva, A.A. (ed.) *Kniga v Rossii, XVI – seredina XIX v. Knigorasprostranenie, biblioteki, chitatei'* [Books in Russia, the 16th – mid-19th centuries. Book distribution, libraries, readers]. Leningrad: The Library of the Academy of Sciences of the USSR. pp. 78–95.

22. SUDOC. (n.d.) *Svodnyy katalog nauchnykh bibliotek frantsuzskikh vysshikh uchebnykh zavedeniy SUDOC* [A consolidated catalog of scientific libraries of French higher education institutions SUDOC]. [Online] Available from: <http://www.sudoc.fr/> 165015829; <http://www.sudoc.fr/191461296> (Accessed: 12th May 2019).

Сведения об авторе:

Пирогова Е.П. – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, истории и правового обеспечения Российского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: epirogova@yandex.ru

Information about the author:

Pirogova E.P. – Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: epirogova@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 09.10.2020;
одобрена после рецензирования 09.10.2020; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 09.10.2020;
approved after reviewing 09.10.2020; accepted for publication 14.03.2022*

Научная статья
УДК 271.2-1:783.6+27-285+2-256:783.2
doi: 10.17223/23062061/28/5

ВОПРОС О БОГОСЛУЖЕБНОМ ПЕНИИ В ФЕДОСЕЕВСКОМ СБОРНИКЕ «ОТЕЧЕСКИЕ ЗАВЕЩАНИЯ». СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Анна Антоновна Михеева

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, aniotamiheeva@gmail.com*

Аннотация. Впервые исследуется глава «О церковном пении» из сборника староверов-федосеевцев «Отеческие завещания». Проводится текстологический анализ, исследуются имеющиеся в тексте ссылки, оценивается место памятника в полемике о церковном пении во второй половине XVIII – начале XIX в. Делается вывод, что сочинение дает представление о распространенности демественного пения, об аспектах богослужебно-певческой традиции, вызывавших споры у беспоповцев, и о том, какое литургическое пение считалось каноничным в московской Преображенской общине федосеевцев.

Ключевые слова: церковное пение, знаменное пение, демественное пение, старообрядчество, беспоповцы, федосеевцы, Преображенское кладбище

Благодарности: Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.

Для цитирования: Михеева А.А. Вопрос о богослужебном пении в федосеевском сборнике «Отеческие завещания». Статья первая // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 75–91. doi: 10.17223/23062061/28/5

Original article

ON CHURCH SINGING IN THE FEDOSEEVTSY COLLECTION PATERNAL TESTAMENTS. ARTICLE I

Anna A. Mikheeva

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russian Federation, aniotamiheeva@gmail.com

Abstract. For the first time, the article examines the chapter “On Church Singing” from *Paternal Testaments*, the collection of Fedoseevtsy Old Believers, which was compiled in their ideological center, Moscow Preobrazhenskoe Cemetery, to approve the rules that determined the life of Fedoseevtsy communities in the 19th century. As for church singing, the choir of the Moscow Fedoseevtsy Preobrazhenskaya community was considered exemplary among the Bespopovtsy [Priestless Old Believers] at the beginning of the 19th century. The chapter “On Church Singing” was included in the collection as a result of the appeal of regional communities to Moscow mentors for

clarifications regarding liturgical practice, which makes it possible to find out what issues in this area disturbed the Old Believers. The essay was included in the final version of *Paternal Testaments* as one of the additional 15 chapters selected for inclusion in the book between 1805 and 1809. The chapter's author is unknown, as well as the exact date of its creation: its writing can be confidently attributed to the second half of the 18th century. In the collection, "On Church Singing" follows at number 49 and is divided into 15 articles. Justifying the canonicity (or non-canonicity) of a particular tradition, about which, apparently, the question was asked, the author of the essay refers to a decent list of sources (ancient, Old Believer and New Believer) quoting some of them. This article examines all of these references. According to the text of the document, the teachers of the Preobrazhenskaya community approved the Old Znamenny Chant, including Stolpovoy, Demestvenny and Three Line chants, as canonical. As it appears, the Three Line singing appeared in this list only as a quote from the *Stepennaya Kniga* [Book of Generations], it was hardly practiced in reality. Such a widespread kind of hook singing as the Putevoy chant is not mentioned in the essay. This is possibly due to the fact that it did not raise questions, in contrast to, as it appears, the less common Demestvenny chant, to which the author of the chapter "On Church Singing" pays special attention. The texts of the chants were admitted strictly in the *razdelnorechnaya* edition (half of the chapter is dedicated to this question since there are a number of polemical writings and resolutions of Old Believer councils about it). As it appears, regional communities were troubled by some Greek elements in liturgical chant. The author of the chapter proves the canonicity of these elements' use – *anenaiki* (special additional syllables), prayers in Greek and Svyatogorski (Athos) edition of the Theotokos hymn "It is Truly Meet". This is the range of questions that the regional communities addressed to the Preobrazhenskoye Cemetery, and what was enshrined as a canon.

Keywords: church singing, Znamenny chant, Demestvenny chant, Old Believers, Bespopovtsy, Fedoseevtsy, Preobrazhenskoe Cemetery

Acknowledgments: the article was prepared within the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education, Project No. FEUZ-2020-0056.

For citation: Mikheeva, A.A. (2022) Liturgical singing question in fedoseevtsy collection "Paternal testaments". Article I. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 75–91. doi: 10.17223/23062061/28/5

Принципиальное значение для изучения истории старообрядческого федосеевского согласия имеет такой документ, как «Отечские заветания». Этот памятник представляет собой сборник, составленный в начале XIX в. начетчиками идеологического центра согласия, московского Преображенского кладбища, как «авторитетный кодекс уставных сочинений и постановлений, определявших жизнь федосеевских общин на протяжении всего XIX в.» [1. С. 17]. Памятник уже привлекал внимание исследователей [1, 2], однако до сих пор никто не рассматривал главу «О церковном пении» из этого документа. Решение о том, какие тексты включать в сборник, далось составителям не сразу [1. С. 161]. Тем более показательно наличие в нем главы, посвященной церковно-певческой традиции.

Этот вопрос предстает насущным для староверов того времени: он был внесен в документ в результате обращения региональных общин к преображенским наставникам за разъяснениями [1. С. 162, 166].

Стоит подчеркнуть, что хор московской Преображенской общины федосеевцев считался одним из лучших у беспоповцев в конце XVIII – начале XIX в. Дореволюционный исследователь старообрядчества Н.И. Попов писал: «В то время певчих во всей старообрядческой среде в России имело только Преображенское кладбище. Были, правда, певцы и в Выговском монастыре, на Керженце, в Стародубе и Москве при филипповской часовне, но в особенности славились певчие у Преображенцев» [3. С. 8 (второй счет)]. Это не значит, что в других старообрядческих общинах богослужебного пения не было. Вероятно, Попов имел в виду пение по крюкам в противовес простым гласовым¹ напевам речитативного склада, передающимся изустно, которыми пользовались все старообрядцы. Видимо, на этом фоне и выделялся Преображенский хор, задавая тон в искусстве литургического пения не только для федосеевцев, но и для других беспоповских общин того времени.

Тот же Н.И. Попов отметил, что Антип Андреев – наставник Монинской моленной беспоповцев-брачников, конкурировавшей с Преображенским кладбищем, – в начале XIX в. организовал свой хор так, чтобы быть не хуже конкурентов, но на этих конкурентов равнявшийся. В том числе по образу именно Преображенского в хоре Антипы Андреева культивировалось наонное пение² [Там же. С. 8–12 (второй счет)].

В то же время грамотные певчие с Преображенского кладбища приглашались учителями в региональные общины. Например, московские федосеевцы отправили к одноверцам в стародубские скиты под Злынкой в качестве учителя Феодора Григорьева, «которой, – как сообщает написанный в Преображенском документ „История кратчайшая пения праворечного“, адресованный все тому же Антипу Андрееву, – и завел у них первоначально во обители пение хомовое, по всему сходственное содержанию в Москве на Преображенском кладбище» [4. Л. 5].

¹ Осмогласие – система организации исполнения литургических песнопений в течение богослужебного года, при которой большая доля певческого материала оформлялась в соответствии с одним из восьми канонических гласов. Глас – мелодическая модель для пропевания песнопений того или иного литургического жанра, складывающаяся из стандартного набора мелодических строк. Строки представляют собой подвижную формулу, варьирующуюся в зависимости от положения ударений и количества слогов в строке текста.

² Наонное, или хомовое, пение – литургическое пение по текстам, в которых присутствует хомония (раздельноречие) – фонетическая редакция текстов богослужебных песнопений, при которой древнерусские полугласные Ъ и Ы были заменены на О и Е. В результате вместо «седо-хомъ» поется «седо-хомо», «апостольский» – «апостолеский» и т.д. Унаследована из певческой традиции беспоповцев.

Среди староверов велись ожесточенные споры, идущие с дораскольных времен, о том, каким должно быть церковное пение. Несмотря на то, что беспоповцы приняли определенную традицию, сомнения по поводу отдельных вопросов продолжали обсуждаться в их среде. Известны, в частности, сочинения против хомонии федосеевца Гавриила Артамонова «О хомовом пении» (1750 г.) [5], поморца-брачника Ивана Алексея Стародубского «О песнях и пениях церковных» (1760-е гг.) [6]. Н.И. Попов в красках описал конфликт между сторонниками и противниками наонного пения (последних возглавлял автор еще одного подобного сочинения – «О словах пения церковного» (1830-е гг.) Андреян Сергеев [7]) при наставнике Антипе Андрееве, приведший к расколу Монинской моленной [3. С. 8–13 (второй счет)].

Попыткой окончательно утвердить определенный канон среди федосеевцев и стало включение главы «О церковном пении» в «Отеческие заветания». Она дает представление как о самом образцовом литургическом пении, принятом в московской Преображенской общине, так и о вопросах церковно-певческой практики, которые волновали региональные общины. О том, что рассматриваемое сочинение было написано как ответ на чьи-то вопросы, свидетельствует подача текста, изобилующего обращениями «вниди», «вонми» к некоему «честному совопроснику». В заключении автор замечает, что ответил на все «подозрения» адресата и остальное оставляет на его рассуждение [8].

К сожалению, автограф сочинения «О церковном пении» неизвестен, как и имя автора. То, что дошло до нас в составе протографа «Отеческих заветаний», вряд ли можно назвать авторским оригиналом. Об этом свидетельствуют некоторые неточности в тексте, исправленные в других списках. Например, в статье 3 (текст сочинения делится на «статьи») в подлиннике «Отеческих заветаний» переписчик указал: «...чрез выше помятуя греки благополучно привниде» [Там же. Л. 311]. Во всех списках более грамотно исправлено на «вышепомянутыя» либо «вышепомянутые» [9–13]. Кроме того, текст главы «О церковном пении» в подлиннике сборника переписан двумя руками.

Отсутствует и оригинал протографа «Отеческих заветаний». От него сохранилась фотокопия, сделанная для В.Г. Дружинина и хранящаяся в его собрании в Библиотеке Академии наук (подлинник в рукописном собрании Владимирской духовной семинарии в ходе революции и последующих атеистических кампаний был утрачен [1. С. 117]). В этом документе в начале главы стоит дата 16 сентября 1778 г., а в конце: «Лета 1755 года» [8]. Может быть, что в 1778 г. сочинение было переписано в какой-то сборник, откуда попало в «Отеческие заветания», а может быть,

что последняя или ряд последних статей были написаны отдельно еще в 1755 г., а затем включены в текст «О церковном пении» в 1778 г. (по смыслу выделяется блок статей 11–15). Глава «О церковном пении» была включена после состоявшегося в 1805 г. ее обсуждения в числе 15 дополнительных глав, в которых разъяснялись спорные вопросы, не нашедшие должного объяснения в предшествующих частях (но не позднее 1809 г., когда был принят новый вариант с дополнительными главами) [1. С. 177–180]. Вероятно, во второй половине XVIII в. текст был написан как самостоятельное сочинение, а затем уже по необходимости разрешения споров о богослужебно-певческой практике был отобран для включения в «Отеческие заветования» между 1805 и 1809 гг.

Глава «О церковном пении» в сборнике следует под номером 49 и делится на 15 статей. Обосновывая каноничность (или неканоничность) той или иной традиции, по поводу которой, видимо, был задан вопрос, автор сочинения в своих ответах ссылается на приличный список источников (древних, старообрядческих и новообрядческих), цитируя некоторые из них.

Первые три статьи обращены к истории церковного пения в России. В них обосновывается древность богослужебной практики, отстаиваемой Преображенской общиной. Автору сочинения важно подчеркнуть, что эта практика восходит к началу православия на Руси. Здесь он цитирует Кормчую книгу¹, повествующую о том, как князь Владимир «с цари греческими мир укрепив, взят от греков учителей веры, Михаила митрополита, епископы, презвитеры, иноки, книги и певцы, весь чин церковный, и тако с богобоязным и благочестивым воинством и с добытием спасенным возвратися к Киеву» [14. Л. 9 об.] (в тексте главы «О церковном пении» цитата практически дословная [8. Л. 309 об.]). Здесь же цитируется известный пассаж из Степенной книги² «Богогласное пение от грек...» (6 глава во 2-й степени) о пришествии на Русь трех греческих певцов и распространении от них церковного пения [15. С. 224]. Это известие не раз подвергалось сомнению и критиковалось историками русского церковного пения (например: [16. С. 206–208]), автором же рассматриваемого сочинения принимается как аксиома и свидетельство древности богослужебно-певческой традиции, к которой он себя причисляет.

Любопытно, что в главе «О церковном пении» цитата из Степенной книги переписывается вместе с упоминанием «тристрочного сладкого

¹ Кормчая книга – сборник, основную часть которого составляют переведенные с греческого правила вселенских и поместных соборов, апостолов и Отцов Церкви.

² Степенная книга – памятник русской книжности XVI в., повествующий об отечественной истории с древности до начала правления Иоанна IV Грозного.

гласования»¹, которое не было унаследовано певческой традицией старообрядцев. Более того, руководствуясь сообщением из Степенной книги, автор и далее по инерции повторяет о древности «старознаменного, сиречь столпового² и тристрочного» пения. Сам автор о тристрочном пении ничего не говорит или упоминает его только вместе со столповым знаменным роспевом, видимо, как одно целое. Судя по всему, троестрочие не исполнялось на Преображенском кладбище, а закралось в текст как часть цитаты.

В этой же цитате упоминается и «самое прекрасное демественное пение»³, которое вошло в старообрядческий обиход, но, видимо, у кого-то вызывало вопросы и требовало обоснования употребления, так как далее автор отдельно подчеркивает его древность словами: «...песнопение, не тоию старознаменное, сиречь столповое и тристрочное, богоугодно и достоверно есть <...> но и демественное» [8. Л. 310 об.]. Сам факт того, что кто-то во второй половине XVIII в. сомневался в каноничности демественного пения, довольно любопытен. Получается, что до ряда региональных старообрядческих общин оно, видимо, не дошло, вероятно, по двум причинам. Во-первых, демественное пение, возникшее в последней четверти XV в. наряду с путевым роспевом⁴ и новой редакцией знаменного пения⁵, проигрывало им из-за ограниченности репертуара [17. С. 367], не укладываясь в систему осмогласия, и, следовательно, было менее распространено. Во-вторых, в отличие от тех же роспевов-конкурентов в интонационном плане оно было непривычным и сложным,

¹ Строчное пение – развившийся в XVI в. вид церковного многоголосия, основу которого, как правило, составляли три голоса (отсюда «троестрочное пение», «троестрочие»), но могли быть два или четыре. Оно следовало закономерностям главного вида древнерусского церковного пения – знаменного: основной голос вел знаменную мелодию, а остальные образовывали подголоски. Голоса расходились, образуя случайные созвучия, в том числе диссонансные. Консонанты (стабильные звучания) обыкновенно основывались на квартовых созвучиях (с расстоянием в четыре ступени гаммы).

² Столповое пение – то же, что знаменное, в основе которого лежит осмогласие. Каждую неделю в церковном календаре господствует один глас. Восеминедельный цикл, во время которого пропеваются все гласы, называется столпом (откуда название термина).

³ Демественный роспев – в древнерусском церковно-певческом искусстве один из роспевов мелизматического стиля (когда на один слог приходится более четырех звуков) для оформления торжественных песнопений. Наряду с ним существовало демественное многоголосие, похожее на строчное пение. Его основу составлял голос, называвшийся «демество», который имел отличную от знаменной мелодию.

⁴ Путевой роспев – в древнерусском церковно-певческом искусстве один из роспевов мелизматического стиля для оформления торжественных песнопений, происходящих от знаменного пения.

⁵ Речь идет о совокупности относящихся к последней трети XV – первой половине XVI в. новшеств в знаменном пении, включая раздельноречие, изменения в нотации (системе записи мелодий), в составе певческих книг.

так как не основывалось на знаменной мелодике и требовало от исполнителей профессионализма. Возможно, путаницу и недоумение у некоторых староверов вызывало также существование демественного многоголосия. Из источника непонятно, почему «честный совопросник» сомневался в приемлемости демественного пения, но очевиден сам факт этих сомнений.

Оправдывая каноничность употребления демественного пения, автор ссылается на другой источник – некую книгу Максима Грека, как удалось установить, сочинение «Об освящении воды на утро Богоявления». По сообщению Максима Грека, именно демественным роспевом во время чина освящения богоявленской воды исполнялось «Достойно есть» в афонских обителях, откуда прибыл в Московию сам преподобный [18. С. 79–80]. Возникает вопрос: какова связь между пением в греческих афонских монастырях в начале XV в., когда там подвизался Максим Грек, и демественным роспевом Русской православной церкви? Как минимум потребность адаптировать роспев при переводе с греческого говорит о том, что вряд ли на Руси пели точно так же, один и тот же роспев, как на Афоне.

Применяя славянский термин «демественный роспев» к описанию исполнения «Достойно есть» афонскими монахами, Максим Грек, видимо, имел в виду некое родство, как минимум стилевое, этого исполнения с тем, что он услышал, приехав в Москву. Исследователь И.Е. Лозовая отмечает, что демественным пением называли стиль, скорее всего, оформившийся под влиянием византийского калофонического пения. Последнее принято считать апогеем греческого церковно-певческого искусства. И калофоническое, и демественное пение относятся к мелизматическому стилю (сложному, витиеватому, распетому) и используются для торжественных песнопений. И.Е. Лозовая заключает: «Демество и калофонический мелос точно совпадают и в терминологическом, и в литургическом, и в музыкально-историческом аспектах» [19. С. 70]. Скорее всего, Максим Грек использовал термин «демественный роспев» для калофонического пения на Афоне, отталкиваясь от этого сходства. Так или иначе, слова преподобного Максима, связь демественного пения с греческим, со святыми афонскими обителями, используются автором рассматриваемого сочинения для обоснования использования демественного роспева в литургической практике.

В статье 4 оправдывается использование хомовых книг: делаются ссылки на раздельноречные древнерусские рукописи, хранящиеся в авторитетных монастырских центрах от Свято-Троицкой Сергиевой лавры до Соловецкой обители. Показательно, что указываются конкретные книги,

даже цитируются записи оттуда (например, из «старознаменного Ирмолы»¹, хранящегося в обители Александра Свирского [8. Л. 312–312 об.]). Так каноничность раздельноречия подтверждается авторитетом целого ряда святых насельников перечисленных обителей, например, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Александра Свирского и других, хотя некоторые из них (тот же Кирилл Белозерский) жили до установления раздельноречной редакции (впрочем, это не отменяет наличия хомовых книг в его обители).

В этой же статье делается ссылка на Алфавитную Синтагму², где в составе 5-м 35-й главы «О благочинии молитв» (в рассматриваемом сочинении автор ссылается на 36-ю главу, но цитирует 35-ю) Матфей Властарь подчеркивает, что необходимо «употреблять простое и невычурное псалмопение» [20]. Ссылаясь на него, автор сочинения «О церковном пении» использует авторитет византийского канониста в защиту культивировавшегося в московской Преображенской общине наонного пения, о котором тот не мог ничего знать.

В статье 5 автор ссылается на «Ирмолы старой игумена Филиппа Колычева», подчеркивая, что он во всем соответствует тому, что «мы последний уже лет 70 поем» [8. Л. 313]. В сочинении подчеркивается авторитет этой книги: именно на нее сделана ссылка в 16-м ответе Поморских ответов³, где речь идет о том, как правильно петь «Аллилуия». В Поморских ответах действительно есть ссылка на рукопись святителя: «Преосвященного митрополита Филиппа московскаго в келейной его певчей книзе знаменной, писанной во время игуменства его <...> по псалме „Блажен муж“ наряду „Аллилуия, аллилуия, слава Тебе, Боже“ трижды» [21. Л. 111]. Так, правильность певческой традиции федосеевцев Преображенского кладбища подтверждается авторитетом святителя Филиппа.

В статье 6-й, начатой одним и продолженной другим почерком, обращается внимание, что «старознаменным и троестрочным, но и демественным пением» в древних рукописях изложены тропари и кондаки⁴ «за боголюбивое их княжеское и царское величество поемые»

¹ Ирмологий – богослужебная певческая книга, в которой собраны ирмосы – первые строфы песен канона. Канон – сложный гимнографический жанр, состоящий из песен, каждая из которых делится на строфы. Ирмос является образцом для исполнения последующих строф, а также предвещает смысловое содержание всей песни.

² Алфавитная Синтагма – словарь по церковному праву, составленный греческим иеромонахом (в прошлом юристом) Матфеем Властарем в 1335 г.

³ Поморские ответы – полемико-догматическое сочинение 1723 г., составленное книжниками идеологического центра беспоповщины, Выговского общежития, в ответ на вопросы синодального миссионера иеромонаха Неофита.

⁴ Тропари и кондаки – краткие песнопения, посвященные различным церковным праздникам, поминовению святых.

[8. Л. 313 об.]. Подчеркивается, что не только в монастырях, но и при царском дворе звучали именно эти роспевы.

В 7-й статье говорится, что такое пение слышали и удостоили похвалами восточные патриархи, рукополагавшие в Москве первых патриархов Русской православной церкви Иова и Филарета. Тут вновь делается ссылка на Кормчую, где рассказывается об этих событиях. Автор главы «О церковном пении» подчеркивает, что восточные патриархи высоко и почтительно отзывались о Русской православной церкви. Действительно, в Кормчей есть их лестные высказывания. Например, приводятся слова константинопольского патриарха Иеремии, который очень восхвалял «великое русийское царство <...> во всю вселенную совершенным благочестием сияющую» [14. Л. 15]. Логика автора сочинения «О церковном пении» такова: раз восточные патриархи похвалили Русскую церковь, то им понравилось все, включая пение, а община московского Преображенского кладбища продолжает ту самую традицию, восхваленную вселенскими патриархами.

В следующей статье со ссылкой на древние обиходники¹ подтверждается использование в богослужебной практике песнопений на греческом языке: Трисвятого («Агиос Офеос...»), «Господи, помилуй» («Кирие, елейсон») и др. Подчеркивается, что в древней Руси не только отдельные песнопения исполнялись по-гречески, но в целом левый хор пел на греческом языке. В подтверждение делается ссылка на Житие Бориса и Глеба. Упоминание о пении на греческом действительно встречается в описании посмертного чуда освобождения узников, совершенного святыми князьями. Оно приводится, к примеру, в Степенной книге. В степени 1, где повествуется о Борисе и Глебе, есть глава «О здании церкви и о свобождении темничник». В ней один из героев, слепец, восклицает, призывая молиться по-гречески: «Зовите: Кириелейсон» [15. С. 211]. Видимо, использование непонятных греческих слов в богослужении вызывало вопросы у любознательных староверов в XVIII в. и требовало объяснений и отсылок к древнерусской практике.

В статье 9-й также со ссылками на древние рукописи и Устав великий² упрочивается традиция включения аненаек³ в пространные роспевы,

¹ Обиход – певческий сборник, основу которого составляют песнопения, которые наиболее часто поются на литургии и всенощном бдении. Зачастую также включает великопостные, пасхальные песнопения и различные богослужебные чины (панихиды, молебнов и т.д.). Обиходы у беспоповцев часто называются обиходниками, так как в них отсутствуют песнопения, сопровождающие литургические действия, которые может совершать только священник.

² Устав – церковная книга, регламентирующая проведение богослужений, а также содержащая предписания дисциплинарного характера (правила поста и т.п.).

³ Аненайки – добавочные слоги в сложных мелизматических богослужебных песнопениях.

что, очевидно, не всеми воспринималось и вызывало сомнения. Доказывается происхождение этого обычая из Византии, так как в греческих песнопениях также используются дополнительные слоги. Здесь автор, что интересно, цитирует Пращицу духовную¹, показывая, что даже оппоненты старообрядчества отмечали древность и каноничность употребления аена. Цитата приводится дословная: «Понеже у греков в пении издревле и иная суть приложения сицевая: ананес, темтерере и прочая. Но не новое у них тако, но издревле от творцев пение то употребися» [22. Л. 306].

В следующей статье оправдывается исполнение богородичного песнопения «Достойно есть» «святогорским переводом»² (т.е. афонским), так как он был принесен из Ватопедского монастыря, изложен столповым знаменем самим преподобным Нилом Сорским и исполнялся в обители Кирилла Белозерского. Видимо, этот напев также кого-то смутил и потребовал разъяснений. Здесь, правда, автор не делает ссылок на конкретные рукописи, отсылая читателя к «приснопоминаемым ирмолиям» и «обиходникам древним певчим». В заключении этой статьи автор подводит итог о том, что вообще старознаменное пение не противоречит, но «союзно», «согласно» и «содружно» старогреческому [8. Л. 315–315 об.]. Эта мысль завершает ряд статей, касающихся вопросов о греческих элементах в русском православном богослужебном пении.

Главные разногласия касались предпочтения раздельноречной или новоистинноречной³ редакции песнопений. В последних статьях 11–15 автор вновь возвращается к этому вопросу, для чего предпринимает экскурс в историю происхождения наречного пения. При этом он ссылается как на старообрядческие книги, так и на новообрядческие. Из первых упоминаются Ирмологий митрополита Афония (а также его негативные слова о своем преемнике на новгородской кафедре, будущем патриархе Никоне) и Ирмологий старообрядческого священномученика епископа коломенского Павла, который, как пишется, «случися и нам руками недостойными осязати» [8. Л. 317]. Из последних делается ссылка на две книги.

Во-первых, автор ссылается на «Извещение о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и Всея России» Ивана Корнильевича Шушерина, бывшего при Никоне иподиаконом.

¹ Пращица духовная – апологетический трактат Нижегородского архиепископа Питирима против старообрядчества, впервые изданный в 1721 г.

² Перевод – в древнерусской богослужебно-певческой традиции версия, редакция роспева, которая может иметь название места ее происхождения: тихвинский, соловецкий и другие переводы.

³ Новоистинноречие (праворечие) – редакция текстов богослужебных песнопений, при которой упразднялась хомония, что привело к исправлению роспевов. Унаследована в певческой традиции беглопоповцев. Наречное пение – пение по литургическим текстам этой редакции.

Причем он приписывает это житие первому епископу холмогорскому Афанасию (Любимову), но практически дословно цитирует Шушерина: «Нача он, Великий Государь, о единогласном наречном пении в церквах промышленне творити. Ему же в том богоспасаемом деле велий поборник и помощник бысть Преосвященный Никон митрополит, а Святейший Иосиф Патриарх Московский за обыкновенность тому доброму делу прекословие творяше, и никакоже хотя оное древнее благочиние на благочиние пременить» [23].

Во-вторых, делается ссылка на соборный свиток при Служебнике¹ 1667 г., в котором утверждались отрицаемые старообрядцами новшества, принятые на Большом Московском соборе 1666–1667 гг. В их числе наряду с троеперстием и другим речь шла о церковном пении, принятии наречной редакции. Основной посыл рассматриваемых статей заключается в том, что наречное пение вошло в употребление именно при патриархе Никоне. Подчеркивается, что, когда он, будучи новгородским митрополитом, ратовал за исправление богослужебных текстов «на речь», патриарх Иосиф запретил это нововведение.

Самая пространная во всем памятнике – 15 статья. Она продолжает и завершает рассуждения статей 11–14. Со ссылкой на рукописный Краткий Ирмологий в подробностях излагаются попытки перейти на новоистинноречие. Цитата из Ирмология, помещенная в общий контекст памятника, звучит иронично. Отмечается, что первая комиссия справщиков от 1652 г. прекратила работу из-за войны и мора (имеются в виду боевые действия с Польшей и чума 1654 г.), и до 1656 г. «малоискуснии мастера» в разных монастырях, городах и селах начали самостийно исправлять песнопения «на речь», из-за чего «во всех градах и селех велие учинися разгласие». Только после этого горького опыта патриарх Никон собрал «мастеров, ведущих знаменное пение» [8. Л. 319 об.].

Точно сказать, какой конкретно рукописный Ирмологий цитирует автор главы «О церковном пении», невозможно. Кроме того, есть некая путаница в датировке книги: очевидно, в рукописи 1652 г. не могло содержаться сведений о событиях 1653–1656 гг. и далее. Однако сама цитата известна: она взята из предисловия к знаменитому «Извещению о согласнейших пометах во кратце изложенных (со изящным намерением) требующим учиться пения» участника книжной sprawy середины XVII в. Александра Мезенца. Цитата приводится с купюрами, инверсиями, местами в виде пересказа (что позволяет автору главы «О церковном пении» расставлять акценты по-своему), но во многом практически дословно.

¹ Служебник – богослужебная книга, предназначенная для священника и диакона.

В предисловии к «Извещению...» говорится:

«...во преходящее время лета 7160 (1652. – А.М.) о церковном знаменном пении предел учинити, еже бы всякое пение было во истинноречном пении везде во градах, и честных обителех, и селех устроено <...>. И в тое время <...> в царствующем величем граде Москве даскалов¹ собрано к тому знаменному устроению <...> 14 человек. И от того времени учинишася от иностранных окрестных царств рати и брани <...>. Еще в те же времена грех де ради наших прииде и моровое поветрие. Того ради и сие Божие и святые Его Божия Церкви дело, праворечное знаменное правление, пресечется. По тех же временех, от 163 и 164 (1655 и 1656. – А.М.) и низайши тех лет, начаша царствующаго града Москвы во всех градах и в монастырех и в селех знаменнаго пения малоискуснии мастера койждо всяк от себе исправляти на правую речь пение. И во едино согласие не приидоша, ово же и грубии и зело малоискуснии на сие великое дело дерзнуша. И от того их дерзновения везде, во всех градах и селех, учинилося велие разгласие, что и во единой церкви не токмо трием или многим, но и двема пети стало согласно невозможно <...>. И повелеша <...> преосвященному Павлу митрополиту Сарскому и Подонскому паки мастеров собрати, добре ведущих знаменное пение и знающих того знамени лица их и розводы², и попевки³ Московскаго, что Христианинов⁴, и усолских⁵, и иных мастеров в попевках переводы имянуются <...>. И тии <...> изправиша знаменнаго пения по истинноречию сия Ирмосы, кроме согласных литерных помет, старославенороссийским обыкновением знаменем» [24. С. 117–118].

При сравнении предисловия с цитатой в главе «Отечских заветаний» очевидны отличия в оттенках смыслов. Особенно яркий пример содержит окончание цитаты: «...повелением патриарха Никона собрав мастеров, ведущих знаменное пение, и крестьянинов и усельских старых

¹ От слова «дидакал» (учитель).

² Знаменный роспев излагался специальной крюковой знаменной нотацией. Расшифровка более сложных крюковых формул (таких как лица) более простыми крюками называется розводом.

³ Попевка – устойчивая музыкальная формула, характерная для определенного гласа знаменного роспева. Имеет постоянное графическое выражение в крюках.

⁴ Федор Крестьянин (Христианин) (вторая половина 1530-х – около 1607 г.) – распевщик, ученик новгородца Саввы Рогова, глава московской школы знаменного пения, автор собственных переводов, служивший при дворе Иоанна IV Грозного. С его именем связывается развитие большого роспева – мелизматической версии знаменного роспева. Существуют также «большие» варианты демественного и путевого роспевов.

⁵ Усольская (строгановская) школа знаменного пения во второй половине XVI–XVII вв. считалась одной из ведущих и противопоставлялась московской. Ее основателем считается ученик Саввы Рогова Стефан Голыш. В рамках этой школы творили и другие знаменитые распевщики – Иван Лукошов, Фаддей Субботин.

мастеров в попевках в переводы исправиша якобы по истиноречию словенороссииским обыкновением» [8. Л. 319 об.–320]. Если в тексте предисловия подчеркивается, что справщики знали множество различных переводов знаменного роспева, то в сокращенной цитате – что они исправили переводы старых мастеров (а в предисловии говорится об исправлении Ирмосов). Кроме того, по тексту предисловия возобновить деятельность комиссии митрополиту Павлу поручили царь Алексей Михайлович и патриарх Иоасаф [24. С. 118], тогда как цитата в главе «О церковном пении» повествует, что все это происходило при ненавистном старообрядцам патриархе Никоне. Как удалось установить Н.П. Парфентьеву, работа второй комиссии справщиков (после перерыва из-за войны и чумы) началась в январе 1669 г. [Там же. С. 407], т.е. при патриархе Иоасафе, сменившем Никона. Несоответствия есть и в упомянутых в главе «О церковном пении» датах: дата начала работы первой комиссии отнесена к Краткому Ирмологию, а время деятельности разрозненных «малоискусных мастеров» охватывает 1652–1656, а не 1655–1656 гг.

Судя по всему, предисловие к «Извещению...» было изначально помещено в певческий Ирмологий – первый труд комиссии справщиков. Во всяком случае, в тексте предисловия без изменений оставлен пассаж про «сия Ирмосы». Таких Ирмологиев по окончании работы редакторов, как отмечает Н.П. Парфентьев, оказалось два – более полный и сокращенный [Там же. С. 409]. Видимо, из этого-то изначального сокращенного Ирмология либо из его списка и была взята цитата в сочинении «О церковном пении». Однако автор интересующей нас главы допустил некоторые иносказания и ошибки (вряд ли в тексте Ирмология, еще более раннем, чем текст в «Извещении...», сообщались ошибочные сведения о работе комиссий по справе певческих книг).

В этой же последней статье автор сочинения «О церковном пении» ссылается на Скрижаль патриарха Никона, изданную в 1655–1656 гг. Эта книга представляет собой сборник полемических произведений греческой и древнерусской литературы, которые объясняли и утверждали нововведения, такие как троеперстное крестное знамение, исключение слова «истинного» из части о Духе Святом в Символе веры и т.д. В Скрижали ничего не говорится о переходе на новоистинноречие, но автор исследуемой нами главы проводит параллель: наречное пение было принято одновременно с прочими нововведениями Никона, который, объединившись с восточными патриархами, проклял приверженцев старого обряда.

Автор ссылается на конкретные листы Скрижали, однако не на всех указанных им листах удалось найти цитаты, которые он, видимо, подразумевал. Упомянутый им патриарх александрийский Паисий, участво-

вавший в реформировании Русской православной церкви, и дата 7161 г. (1653) действительно нашлись на л. 3–4 заключительного «Слова отвечающего к читателям книги сея» патриарха Никона, где рассказывается об исправлении книг и троеперстии. В этой же завершающей сборник части пишется о проклятии староверам теми самыми вселенскими архипастырями, которых перечисляет автор сочинения «О церковном пении»:

«Настоящего сего лета 7164го (1656. – А.М.) и к <...> Божия града Антиохии патриарху Макарию, и сербския земли града Пекксса патриарху Гавриилу, и никейска града митрополиту Григорию, и молдавскому и сучавскому митрополиту Гедиону также вопросителне писах послав <...> како подобает имети о кресте, коими персты изображати и на лице нашем. Они же все без закоснения под клятвою подписавше сие: аще кто не первыми трема великими персты десныя руки изобразует на лице своем образ креста, да будет проклят» [25. С. 1678–1679].

Все рассуждения в статьях 11–15 и ссылки подтверждали одну мысль: наречное пение признавалось никоновским, а следовательно, противным «древлеправославию» нововведением.

В сумме наставниками Преображенской общины утверждалось в качестве канонического «старознаменное пение», включая, как пишется в документе, столповое, демественное и троестрочное. Судя по всему, троестрочие попало в этот список только в качестве цитаты из Степенной книги, в реальности же вряд ли практиковалось. Не упоминается в сочинении такой распространенный род крюкового пения, как путевой распев. Это, возможно, связано с тем, что он не вызывал в региональных общинах вопросов, в отличие от, судя по всему, менее распространенного демественного. Тексты песнопений признавались строго в раздельноречной редакции. Принималось исполнение аненаек, молитвословий на греческом языке и святогорского (афонского) перевода «Достойно есть». Вот круг вопросов, с которыми обращались региональные общины на Преображенское кладбище, и что было закреплено в качестве канона.

Список источников

1. Никаноров И.Н. Федосеевское согласие в XVIII–XIX веках: оформление традиции: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 335 с.
2. Мальцев А.И. К истории создания федосеевского сборника постоянного состава «Отечские завещания» // Старообрядчество: история, культура, современность : сб. ст. М., 2005. Т. II. С. 134–141.
3. Попов Н. Материалы для истории безпоповщинских согласий в Москве, федосеевцев Преображенского кладбища и поморской монинского согласия. М., 1870. 174 с.
4. Яковлев М. История кратчайшая пения праворечного, издавна в старообрядчестве употребляемого. М., 1832 // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 178.1. № 9729. 8 л.

5 Казанцева Т.Г. Послание Гавриила Артамонова «О хомовом пении»: к вопросу о редакциях гимнографического текста в старообрядческих певческих рукописях // Сибирь на перекрестье мировых религий : материалы 3-й межрегион. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2006. С. 176–183.

6. Казанцева Т.Г. Апология наречного пения Ивана Алексеева // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации : сб. ст. Новосибирск, 2007. С. 90–118.

7. Казанцева Т.Г. «О словах пения церковного»: полемическое сочинение Андреяна Сергеева // Общественное сознание и литература России: источники и исследования: сб. ст. Новосибирск, 2008. С. 284–309.

8. О церковном пении // Отеческие завещания : ОР БАН. Ф. 19. № 701. Л. 309 об.–321.

9. О церковном пении // Отеческие завещания : ОР РГБ. Ф. 344. № 211. Л. 252 об.–262 об.

10. О церковном пении // Отеческие завещания : ОР РГБ. Ф. 98. № 1048. Л. 364–379.

11. О церковном пении // Отеческие завещания : ОР РГБ. Ф. 98. № 1049. Л. 346–364.

12. О церковном пении // Отеческие завещания : ОР РГБ. Ф. 98. № 1067. Л. 346–360.

13. О церковном пении // Отеческие завещания : ОР РГБ. Ф. 98. № 1951. Л. 393 об.–410 об.

14. Кормчая. М. : тип. Преображенского кладбища, 1914 // ЛАИ УрФУ. Кировское собрание. XVII.224п/3389. 754 л.

15. Киприан и Макарий, митрополиты. Книга степенная царского родословия. Ч. 1. М., 1775. 580 с.

16. Гарднер И.А. Богослужбное пение Русской Православной Церкви. М., 2004. Т. I. 498 с.

17. Богомолова М.В. Демественное пение // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 14. С. 367–370.

18. Максим Грек. Об освящении воды на утро Богоявления // Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 3. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1911. С. 77–80.

19. Лозовая И.Е. Византийские прототипы древнерусской певческой терминологии // Келдышевский сборник: муз.-ист. чт. памяти Ю.В. Келдыша. М., 1999. С. 62–72.

20. Матфей Властарь. Алфавитная Синтагма. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Matfej_Vlastar/Alfavitnaia_Sintagma/5_35 (дата обращения: 11.04.2020).

21. Поморские ответы. Конец XVIII в. // ЛАИ УрФУ. Кировское собрание. XVII.114р/4613. 417 л.

22. Питирим, епископ. Пращица духовная. СПб., 1721 // ЛАИ УрФУ. Кировское собрание. XVII.141п/3124. 455 л.

23. Иоанн Шушерин, иподиакон. Житие святейшего патриарха Никона. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/zhitie-svjatejshego-patriarha-nikona/#sel= (дата обращения: 15.04.2020).

24. Александр Мезенец и прочие. Извещение... желающим учиться пению (1670 г.) / сост.: Н.П. Парфентьев, З.М. Гусейнова. Челябинск, 1996. 584 с.

25. Скрижаль. М. : Печатный двор, 1655–1656. URL: <https://www.prilib.ru/item/714833> (дата обращения: 20.04.2020).

References

1. Nikanorov, I.N. (2017) *Fedoseevskoe soglasie v XVIII–XIX vekakh: oformlenie traditsii* [The Fedoseevtsy movement in the 18th–19th centuries: the design of a tradition]. History Cand. Diss. Novosibirsk.

2. Maltsev, A.I. (2005) K istorii sozdaniya fedoseevskogo sbornika postoyannogo sostava "Otecheskie zaveshchaniya" [On the creation of the Fedoseevtsy permanent collection "Father's Wills"]. In: Osipov, V.I. (ed.) *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: History, Culture, Modernity]. Vol. 2. Moscow: Museum of Old Believers' History and Culture. pp. 134–141.

3. Popov, N. (1870) *Materialy dlya istorii bezpopovshchinskikh soglasiy v Moskve, fedoseevitsev Preobrazhenskago kladbishcha i pomorskoj moninskago soglasiya* [Materials for the history of the non-priestly consent in Moscow, the Fedoseevtsy of the Preobrazhensky cemetery and the Pomeranian Moninsky consent]. Moscow: Katkov i Ko.

4. Yakovlev, M. (1832) *Istoriya kratchayshaya peniya pravorechnogo, izdavna v staroobryadchestve upotrebyaemogo* [The brief history of "pravorechnoe" (following speech) singing, which has long been used in the Old Believers]. Moscow: [s.n.]. The Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 178.1. № 9729. 8 l.

5. Kazantseva, T.G. (2006) Poslanie Gavriila Artamonova "O khomovom penii": k voprosu o redaktsiyakh gimnograficheskogo teksta v staroobryadcheskikh pevcheskikh rukopisyakh [The Epistle of Gavriil Artamonov "On Khomovoe Singing": on the issue of editions of the hymnographic text in the Old Believer singing manuscripts]. *Sibir' na perekrest'e mirovykh religiy* [Siberia at the crossroads of world religions]. Proc. of the Third International Conference. Novosibirsk. pp. 176–183.

6. Kazantseva, T.G. (2007) Apologiya narechnogo peniya Ivana Alekseeva [Apologia for the "narechnoe" singing of Ivan Alekseev]. In: Romodanovskaya, E.K. (ed.) *Pamyatniki otechestvennoy knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [Monuments of Russian Books: New Texts, New Interpretations]. Novosibirsk. pp. 90–118.

7. Kazantseva, T.G. (2008) "O slovakh peniya tserkovnago": polemicheskoe sochinenie Andreyana Sergeeva ["About the words of church singing": a polemical essay by Andrey Sergeev]. In: Pokrovsky, N.N. (ed.) *Obshchestvennoe soznanie i literatura Rossii: istochniki i issledovaniya* [Public consciousness and literature of Russia: sources and research]. Novosibirsk: [s.n.]. pp. 284–309.

8. *Otecheskie zaveshchaniya*. (n.d.) O tserkovnom penii [On church singing]. The Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Fund 19. № 701. p. 309 ob.–321.

9. *Otecheskie zaveshchaniya*. (n.d.) O tserkovnom penii [On church singing]. The Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Fund 344. № 211. p. 252 ob.–262 ob.

10. *Otecheskie zaveshchaniya*. (n.d.) O tserkovnom penii [On church singing]. The Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Fund 98. № 1048. pp. 364–379.

11. *Otecheskie zaveshchaniya*. (n.d.) O tserkovnom penii [On church singing]. The Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Fund 98. № 1049. pp. 346–364.

12. *Otecheskie zaveshchaniya*. (n.d.) O tserkovnom penii [On church singing]. The Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Fund 98. № 1067. pp. 346–360.

13. *Otecheskie zaveshchaniya*. (n.d.) O tserkovnom penii [On church singing]. The Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Fund 98. № 1951. pp. 393 ob.–410 ob.

14. Kormchaya, M. (1914) *LAI UrFU. Kirovskoe sobranie* [LAI UrFU. The Kirov Collection]. XVII.224p/3389. 754 l.

15. Cyprian and Macarius. (1775) *Kniga stepennaya tsarskogo rodosloviya* [The Book of Royal Genealogy]. Moscow: Imperatorskiy universitet.

16. Gardner, I.A. (2004) *Bogosluzhebnoe penie Russkoy Tserkvi* [Liturgical singing of the Russian Church]. Vol. I. Moscow: Pravoslavnyy svyato-tikhonovskiy bogoslovskiy institut.

17. Bogomolova, M.V. (2006) Demestvennoe penie [“Demestvennoe” (home) singing]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 14. Moscow: [s.n.], pp. 367–370.
18. Maximus the Greek. (1911) *Sochineniya prepodobnogo Maksima Greka v russkom perevode* [Works of St. Maximus the Greek in Russian translation]. Vol. 3. Holy Trinity Sergius Lavra Typography. pp. 77–80.
19. Lozovaya, I.E. (1999) Vizantiyskie prototipy drevnerusskoy pevcheskoy terminologii [Byzantine prototypes of ancient Russian singing terminology]. In: Zverva, S.G. (ed.) *Keldyshevskiy sbornik* [The Keldyshev Collection]. Moscow: State Institute of Art History. pp. 62–72.
20. Matthew Blastares. (n.d.) *Alfavitnaya Sintagma* [The Alphabetical Syntagma]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Matfej_Vlastar/Alfavitnaia_Sintagma/5_35 (Accessed: 11th April 2020).
21. LAI UrFU. (n.d.) *Pomorskie otvety. Konets XVIII v.* [The Pomorsky answers. The late 18th century]. Kirovskoe sobranie [The Kirov Collection]. XVII.114p/4613. 417 l.
22. Pitirim, Bishop. (1721) *Prashchitsa dukhovnaya* [The spiritual sling]. St. Petersburg: The Synod. LAI UrFU. Kirovskoe sobranie [The Kirov Collection]. XVII.141p/3124. 455 l.
23. Shusherin, I. (n.d.) *Zhitie svyateyshego patriarkha Nikona* [Life of His Holiness Patriarch Nikon]. [Online] Available from: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/zhitie-svjateyshego-patriarka-nikona/#sel= (Accessed: 15th April 2020).
24. Mezenets, A. et al. (1996) *Izveshchenie... zhelayushchim uchit'sya peniyu (1670 g.)* [Notice ... to those wishing to learn singing (1670)]. Chelyabinsk: Kniga.
25. Anon. (1655–1656) *Skrizhal'* [The Tablet]. Moscow: Pechatnyy dvor. [Online] Available from: <https://www.prilib.ru/item/714833> (Accessed: 20th April 2020).

Сведения об авторе:

Михеева А.А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия). E-mail: aniutamiheeva@gmail.com

Information about the author:

Mikheeva A.A. – Ural Federal University (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: aniutamiheeva@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 22.09.2020;
одобрена после рецензирования 10.12.2020; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 22.09.2020;
approved after reviewing 10.12.2020; accepted for publication 14.03.2022*

Научная статья

УДК: 655.5

doi: 10.17223/23062061/28/6

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РЕКЛАМЫ АРМЯНСКОЙ КНИГИ В ТИФЛИСЕ (1801–1865 гг.)

Тарон Рудольфович Даниелян

Ванадзорский государственный университет, Ванадзор, Армения, t5plus@yandex.ru

Аннотация. Формирование рекламы армянской книги в Тифлисе во многом идентично развитию книжной рекламы в разных губерниях Российской империи, но она имела некоторые особенности, обусловленные отсутствием армянской государственности в течение многих веков, вследствие чего приобретала более социальный характер и была нацелена на сугубо этническое культурное пространство, на которое воздействовали также мультикультурная среда Тифлиса и политика верховной власти Российской империи.

Ключевые слова: Аветик Энфиачян, Российская империя, Картли-Кахетинское царство, Кавказское наместничество, рекламный листок, цензура

Для цитирования: Даниелян Т.Р. Особенности развития рекламы армянской книги в Тифлисе (1801–1865 гг.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 92–109. doi: 10.17223/23062061/28/6

Original article

ARMENIAN BOOK ADVERTISING: PECULIARITIES OF DEVELOPMENT IN TIFLIS (1801–1865)

Taron R. Danielyan

Vanadzor State University, Vanadzor, Republic of Armenia, t5plus@yandex.ru

Abstract. The factors that influenced the development of Armenian advertising of books are examined in the article. Using the comparative historical and grouping methods, the author shows that the formation of Armenian book advertising in Tiflis was mainly similar to the development of book advertising in other provinces of the Russian Empire, but it had some peculiarities that were primarily due to the absence of Armenian statehood for many centuries. The decentralized Armenian publishing and bookselling structures were scattered, but their various components were integrated in the same system and influenced the formation of advertising communication, which made Armenian book advertising in Tiflis acquired more social in essence. The advertising was aimed at a purely ethnic cultural space, which was also influenced by the multicultural environment of Tiflis and the policy of the supreme power of the Russian Empire and its representation in the Caucasus in relation to the peoples of the region. The main emphasis of Armenian book advertising was placed on the educational and enlightenment functions of the book with the aim of integrating the divided people

into one cultural communication space. Thus, advertising materialized and established the spiritual needs of the people. The Armenian book market formed very slowly, which was due to the illiteracy of the population's majority, the difficulty of Old Armenian in which most of the books were published, the slow formation of Eastern Armenian literary language from various dialects, the fiction's slow pace of development, the lack of good-quality translations of European literature, and the high cost of books. In the first half of the 19th century, the system of book advertising in Tiflis was institutionalised, which was due to the formation of publishing and bookselling markets as well as the types and ways of communication. The publishing sponsorship and the buying of books became a type of book advertising, and book advertising itself became a means of personal advertisement that aimed to popularize the personality and social status of the patron. The tradition of patronage contributed to sales of books because charitable investments were compensated with awards or by raising the social status of sponsors: the book was not only an item for advertising but also a means to advertise various individuals. If, until the 19th century, the patronage of the publication and distribution of Armenian manuscripts or books was based on a personal motive, and patriotism was expressed in the monumental preservation of the name of the book sponsor or orderer in the historical memory of the people, in the 19th century, under the tsarist regime, sponsorship had more pragmatic goals.

Keywords: Avetik Enfiayjan, Russian Empire, Kingdom of Kartli-Kakheti, Caucasus Viceroyalty, catalog, leaflet, periodicals, censorship

For citation: Danielyan, T.R. (2022) The peculiarities of the development advertising of armenian book in Tiflis (1801–1865). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 92–109. doi: 10.17223/23062061/28/

Реклама книги в Российской империи была объектом исследования разных ученых. В их работах анализировались история развития книжной рекламы, жанровые особенности и виды, внутренние и внешние формы, стилистические и языковые особенности рекламирования книг (В.В. Ученова, А.М. Чеботарев, А.Г. Лешуков, А.А. Миронова, Е.Ю. Гордеева, Д.М. Передний).

Для нашего исследования особый интерес представляют работы, посвященные изучению развития книжной рекламы в разных губерниях Российской империи, так как «локальный подход помогает более тщательно подойти к подбору и анализу источников, дает надежную их интерпретацию» [1. С. 110].

Эволюция рекламной деятельности в губерниях является следствием развития типографской сферы, которая стимулировала рост книжной торговли: реклама стала необходимым средством распространения и реализации издательской продукции [2. С. 91]. Анализ формирования книготорговли и сети библиотек в российских губерниях в первой половине XIX в. позволяет выявить формы нестационарной книжной торговли: мелкорозничная частная продажа книг наряду с предметами бытового назначения, ярмарочная торговля, промысел офеней [3. С. 119]. Отмеча-

ется также, что источниками распространения книг в большинстве случаев были местные купцы, которые имели личные библиотеки [4. С. 68]. Фактически на данном этапе реклама книг в основном осуществлялась посредством межличностных контактов.

Развитие книжной рекламы было обусловлено также уровнем образовательной системы [5. С. 114], наличием научно-литературного творческого потенциала [6. С. 95–96] и деятельностью редакций газет и журналов [7. С. 40], издававшихся на территории конкретной области.

Из истории развития книжной рекламы видно, что она может быть коммерческой де-юре, но социальной де-факто – по роду своего воздействия и по тем социальным проблемам, которые она затрагивает [8. С. 115].

Несмотря на то что тенденции формирования книжной рекламы в разных губерниях Российской империи во многом идентичны и разница выражается лишь в хронологических рамках данного процесса, тем не менее реклама армянских книг в Тифлисе имеет некоторые особенности развития, что было обусловлено следующими факторами: 1) армянская книгоиздательская деятельность зародилась и развивалась не на территории исторических областей Армении, а в разных городах Европы и Азии вплоть до конца 1771 г., когда при Эчмиадзинском монастыре открылась местная типография; 2) армянская культура в условиях отсутствия государственности в основном развивалась под влиянием разных доминирующих культур, что стало причиной гетерогенности развития армянской издательской деятельности. В этом отношении особое место занимали Венеция, где в 1512 г. зародилось армянское книгопечатание, столица Османской империи Константинополь и столица грузинского царства Тифлис, который с 1801 г. стал центром Кавказского края, а с 1846 г. – Кавказского наместничества Российской империи. Именно многонациональный Тифлис был главным очагом восточноармянской культуры.

К XIX в. в Тифлисе была сформирована такая коммуникационная система создания, обработки и распространения информации, которая, будучи во многом схожей с аналогичными системами зарубежных стран, все же развивалась медленно и нестабильно, что было связано с внутренними и внешними политическими процессами. Издательская сфера напрямую испытала прямое воздействие этих процессов, но в то же время сама влияла на метаморфизм политической, социальной и культурной жизни Грузии.

До основания первой тифлисской типографии картлийским царем Вахтангом VI в 1708 г. в Грузии в наличии были лишь рукописи и книги, которые печатались в разных странах. Исследователи истории грузинской

книги отмечают, что рукописные книги, несмотря на высокую цену, были очень востребованы. Их покупали для царского двора, церковных и семейных библиотек. Очень часто книги приобретали на зарубежных рынках, освобождая их из своеобразного «плена» и возвращая на родину [9. С. 195]:

Картли-Кахетинский царь Ираклий II наряду с экономическими реформами большое внимание уделял образовательной сфере и изданию качественных книг [10. С. 58]. Благодаря его масштабным реформам в 1782 г. в Тифлисе возродилась первая грузинская типография при непосредственном участии приглашенного из Константинополя опытного специалиста в области книгоиздания Погоса Арабяна (Ованнисяна) [11. С. 118], который принял деятельное участие и в развитии типографии армянской духовной столицы – Эчмиадзина [12. С. 304].

Ираклий II также поддерживал армянское книгоиздание. Один из печатных станков, созданных П. Арабяном, он подарил армянскому католику Гукасу Карнеци для эчмиадзинской типографии [13. С. 496].

Благодаря типографским новшествам грузинское издательское дело перешло на рыночные отношения, не только укрепив свою роль в обществе, но и открыв большие возможности для конкуренции с грузинскими издателями в России [14. С. 312]. Несмотря на то, что в грузинской типографии публиковались книги светского содержания, основная книжная продукция, которая находилась под особым надзором царя, католикова и церковного совета, служила главным образом духовенству, что предопределило ее классовую ограниченность [Там же. С. 315]. Заказчики и потребители издательской продукции были в основном представителями одного сословия, которому и были адресованы эти книги. Относительно большую аудиторию имели церковно-приходские и халфайские школы. Рекламные уведомления выполняли прежде всего информационно-пропагандистскую, а не коммерческую функцию.

Такое развитие библиографической рекламы было характерно и для армянской среды Тифлиса, где большинство населения составляли армяне. Однако, если распространение грузинских книг осуществлялось на государственном уровне, а реализация книжной продукции и использование рекламных методов преследовали политические цели, то армянская книга не имела государственного патронажа и в ее распространении большую роль играли духовенство и материально более обеспеченный класс армянского общества – купечество [15. С. 69]. Купцы не только продавали печатную продукцию и создавали типографии, но и спонсировали издание книг на армянском языке в типографиях разных стран [16. С. 4].

Армянские учебники и духовные книги были наилучшим средством для возрождения утраченной идентичности, пробуждения национального самосознания [17. С. 120] и объединения вокруг этой идеи армян, живущих в разных странах. Отметим, что во второй половине XVIII в. армянское население считало Грузию «возможной и желаемой союзницей и опорой в борьбе за освобождение Армении, всякими способами содействовало усилению экономической и политической мощи Грузии» [18. С. 229].

В 1795 г. после нашествия Ага Мохамед-Хана единственная типография Тифлиса была разрушена и сожжена, в результате чего издательская сфера, как и все другие области, пришла в упадок. Лишь спустя десять лет начинается новый период развития издательского дела, но уже в другой политической ситуации.

Фактически в конце XVIII в. книги стали объектом развивающейся торговли. Именно в это время формируются виды и формы книжной рекламы, которая на начальном этапе была неразрывно связана с издательским продуктом. Рекламный процесс в основном не был опосредованным, не имел букинистического характера [19. С. 33] и выражался на уровне межличностного и межгруппового общения. До начала XIX в. в Тифлисе уже был накоплен некоторый опыт рекламной коммуникации в издательской и книготорговой сферах, модификация которых происходит под воздействием новых факторов.

Цель нашей статьи – выявить особенности развития армянской книжной рекламы в Тифлисе с 1801 по 1865 г.; задача исследования – определить те факторы, которые воздействовали на развитие рекламы армянской книги.

Для раскрытия темы мы использовали сравнительно-исторический метод и метод группировки.

Новизна темы заключается в том, что впервые исследуется реклама армянской книги в системе рекламной коммуникации Российской империи. Изучение темы дает возможность найти исторические корни генезиса рекламы армянской книги, которая до сих пор не рассмотрена учеными-арменистами, чем и определяется ее актуальность.

Хронология нашего исследования включает временные рамки с 1801 по 1865 г. Начало изучаемого этапа – дата включения Картли-Кахетинского царства в состав Российской империи, когда полностью изменилась информационно-коммуникационная система кавказского края, а окончание – принятие в 1865 г. новых цензурных правил в Российской империи, когда вследствие либерализации в издательской отрасли наместились большие перемены.

Политические и экономические реформы, проводимые Россией на Кавказе, были противоречивыми. С одной стороны, ужесточился контроль за инакомыслием и средствами его распространения, с другой – велась работа по организации образовательного и просветительского дела в Кавказском крае. Культурные реформы преследовали в большинстве случаев политические цели, что в некоторых кругах создавало противоречивые настроения, и основывались на пропаганде, успех которой в основном зависел от средств и каналов коммуникации.

Рассмотрим те факторы, сыгравшие значительную роль в развитии книжной рекламы Тифлиса, в частности рекламы армянской книги, которая как средство коммуникации, наряду с другими видами торговой и социальной рекламы, формировала жизненные установки, поведение и мировоззрение различных слоев общества [20. С. 66].

Книгоиздательство в Тифлисе. С 1805 до конца 1820 г. учрежденные в Тифлисе разные типографии имели кратковременную жизнь, что было обусловлено политическими и экономическими факторами. Российское правительство было заинтересовано в поисках решений для развития издательской деятельности в Тифлисе ради своих политических интересов. В учрежденных военно-походных типографиях, в издательствах образовательных учреждений в разные годы печатались объявления, информационные листки и постановления местных властей, а также учебники, методические пособия, словари и газеты. Объявления о выходе и продаже этих изданий имели социально-прагматические и политические цели.

Несмотря на то что в XIX в. в Тифлисе большинство населения составляли армяне, в начале столетия в типографиях губернского ведомства в основном использовались русские и грузинские шрифты, а также фарси. Кавказская администрация ссылалась на лояльность армянского населения к российскому правительству и на их знание грузинского и татарского языков [21. С. 213].

Армянское книгоиздание, как и раньше, ориентировалось на духовенство и поддержку частных предпринимателей. Выпуск учебных книг на армянском языке в Тифлисе долгое время не финансировался из государственной казны: их изданием и распространением в основном занимались сами армяне.

В 1823 г. при Нерсисянской духовной школе открывается первая армянская типография Тифлиса. Именно от продукции школьной типографии, а также арендованных подвалов и магазинов (караван-сараев) поступали доходы Нерсисянской школы [22. С. 29–30]. До 1830 г.

Нерсисянская школа выпустила 30 различных изданий общим тиражом около 18 000 экземпляров [23. С. 51].

В 1838 г. в Тифлисе открылась вторая армянская типография. Она была учреждена усилиями братьев Арзаяннов (Арзанцевых), один из которых был педагогом тифлисской гимназии. Акоп и Давид Арзаяны основали типографию, потому что в гимназии был дефицит армянских книг [24]. В типографии издавались также книги на русском, латинском, грузинском, татарском языках для учеников тифлисской гимназии. Типография Арзаяннов тоже имела непродолжительную жизнь. В 1842 г. вновь открывается Нерсисянская типография, и в последующие годы число типографий, учрежденных армянами, постепенно увеличивается.

Деятельность частных армянских типографий стимулировала распространение издательской продукции и была рычагом для развития библиографической рекламы. Естественно, издатели были заинтересованы в дополнительных заработках и использовали возможные варианты для увеличения продажи книг. Но этого было трудно достичь, так как книжный рынок формировался очень медленно, что было обусловлено несколькими взаимосвязанными причинами: неграмотностью большей части населения, труднодоступностью древнеармянского языка, на котором издавалась значительная часть книжной продукции, медленным формированием восточноармянского литературного языка из разнодиалектных единиц, сдержанными темпами становления художественной литературы, дефицитом качественных переводов европейской литературы и высокой стоимостью книг.

Книготорговля в Тифлисе. Согласно заметкам датского лингвиста Расмуса Раска, в 1820 г. в Тифлисе книгами торговали лишь двое армян. Один из них наряду со свечами продавал только Новый Завет на грузинском, турецком, современном греческом и армянском языках; другой – вместе с русскими книгами продавал различные фарфоровые изделия. Книг на европейских языках в продаже не было [25. Р. 174].

В первой половине XIX в. в Тифлисе продажа книг не была специализированной сферой торговли, поскольку не было соответствующего спроса. Продажей книг занимались не только купцы, но и люди разных профессий. Например, парикмахер Пельте, который рекламировал свою парикмахерскую в различных номерах газеты «Кавказ», иногда помещал также объявления о продаже книг в парикмахерской (Тифлис. 1846. № 37).

В 1830-х гг. библиотеки превращаются в центры книготорговой коммуникации, где особо важным становится привлечение внимания покупателей к товару. Именно библиотеки становятся специализированными

магазинами книжной торговли, где концентрируется также рекламная деятельность по продаже книг. Так, например, в 1830 г. в газете «Тифлиские ведомости» печатается объявление Екатерины Котовой, которая сообщает, что открывает библиотеку, где, помимо чтения, можно купить также и книги (Тифлис, 1830, № 50). Интересен и тот факт, что кавказская администрация долгое время не могла открыть в Тифлисе общественную библиотеку, так как никто из жителей не изъявлял желания отдать внаем дом под публичную библиотеку и не соглашался уступать без платы по соревнованию к просвещению, распространяемому правительством во благо Кавказского края [26. С. 23].

Первый опыт профессиональной книжной торговли также начинается с Нерсисянской школы, основанной архиепископом Нерсесом – благодаря его деятельности новое поколение стало изучать родной язык и общаться на нем.

Продукция типографии была представлена в школьной библиотеке, которая в то же время являлась книжным магазином и складом бумаги, привезенной из России: здесь покупали книги и бумагу не только тифлисцы, но и жители других городов Закавказья, так как других армянских книжных магазинов не было [22. С. 29–30].

Надо отметить, что дискретность профессионального развития была присуща и армянской книготорговой сфере. Армянский издатель и предприниматель Аветик Энфиачян в своей автобиографии пишет, что в магазине его отца, открытом в 1834 г., наряду с различными товарами продавались также учебники для образовательных учреждений и молитвенники. Однако после смерти отца в 1838 г. все предметы, кроме книг, были проданы: в Тифлисе, можно сказать, не осталось никого, кто понимал бы содержание армянских книг – почти все говорили на грузинском [27]. До 1840-х гг. большинство армян Тифлиса даже в армянской церкви исповедовались на грузинском [28. С. 41].

Отметим, что грузинские и иноязычные книги пользовались большой популярностью среди интеллигенции, проживающей в Грузии [29. С. 32–33]. Традиции семейных библиотек, берущие начало с давних времен, получили свое новое социально-философское содержание уже в первой половине XIX в. Наличие книг не было обусловлено лишь любовью к чтению. Семейные библиотеки были способом самопрезентации, престижа и показа определенного образа жизни. Фактически книга из объекта рекламы превращалась в предмет демонстрации с индексальной функцией репутации и авторитета.

После смерти отца А. Энфиачян вынужденно покидает Нерсисянскую школу и продолжает торговать книгами, покупателями которых бы-

ли в основном ученики Нерсисянской школы и армяне из других городов и сел. По воскресеньям продажу книг осуществляли на ярмарках. С годами тифлисские армяне привыкли к чтению на армянском языке и стали покупать книги в магазине Энфиачянов [27].

Следует отметить, что уже в 40-е гг. XIX столетия растет спрос на книжные издания. В 1845 г. братья Энфиачяны открыли специализированный книжный магазин, в 1850 г. организовали при нем читальню, где были представлены армянские книги и учебники, напечатанные в разных странах, а также осуществляли подписку на все армянские газеты и журналы, которые выходили во многих городах мира. Продукция магазина Энфиачянов пополнялась новыми книгами из Константинополя, отправкой которых занимался дядя основателей магазина; книги на продажу выставляли также наследники умерших владельцев печатных изданий.

Букинистическая форма книжной торговли создала благоприятную почву для регулярного товарообмена. Ученики школ и студенты семинарии не только покупали книги, но и занимались их распространением и рекламой. Книжную торговлю поощрял также наместник Кавказа М. Воронцов, который покупал как русские, так и армянские издания. Именно благодаря его ходатайству в 1855 г. А. Энфиачян назначается комиссионером по продаже книг, а магазин получает право размещения на рекламной доске магазина государственного герба с двуглавым орлом [30].

К 1860-м гг. в Тифлисе книжные магазины стали узкой профессиональной сферой предпринимательской деятельности, а работа книжного магазина и типографии Энфиачянов способствовала развитию армянской библиографической рекламы, которая, преодолев межличностный и групповой уровни, стала средством массовой коммуникации. Для этого Энфиачяны использовали также периодическую прессу и сами предприняли издание газеты и журналов, где особое место занимали объявления о продаже книг и публикация книжных каталогов.

Каналы коммуникации. На развитие издательского дела и книжной рекламы влияли также каналы коммуникации.

В начале XX в. почтовые службы были в плохом состоянии. Процесс реформирования этой сферы проходил медленно из-за внутренних организационных вопросов и плохой дорожно-транспортной коммуникации [31]. Стабильность деятельности почтовой службы была прямо пропорциональна распространенности и эффективности рекламного сообщения. Цена почтовых услуг тоже была довольно высокой, из-за чего для транспортировки или выплат за покупку книги издатели и авторы обращались к частным перевозчикам, родственникам, друзьям или знакомым [32. С. 300]. Фактически они становились основными носителями информации о книжном товаре.

На книгоиздательский рынок и книжную рекламу довольно существенное влияние оказало развитие образовательной сферы Кавказского края. Но процесс образовательных реформ являлся довольно сложным, причиной чего были неоднородное народонаселение края, социальная стратификация, культурные традиции и разные политические устремления «туземных» народов. В 1835 г. ситуация в регионе стабилизируется, а роль классического образования резко возрастает. На данном этапе российская администрация начинает централизацию системы народного образования [33. Р. 366].

Учебные заведения становятся каналами коммуникации, так как информация о книжных новинках появляется именно здесь. Благодаря их деятельности увеличилось число читателей, а социальный адрес книги расширился. Объектом рекламы становятся в основном учебники, методические и этнографические книги, которые постепенно забирают пальму первенства у религиозных сочинений.

Одним из ключевых каналов коммуникации были также цензурные органы, так как доступность и ограничения рекламной информации напрямую зависели от них. Именно цензоры решали вопросы издания, рекламирования и распространения книги. Первоначально на Кавказе не было специального цензурного органа, что задерживало развитие книгоиздательской сферы, в результате чего многие проекты остались лишь на бумаге. До учреждения Кавказского цензурного комитета в 1848 г. книги в Тифлисе печатались под ответственность издателей, впоследствии – под ответственность ведомства Главноуправляющего Грузии и Кавказскими областями.

Огромный массив армянских книг, газет и журналов привозился из-за границы, но многие иностранные издания не доходили до читателей, так как иностранная цензура или не успевала просматривать их все, или они долгое время лежали на полках [34], или просто отсеивала книги по политическим соображениям. Литературные и научные издания, которые выписывались из-за границы не через подписку в почтамтах, а через особых комиссионеров, также проходили иностранную цензуру [35].

Эти факторы, с одной стороны, сдерживали развитие книжной рекламы, с другой – определенно гарантировали возможность доступа читателя к книге. Сведения об одобрении книги цензурой обеспечивала правовую информацию о ее законности.

Виды коммуникации. Самым надежным и применяемым на практике средством продвижения книги долгое время оставались виды межличностной и межгрупповой коммуникации, адресатами и адресантами которых являлись писатели, издатели, книготорговцы, агенты и их окружение: коммуникация была устной, письменной и печатной.

Устные формы распространения рекламы оставались преобладали до начала 1870-х гг. Впоследствии основным местом для этого вида рекламы были книжные ярмарки.

Письменная коммуникация основывалась на переписке, которая несла не только рекламную информацию, но и была средством заключения коммерческого соглашения или сделки между авторами и агентами, владельцами книжных магазинов, подписчиками книг, редакциями периодических изданий. Она более 100 лет была основным видом межличностного и межгруппового общения.

Массовость книжным объявлениям обеспечили печатные виды рекламы, которые из года в год получали распространение и позволяли эффективно донести информацию о книгах до целевой аудитории. Это были:

1) рекламные листки, которые являлись оперативными средствами распространения информации о том или ином издательском продукте. Как правило, такие листовки включали в себя объявления о новых газетах, журналах или книгах, которые в качестве приложений к периодическим изданиям отправлялись читателям;

2) каталоги. В 1850 г. в Тифлисе в типографии Нерсисяновской духовной семинарии Аветик и Амбардзум Энфиачяны напечатали первый армянский книжный каталог и полный список армянской литературы, при помощи которого каждый мог получить представление о состоянии национальной литературы [36];

3) прайс-листы, получившие широкое распространение, как типы небольшого каталога. Заметим, что первый прайс-лист Энфиачяны опубликовали в 1847 г. в армянском журнале «Азгасер» («Патриот») в Калькутте (Калькутта. 1847. № 122), а затем в 1848 г. в издании «Айастан» («Армения») в Константинополе (Константинополь. 1848. № 29). Если в этих изданиях публикация прайс-листов имела рекламную функцию, так как Энфиачяны занимались книготорговлей во всем мире и имели большую сеть агентов [37. С. 143], то в Тифлисе издание каталогов и прайс-листов было необходимым требованием, поскольку по правилам цензуры книготорговцы должны были представить свои книги в цензурный комитет [38. С. 477]. Таким образом, каталоги служили гарантированным способом ознакомления публики с имеющимися книгами [391];

4) периодическая печать. Позже вышеназванные виды рекламы нашли свое прочное место в периодической печати, претерпев при этом различные трансформации и создав своеобразную жанровую систему книжной рекламы в прессе. Например, редакторы тифлисско-армянских газет и журналов проводили литературоцентристскую политику, печатая библиографические объявления бесплатно или по бартерному принципу,

обеспечивая таким образом продвижение армянских книг на издательском рынке. По мнению армянских редакторов, для армянской прессы главным было «не журналистская составляющая, а пропаганда чтения, распространение грамотности и образования» [40. С. 137]. Бесплатно в газетах печатались также каталоги и прайс-листы армянских книг.

Несмотря на то что в отличие от столичных изданий в частной периодике Тифлиса разрешалось печатать коммерческую рекламу товаров и услуг, тем не менее книжная реклама доминировала, было не только следствием социально-экономической отсталости края, но и фактором того, что объявления о продаже книг на местных языках воспринимались в качестве новостей, так как очень часто не различались по форме презентации [41. С. 217–218].

Книга как средство рекламы. Традиция патронажа способствовала реализации армянской книжной продукции, поскольку благотворительные вложения компенсировались или повышали социальный статус спонсоров, т.е. книга была не только объектом рекламы, но и средством рекламирования различных персон. Если до XIX в. в основе меценатства издания и распространения армянских рукописей и книг лежал личностный мотив, а патриотизм выражался в монументальном сохранении имени спонсора или заказчика книги в исторической памяти народа, то при царской власти спонсорство имело более прагматические цели.

В первые годы существования на Кавказе царская администрация не противилась, а наоборот, всячески поддерживала частные инициативы армян и поощряла многие благотворительные проекты. Так, например, награжденный золотой медалью графом Иваном Паскевичем-Эриванским тифлисский гражданин Габриел Шадинов в 1839 г. напечатал за свой счет 300 экземпляров армянской грамматики и большинство из них раздал ученикам, которые не могли купить книгу, за что был награжден чином 14-го класса [42].

Статус книги как в духовном, так и в практическом отношении повышался также в учебных заведениях, что отражалось и на социальном статусе обладателей книг. Неслучайно, благотворительность в учебных заведениях выражалась также в дарении и завещании книг. Например, в 1842 г. вдова французского профессора Сербье, который создал на французском языке «Армянскую грамматику» и напечатал изыскания из области армянских древностей, в знак благодарности местным властям за гостеприимство завещала тифлисской гимназии семейную библиотеку [43].

Филантропия, кроме государственной и внутринациональной поддержки рекламы и распространения издательской продукции, довольно

часто выражалась и в межкультурных коммуникациях в сфере образования и просвещения. Так, например, одним из дарителей Нерсисянской школы был грузинский князь Отар Амилахвари, которому в 1826 г. Нерсес Аштаракеци в качестве благодарности за оказанную помощь вручил золотые часы, его жене – большое зеркало, а благодарственное письмо князю в печатном виде было распространено с целью побуждения и в некоторой степени влияния на амбициозные чувства других не менее богатых уроженцев Кавказа [44. С. 26]. Отметим, что в 1819 г., когда вышла в свет первая грузинская газета «Сакартвелос гаети» («Грузинская газета»), в ее распространении активное участие приняли также армянские духовные лица во главе с архиепископом Нерсесом Аштаракеци, которого за старательное и преданное служение властям в 1819 г. император наградил орденом Святой Анны первой степени [45. С. 23–24].

Также отметим, что до 60-х гг. XIX столетия в газетах печатались имена и фамилии подписчиков периодики, что являлось немаловажным фактором для распространения библиографической рекламы и утверждения социального статуса читателей («Меху Айастани» («Пчела Армении»). Тифлис. 1858. № 52).

Таким образом, можно констатировать, что армянское книгоиздание было разрозненно, но его многообразные компоненты были интегрированы в одну и ту же систему, в которой рекламная информация имела не только коммерческие, но и социальные цели общенационального характера, ориентированные на внутриэтническое пространство.

Армянская книжная реклама Тифлиса формировалась путем синтеза общенационального культурного развития с локальным, в пространстве которого немалое место занимала административная составляющая с культуртрегерским акцентом.

Основной упор армянской книжной рекламы был сделан на образовательные и просветительские функции книги с целью интеграции разъединенного народа в одно культурное коммуникационное пространство. Таким образом, она материализовывала и устанавливала духовные потребности народа.

В первой половине XIX в. институализировалось система книжной рекламной деятельности Тифлиса, что было обусловлено формированием книгоиздательского и книготоргового рынков, а также видов и каналов коммуникации.

Спонсорство и покупка книг стали одним из видов книжной рекламы, а она сама явилась средством персональной рекламы, целью которой была популяризация личности и социального статуса мецената.

Список источников

1. Макарова Е.А. Литературно-издательская ситуация Томска рубежа XIX–XX вв. в контексте развития издательского дела в Сибири // Текст. Книга. Книгоиздание. 2016. № 2. С. 110–130.
2. Матвеева Г.В. Реклама миссионерской книги (историко-региональный аспект) // Новые смыслы, новые формы в рекламной индустрии и рекламном образовании : сб. материалов XVI Всерос. конф. зав. кафедрами рекламы, связей с общественностью и смежных специальностей. 2012. С. 91–97.
3. Воробьева Т.Л. Из истории развития книготорговли в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в. (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 2 (6). С. 118–131.
4. Макарова Е.А. Феномен частных библиотек г. Томска конца XIX – начала XX в. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 1. С. 67–79.
5. Каримова А.А. История развития книжной текстовой рекламы в отечественном издательском деле // Актуальные вопросы современной науки и образования : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 113–117.
6. Гриц Т., Тренин В., Никитин М. Словесность и коммерция (Книжная лавка А.Ф. Смирдина). М. : Аграф, 2001. 304 с.
7. Куприянова Т.Г. Предпринимательство в книжном деле: историография, история, тенденции развития. М. : МГУП им. И. Федорова, 2012. 368 с.
8. Берштадт А.Б. Пропаганда и реклама книги как часть социальной рекламы // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2008. № 5. С. 109–115.
9. Джанашиа Н., Мачавариани Е., Сургуладзе М. Грузинская рукописная книга // Культура народов Востока. М. : Наука, 1987. Кн. 1. С. 176–200.
10. Табидзе Н. История грузинской журналистики. Тбилиси : Универсал, 2012. Т. 1. 324 с. (на груз. яз.).
11. Адамян А. Договор грузинского царя Ираклия Второго и типографа Погоса Ованисяна // Вестник Матенадарана. 1956. Т. 3. С. 115–120 (на арм. языке).
12. Сборник исторических документов армянской истории. Тифлис : Электр. Тип., 1908. Кн. 8. 665 с. (на арм. языке).
13. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе : в 6 т. СПб. : Типография И.Н. Скороходова, 1886. Т. 4. 536 с.
14. Ватейшвили Д.Л. Грузия и европейские страны : в 3 т. Т. 3: Грузия и Россия, XVIII–XIX вв. М. : Наука, 2006. Кн. 3. 531 с.
15. Агаханян А.А. Попытка переоценки роли армянского купечества в развитии армянского книгопечатания // Вестник Ереванского университета. 2008. № 3 (126). С. 67–76 (на арм. языке).
16. Агаханян А.А. Роль купечества в армянском книгопечатании // Вестник Ереванского университета: Арменоведение. 2012. № 138.1. С. 3–13 (на арм. языке).
17. Енокян А. Иллюстрации изданий первой армянской типографии в России // Вестник Матенадарана. 2018. № 25. С. 101–122.
18. Чобанян П.А. Армяно-русско-грузинские отношения во второй половине 18 века. Св. Эчмиадзин: Первопрестольный Святой Эчмиадзин. 2005. 750 с.
19. Buhler Curt F. The fifteenth century book: the scribes, the printers, the decorators, Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 1960. URL: <https://ru.scribd.com/document/235520134/Buhler-Curt-The-Fifteenth-century-Book> (accessed: 3.03.2020) .
20. Хавторина Ю.В. Реклама как средство массовой коммуникации в России в конце 19 – начале 20 в. // Власть. 2011. № 7. С. 64–66.

21. Саядов С.М. «Тифлиские ведомости» об Армении и армянах // Историко-филологический журнал. 1983. № 2-3. С. 212–223.
22. Малхасянц С.С. Краткая история 75-летнего существования Нерсисянской духовной школы (1824–1899). Тифлис, 1900. 200 с. (на арм. языке).
23. Джанджугазян А. Ученическая пресса Нерсисянской школы // Колыбель армянской культуры (Ученики Нерсисянской школы о школе и об учителях) / сост. О.Н. Агулян и др. Ереван: Луйс, 1971. 326 с.
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 82. Д. 48. Л. 4–7.
25. Чекин Л. Расмус Раск в Грузии // Issues of linguistics – 2016. Tbilisi, 2017. P. 165–179.
26. Рапорт д. с. с. Завилейскому барону Розену, от 19 декабря 1831 года, № 10385 // Акты, собранные Кавказскою археографической комиссией. Тифлис: Типография Глав. Упр. Наместника Кавказского, 1881. Т. 8. 23 с.
27. Национальный архив Армении (НАА). Ф. 1351. Оп. 1. Д. 152. Л. 2.
28. Срвандзтянц Г. Город Тифлис // Сочинения. Ереван: АН Арм. ССР, 1982. Т. 2. 564 с. (на арм. языке).
29. Гургенидзе Н. Библиотечное дело в Грузии в XIX веке (По материалам грузинской периодики). А: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тбилиси, 1997. 37 с.
30. НАА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 152. Л. 3–3 об.
31. Гитин В.В. Тифлисская уника. URL: http://mirmarok.ru/prim/view_article/147/ (дата обращения: 10.07.2020).
32. Ахвердян Г. Письмо М. Эмину // Литературное наследие. Ереван: АН Арм. ССР, 1964. № 3 (на арм. языке).
33. Shevchenko N.A., Vidishcheva E.V., Emelyanova O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus // Bylye Gody. 2016. Vol. 40, is. 2. P. 363–372.
34. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2272. Л. 2 об.
35. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 2272. Л. 76.
36. Объявление. Каталог всех армянских книг, изданных в Венеции, Вене, Константинополе, Калькутте, Смирне, Москве. Тифлис, 1850 (на арм. языке).
37. Ишханян Р.А. Армянская книга 1512–1920. Ереван: АН Арм. ССР, 1981. 154 с. (на арм. языке)
38. Устав о цензуре // Полное собрание законов. Собр. 2. 1828. Т. 3, ч. 1, № 1979.
39. РГИА. Ф. 733. Оп. 118. Д. 336. Л. 2.
40. Даниелян Т.Р. Реклама книги в армянской периодической печати Тифлиса (1846–1865 гг.) // Вопросы арменоведения. 2019. № 1 (16). С. 130–137.
41. Даниелян Т.Р. Особенности библиографической рекламы в периодической печати Тифлиса (1819–1865 гг.) // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2019. № 3 (33). С. 202–218.
42. РГИА. Ф. 733. Оп. 82. Д. 67. Л. 1.
43. РГИА. Ф. 733. Оп. 82. Д. 96. Л. 1–2.
44. Сантросян М.А. История Нерсисянской школы. Ереван: Луйс, 1981. 224 с.
45. Табидзе Н.П. Первая грузинская газета. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1974. 104 с.

References

1. Makarova, E.A. (2016) Literature and publishing in Tomsk at the turn of the 20th century in the context of publishing industry development in Siberia. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2. pp. 110–130. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/11/7

2. Matveeva, G.V. (2012) Reklama missionerskoi knigi (istoriko-regional'nyi aspekt) [Advertising of a missionary book (a historical and regional aspect)]. *Novye smysly, novye formy v reklamnoi industrii i reklamnom obrazovanii* [New meanings, new forms in the advertising industry and advertising education]. Proc. of the Conference. pp. 91–97.
3. Vorobieva, T.L. (2014) From the history of development of book trade in Tomsk and Tomsk Province in late nineteenth – early twentieth century (part one). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 2(6). pp. 118–131. (In Russian).
4. Makarova, E.A. (2012) Private libraries phenomenon in Tomsk of late 19 – early 20 centuries. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 1. pp. 67–79. (In Russian).
5. Karimova, A.A. (2016) Istoriya razvitiya knizhnoi tekstovoi reklamy v otechestvennom izdatel'skom dele [The history of the development of book text advertising in the Russian publishing industry]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Topical Issues of Modern Science and Education]. Proc. of the Conference. pp. 113–117.
6. Grits, T., Trenin, V. & Nikitin, M. (2001) *Slovesnost' i kommersiya (Knizhnaya lavka A.F. Smirdina)* [Literature and Commerce (A.F. Smirdin's Bookstore)]. Moscow: Agraf.
7. Kupriyanova, T.G. (2012) *Predprinimatel'stvo v knizhnom dele: istoriografiya, istoriya, tendentsii razvitiya* [Entrepreneurship in Book Business: Historiography, History, Development Trends]. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.
8. Bershtadt, A.B. (2008) Propaganda i reklama knigi kak chast' sotsial'noy reklamy [Promotion and advertising of books as part of public service announcements]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatel'skogo dela*. 5. pp. 109–115.
9. Dzhnashia, N., Machavariani E. & Surguladze, M. (1987) Gruzinskaya rukopisnaya kniga [Georgian handwritten books]. In: Akimushkin, O.F. et al. (eds) *Rukopisnaya kniga v kul'ture narodov Vostoka. Ocherki*. [Handwritten books in the culture of the peoples of the East. Essays.]. Vol. 1. Moscow: Nauka. pp. 176–200.
10. Tabidze, N. (2012) *Istoriya gruzinskoy zhurnalistiki* [History of Georgian Journalism]. Vol. 1. Tbilisi: Universal.
11. Adamyan, A. (1956) Dogovor gruzinskogo tsarya Irakliya Vtorogo i tipografa Pogosa Ovannisnyana [Agreement between the Georgian king Erekle II and the printer Poghos Hovhannisyan]. *Vestnik Matenadarana – Bulletin of Matenadaran*. 3. pp. 115–120.
12. *Sbornik istoricheskikh dokumentov armyanskoy istorii* [Collection of Historical Documents of Armenian History]. (1908) Vol. 8. Tiflis: Elektr. Tip.
13. Dubrovin, N.F. (1886) *Istoriya voyny i vladychestva russkikh na Kavkaze* [History of War and Domination of Russians in the Caucasus]. Vol. 4. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov.
14. Vateyshvili, D.L. (2006) *Gruziya i evropeyskie strany* [Georgia and European countries]. Vol. 3. Moscow: Nauka.
15. Agakhanyan, A.A. (2008) Popytka pereotsenki roli armyanskogo kupechestva v razvitii armyanskogo knigopechataniya [An attempt to reassess the role of the Armenian merchants in the development of Armenian book printing]. *Vestnik Erevanskogo universiteta – Bulletin of Yerevan University*. 3. pp. 67–76.
16. Agakhanyan, A.A. (2012) Rol' kupechestva v armyanskom knigopechatanii [On the problem of the Role of Merchants in the Armenian Typography]. *Vestnik Erevanskogo universiteta – Bulletin of Yerevan University*. 138(1). pp. 3–13.
17. Enokyan, A. (2018) The History of Book Illustration in the First Armenian Printing House in Russia. *Vestnik Matenadarana – Bulletin of Matenadaran*. 25. pp. 101–122. (In Armenian).
18. Chobanyan, P.A. (2005) *Armyano-russko-gruzinskie otnosheniya vo vtoroy polovine 18 veka* [Armenian-Russian-Georgian Relations on the Second Half of the 18th Century]. St. Echmiadzin: The Mother See of Holy Etchmiadzin.

19. Buhler, C.F. (1960) *The Fifteenth Century Book: The Scribes, the Printers, the Decorators*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. [Online] Available from: <https://ru.scribd.com/document/235520134/Buhler-Curt-The-Fifteenth-century-Book> (Accessed: 3rd March 2020).
20. Khavtorina, Yu.V. (2011) *Reklama kak sredstvo massovoi kommunikatsii v Rossii v kontse 19 – nachale 20 vv.* [Advertising as a means of Mass Communication in Russia in the late 19th – early 20th centuries]. *Vlast'*. 7. pp. 64–66.
21. Sayadov, S.M. (1983) “Tiflisskie vedomosti” ob Armenii i armenyakh [“Tiflisskie vedomosti” about Armenia and the Armenians]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*. 2-3. pp. 212–223.
22. Malkhasyants, S.S. (1900) *Kratkaya istoriya 75-letnego sushchestvovaniya Nersisianskoy dukhovnoy shkoly (1824–1899)* [A Brief History of the 75-year Existence of the Nersisyan Theological School (1824–1899)]. Tiflis: [s.n.]. (In Armenian).
23. Dzhandzhugazyan, A. (1971) *Uchenicheskaya pressa Nersisianskoy shkoly* [The student periodicals of the Nersisyan school]. In: Agulyan, O.N. et al. *Kolybel' armianskoy kul'tury (Ucheniki Nersisianskoy shkoly o shkole i ob uchitelyakh)* [The Cradle of Armenian culture (Students of the Nersisyan school about the school and the teachers)]. Yerevan: Luys. (In Armenian).
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 82. File 48.
25. Rask, R. (2017) *Pis'mo Rasmusu Nyuerupu* [Letter to Rasmus Nuerup]. In: Chekin, L. *Rasmus Rask v Gruzii* [Rasmus Rask in Georgia]. Tbilisi: [s.n.]. pp. 165–179.
26. Zavileyskiy, P.D. (1881) *Raport d. s. s. Zavileyskogo baronu Rozenu, ot 19 dekabrya 1831 goda, № 10385* [Report 10385 from Actual State Councilor Zavileysky to Baron Rosen, December 19, 1831]. In: *Akty, sobrannye Kavkazskoyu arkheograficheskoy komissiei* [Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission]. Vol. 8. Tiflis: Printing house of the Main Directorate of the Governor of the Caucasus. p. 23.
27. The National Archive of Armenia (NAA). Fund 1351. List 1. File 152.
28. Srivandztyants, G. (1982) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR.
29. Gurgenedze, N. (1997) *Bibliotchnoe delo v Gruzii v 19 veke (Po materialam gruzinskoy periodiki)* [Librarianship in Georgia in the 19th century (Based on materials from Georgian periodicals)]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Tbilisi.
30. The National Archive of Armenia (NAA). Fund 1351. List 1. File 152, L. 3-3 ob.
31. Gitin, V.V. (n.d.) *Tiflisskaya unika* [The Tiflis poststamp]. [Online] Available from: http://mirmarok.ru/prim/view_article/147/ (Accessed: 4th March 2020).
32. Akhverdyan, G. (1964) *Pis'mo M. Emini* [Letter to M. Emin]. In: *Literaturnoe nasledie* [Literary Heritage]. Vol. 3. Yerevan: The Academy of Sciences of the Armenian SSR.
33. Shevchenko, N.A., Vidishcheva, E.V. & Emelyanova, O.V. (2016) The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus. *Bylye Gody*. 40(2). pp. 363–372. (In Russian).
34. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 772. List 1. File 2272. L. 2 ob.
35. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 772. List 1. File 2272. L. 76.
36. Anon. (1850) *Katalog vsekh armianskikh knig, izdannykh v Venetsii, Vene, Konstantinopole, Kal'kutte, Smirne, Moskve* [Catalog of All Armenian Books Published in Venice, Vienna, Constantinople, Calcutta, Smyrna, Moscow]. Tiflis: [s.n.].
37. Ishkhanyan, R.A. (1981) *Armianskaya kniga 1512–1920* [Armenian Book 1512–1920]. Yerevan: The Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Armenian).
38. Russia. (1828) *Ustav o tsenzure* [Charter on Censorship]. In: *Polnoe Sobranie zakonov* [Complete Collection of Laws]. Coll. 2. Vol. 3(1). № 1979.
39. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 118. File 336.

40. Danielyan, T.R. (2019) Reklama knigi v armyanskoy periodicheskoy pechati Tiflisa (1846–1865 gg.) [Book advertising in Armenian periodicals in Tiflis (1846–1865)]. *Voprosy armenovedeniya – Armenological Issues*. 1(16). pp. 130–137.

41. Danielyan, T.R. (2019) Osobennosti bibliograficheskoy reklamy v periodicheskoy pechati Tiflisa (1819–1865 gg.) [The peculiarities of bibliography advertising in periodicals of Tiflis]. *Vestnik Rossiisko-Armyanskogo (Slavyanskogo) universiteta: gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 3(33). pp. 202–218.

42. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 82. File 67.

43. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 733. List 82. File 96.

44. Santrosyan, M.A. (1981) *Istoriya Nersis'yanskoy shkoly* [History of the Nersisyan School]. Yerevan. Luys. (In Armenian).

45. Tabidze, N.P. (1974) *Pervaya gruzinskaya gazeta* [The First Georgian Newspaper]. Tbilisi: Tbilisi State University.

Сведения об авторе:

Даниелян Т.Р. – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Ванадзорского государственного университета (Ванадзор, Армения). E-mail: t5plus@yandex.ru

Information about the author:

Danielyan T.R. – Vanadzor State University (Vanadzor, Republic of Armenia). E-mail: t5plus@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 28.07.2020;

одобрена после рецензирования 15.01.2021; принята к публикации 14.03.2022

The article was submitted 28.07.2020;

approved after reviewing 15.01.2021; accepted for publication 14.03.2022

ВОПРОСЫ КНИГОИЗДАНИЯ

Научная статья
УДК 655.254.22 + 808.2
doi: 10.17223/23062061/28/7

СОВЕТСКОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ В 1970-е гг. (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ВЛАДИМИРА КОРОТКЕВИЧА «ХРИСТОС ПРИЗЕМЛИЛСЯ В ГОРОДНЕ: ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИУДЫ»)

Пётр Петрович Жолнерович

Белорусский государственный университет, Минск, Белоруссия, zhaunier62@tut.by

Аннотация. 1970-е годы в советском редактировании характеризуется декларативными рассуждениями о внимательном отношении к авторскому произведению и реальными нарушениями авторского права, которые диктовались требованиями марксистско-ленинской идеологии. При издании романа наиболее существенные правки на макроуровне проведены по требованию органов цензуры (Главлита), которые усмотрели в романе пропаганду текстов Священного Писания. Правки на микроуровне характеризуются самоуправством редакторов.

Ключевые слова: советское редактирование, цензура, правка, Владимир Короткевич, роман «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды»

Для цитирования: Жолнерович П.П. Советское редактирование в 1970-е г. (на примере романа Владимира Короткевича «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды») // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 110–124. doi: 10.17223/23062061/28/7

BOOK PUBLISHING

Original article

SOVIET EDITING IN THE 1970S (ON THE EXAMPLE OF ULADZIMER KARATKIEVICH'S *CHRIST LANDED IN GRODNO: THE GOSPEL OF JUDAS*)

Piotr P. Zhauniarovich

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, zhaunier62@tut.by

Abstract. Branches of editing (field of scientific knowledge and a sphere of practical activity) in the 1970s were often in the state of contradiction. On the one hand, freedom of the author's expression and the editors' careful attitude to authors' manuscripts were

claimed; on the other hand, publishing saw numerous facts of intervention of ideological party bodies and censorship: without their approval no book could be published. To reveal the degree of intervention into a literary text, the author compares two (1972 and 1980) editions, with preserved typewriting, of the novel *Christ Landed in Grodno: The Gospel of Judas* by the Belarusian writer Uladzimer Karatkievich. He analyzes the reasons for deleting separate fragments, erasing and replacing words and parts of sentences, and suggests the possible motivation for the editors' activities. The author pays attention to the novel's complexity for editorial analysis, to the necessity of reference to the texts of the Holy Bible and different reference materials on religious history when editing. The research revealed numerous corrections. The main reason for deleting separate fragments was the revealing of the author's position, which was extrapolated on the Soviet society and did not correspond to the formation of Marxist-Leninist ideology with its expressive atheistic orientation. Editors often showed arbitrariness and leveled the author's style, destroyed the author's intention, and groundlessly replaced words and expressions uncomfortable for them. The author found differences in the editions of 1972 and 1980. They testify to the lack of the editors' professionalism. The author mentions the fact that Karatkievich's novel became a phenomenon in the Belarusian literature of the second half of the 20th century, and it was only in 2015 that the original text of the novel was published in the Republic of Belarus. The research proves that all the writer's heritage published in Soviet times needs a rigorous study, including comparison of manuscripts and typescripts (if available), and the publishing of the heritage in the author's edition. This will entail the need for new translations which will acquaint foreign readers with Karatkievich's original texts.

Keywords: editing, Soviet editing, censorship, Uladzimer Karatkievich, *Christ Landed in Grodno: The Gospel of Judas*, unmotivated editing

For citation: Zhauniarovich, P.P. (2022) Soviet editing in the 1970s (on the example of the novel by Vladimir Korotkevich "Christ Landed in Grodno: the gospel of Judah"). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 110–124. doi: 10.17223/23062061/28/7

1970-е гг., именуемые сегодня периодом застоя, в советском редактировании характеризовались, с одной стороны, активной разработкой теоретических аспектов данной комплексной научной области, а с другой – все усиливающимся идеологическим давлением со стороны партийных органов, которые стремились контролировать всех и вся. Основные надзорные функции в книгоиздании выполняло Главное управление по охране государственных тайн в печати (Главлит), в 1966 г. подчиненное непосредственно Совету министров СССР. В советских республиках также были соответствующие структуры. Фактически же руководил всем Отдел пропаганды ЦК КПСС.

Сегодня, в частности, в Республике Беларусь снят гриф секретности со всех документов Главлита, что дает возможность историкам и филологам ввести в научный оборот множество материалов, которые проливают свет на творческую историю отдельных произведений. Ведь это только на словах в классическом учебнике Н.М. Сикорского «Теория и практика

редактирования» (1980), ставшем своеобразным этапом в осмыслении редактирования 1970-х гг., можно было утверждать: «редактор советского издательства должен считать первейшим правилом бережное отношение к авторской рукописи» [1. С. 234]. В реальности же ни одна книга не могла быть издана без грифа Главлита, сотрудники которого вряд ли руководствовались подобными рекомендациями. Но и сверхбдительные редакторы могли – сознательно, в духе марксистско-ленинской идеологии, или по незнанию – безосновательно вмешиваться в сложную ткань авторского произведения.

«Редактирование, – отмечает М. Веллер, – бич русской советской литературы последних десятилетий» [2. С. 354]. Необходимо, однако, с осторожностью относиться к таким категорическим утверждениям писателя, пострадавшего от советского редактирования, так как в данном случае не говорится о цензуре, да и настоящие редакторы-профессионалы, руководствующиеся в работе своей совестью, тоже существовали. Правда, они пострадали, как и писатели, за принципиальную позицию, как, например, Л.К. Чуковская – автор интересной и полезной для редактирования книги «В лаборатории редактора» [3] или А.Т. Твардовский, который всячески поддерживал авторов «Нового мира» и сгорел в сражении с всевластной идеологической системой.

Главное в работе редактора с произведением художественной литературы – вникнуть в авторский замысел и постараться проанализировать его реализацию. И именно здесь в 1970-е гг. таилась главная опасность для писателей, которым волею судьбы попадался идеологически «выдержанный» редактор. «Будучи образованнее цензоров, редакторы представляли для писателей еще большую опасность, так как они замечали порой то, на что первые не обращали внимания („скрытое цитирование“, нежелательные аллюзии и т.п.)» [4. С. 173–174]. Если учесть, что рассматриваемое произведение – исторический роман (события разворачиваются в XVI в.) и слова В. Короткевича «каждый исторический сюжет – это открытый разговор с современником» [5. С. 221] (здесь и далее переводы на русский язык наши. – *П.Ж.*), можно представить, каково было отношение и цензоров, и редакторов к роману. Тем более что и до написания этого произведения хватало проблем: «Первое серьезное столкновение В. Короткевича с цензурой произошло в апреле 1961 г.» [6. С. 91], а с партийными идеологическими органами – еще раньше.

Как отмечают специалисты по редактированию художественных произведений, «основные правила, которые необходимо помнить редактору: в произведении должна быть органическая связь сюжета и персонажей; все сюжетные линии должны быть направлены на раскрытие ха-

ракторов; поведение каждого персонажа должно быть естественным, поступки героев – обусловленными внутренней логикой развития его характера» [7. С. 213]. С точки зрения сегодняшнего дня все перечисленные пункты «правил» выполнены автором безукоризненно, необходимо было провести лишь определенную правку языка и стиля, и то в основном на уровне корректуры.

Роман Владимира Короткевича (1930–1984) «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды» – исключительное явление в белорусской (и европейской) литературе и книгоиздании второй половины XX в. Толчком к написанию произведения послужила запись из средневековой «Хроники польской, литовской, жемайтской и всея Руси» (1582) польско-белорусского хрониста, историка, поэта Матея Стрыйковского о восстании мужицкого Христа. В автобиографии «Дорога, которую прошел» (1964) В. Короткевич писал: «Сейчас работаю над историческим кино-сценарием „Христос приземлился в Городне“. Это история бродяги, который волею судьбы был назван Христом, вынужден был делать „чудеса“ и, в конце концов, возглавил восстание против церкви и короля. Такой настоящий факт отмечен в древних белорусских хрониках» [8. С. 10]. Возможно, предчувствуя, что съемки фильма по его киносценарию (на русском языке) «Христос приземлился в Гродно» затянутся и могут возникнуть непредвиденные трудности, писатель после его написания (31 марта 1965 г.) почти сразу (7 апреля) начал работать над прозаическим произведением на белорусском языке (окончено 7 апреля 1966 г.). В самом деле, во время съемок сценарий несколько раз переделывался: на протяжении десяти месяцев (с 25 мая 1965 г. по 29 марта 1966 г.) написаны шесть его вариантов. Однако и это не изменило судьбы фильма: принятый под названием «Житие и вознесение Юрася Братчика», он оказался на полке и вышел на широкий экран только в 1989 г.

Путь к книге тоже был непростым. К сожалению, пока не найдена рукопись произведения. Существует предположение, что она находится в домашнем архиве одного из друзей писателя, даже, возможно, за пределами Республики Беларусь. О существовании рукописи свидетельствует запись на обороте фотографии в домашнем архиве В. Короткевича: «Страница 135 рукописи „Христа“. Сам едва разобрал. Пишу слова „И не злитесь“». Однако сохранилась машинопись романа, которая была передана автором в отдел редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 41–43). Роман писался в Челябинске (поселок Шагол), где жила сестра Наталья Кучковская, и в Рогачеве, в старом дедовском доме, в котором жил дядя Игорь Гринкевич.

Можно отметить две особенности при издании романа: во-первых, он не имеет журнального варианта: автор либо не предлагал произведение литературным журналам, либо их редакторы не осмеливались его печатать; во-вторых, сокращенный вариант романа в авторизованном переводе на русский язык Н. Кислика опубликован в год окончания произведения в журнале «Неман» [9] под названием «Христос приземлился в Гродно: Евангелие от Иуды». Для белорусской литературы советского времени это было обычным явлением: свои «высоколобые» цензоры и редакторы таким образом перестраховывались, получая «добро» сверху и как бы снимая с себя ответственность (для примера, несколько повестей Василя Быкова опубликованы сразу в журнале «Новый мир» на русском языке и лишь потом, в оригинале – на белорусском в Минске).

При жизни писателя вышли два книжных издания романа: в 1972 г. [10] (спустя шесть лет после написания) и в 1980 г. [11] (в двухтомнике, вышедшем к 50-летию писателя). В 2015 г. роман «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды» вошел в 9-й том нового Собрания сочинений В. Короткевича (в 25 т.) [12], которое издается на основе рукописных и машинописных текстов писателя. Составитель и редактор тома приняли решение не отмечать в тексте изъятые или измененные прежде фрагменты, а отобразить это в разделах «Другие редакции и варианты» и «Комментарии», так как находящиеся на печатной странице сноски с примечаниями, естественно, отвлекают внимание читателя от основного – понимания текста произведения, как это произошло, например, при издании романа В. Аксенова «Таинственная страсть» [13].

В 2006 г. вышло отдельное русскоязычное издание романа «Христос приземлился в Гродно. Евангелие от Иуды» [14]. Но многочисленные неточности в переводе, неумение разобраться в хитросплетениях авторской мысли и простое незнание белорусских реалий не позволяют считать данный текст заслуживающим внимания. Второй перевод романа на русский язык под названием «Христос приземлился в Городне (Евангелие от Иуды)» опубликован в Минске в 2011 г. [15].

Согласно машинописи и первой публикации произведение имеет жанровое определение *Евангелие от Иуды*. В издании 1980 г. фраза взята в скобки и трансформирована в параллельное заглавие «Христос приземлился в Городне (Евангелие от Иуды)», а произведение получило жанровое определение *роман*. Сегодня трудно установить, кому принадлежало это изменение. Можно лишь согласиться с тем, что в классическом понимании (по всестороннему исследованию человека в его связях с обществом и временем, сюжетно-композиционной многоплановости, количеству персонажей и др.) «Христос приземлился в Городне» – безусловно,

роман. Однако авторское жанровое определение более емкое, оно органически вытекает из всей сюжетной линии. Как говорил А.Т. Твардовский, «простые слова заголовка под конец чтения должны наполняться смыслом, становиться мудрыми, и если это произойдет, их простота обнаружится сильнее и значительнее самого броского заголовка» [16. С. 278]. В нашем случае заголовок непростой, но он свидетельствует об условном «авторстве» текста: именно Иуда-Иосия оказался в конце романа самым преданным другом и сторонником Христа-Братчика и «описал» события в своем «Евангелии». Интересная мысль насчет отношений автора и произведения высказана Умберто Эко, который считал: «Автор не должен интерпретировать свое произведение» – и далее, как бы с горечью, продолжал: «Заглавие, к сожалению, – уже ключ к интерпретации» [17. С. 6]. И такая писательская интерпретация должна помочь читателю сориентироваться, направить его внимание в нужном направлении и таким образом облегчить проникновение в глубинные структуры текста.

«Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды» для середины 1960-х гг. роман новаторский, социально-философский, исторический, в то же время и современный, со стремлением автора затронуть множество глубинных проблем; в нынешнем понимании роман постмодернистский, интертекстуальный, так как пересыпан цитациями, аллюзиями, реминисценциями. Постмодернистский характер романа подтверждается и паратекстуальностью – использованием эпиграфов для каждой из 62 глав: всего в произведении 101 эпиграф, из них 31 – выдержки из Священного Писания (соответственно, некоторые главы имеют несколько эпиграфов). В машинописи глава II «Голод, и поветрие, и мор» снабжена двумя эпиграфами: цитатой из Книги Руфь 1:1 «В те дни, когда управляли судьи, случился голод на земле» [16. С. 25], и двустишием китайского поэта VIII в. Ду Фу «Во всех дворцах там запах вин и мяса, // А на путях – скелеты мертвецов» [12. С. 15]. Но второй эпиграф отсутствует в книжных изданиях [10. С. 9; 11. С. 11]: то ли это вызвано экстралингвистическими причинами (сложные взаимоотношения КНР и СССР), то ли редакторы посчитали его слишком жестким. Однако глава с таким названием сама по себе непростая, вызывающая у читателя чувство жалости к людям XVI в. и их страданиям, а двустишие как раз помогает раскрытию их бесправного положения. К главе LVII «И увидел я новое небо и новую землю» (само заглавие – цитата из Откровения Иоанна Богослова) предусматривался более широкий текст эпиграфа, а оставлено лишь одно предложение как продолжение заглавия: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля исчезли» (21:1) [15. С. 488]. Ликвидирована цитата «Ворота его не будут запираются днем; а ночи там

не будет. И принесут в него славу и честь народов. И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни» (21:25–27). С учетом того что в главе речь идет о сне главного героя Юрася Братчика и посещении им «Небесного Иерусалима», данная цитата является абсолютно уместной, однако наводит на ненужные размышления и поэтому изымается.

При цитировании обнаруживается определенная самоцензура, так как В. Короткевич, видимо, предполагал, что упоминание слов «Евангелие», «Послание», «Деяния» в эпиграфах будет каждый раз раздражать цензоров и редакторов, поэтому сокращал названия: в машинописи – «(...Иоанна, 6, 51)», в книжных изданиях – «Иоанн, гл. 6, ст. 51)» [10. С. 130; 11. С. 118]; в машинописи – «(...Тимофею, 6, 10)», в книжных изданиях – «...Тимофею, гл. 6, ст. 10» [10. С. 371; 11. С. 332]. Составители нового Собрания сочинений посчитали необходимым дать названия полностью: «Евангелие от Иоанна 6:51» [12. С. 142]; «Первое послание к Тимофею 6:10» [Там же. С. 371] и др.

Как ни странно, произведение не претерпело таких кардинальных цензурских и редакторских правок, вызванных идеологическими причинами, как, например, повесть «Цыганский король» или новелла «Ладья Отчаяния», возможно потому, что соответствующие структуры сочли роман антирелигиозным. Однако на этот счет высказался сам автор: «Я не был бы художником, если бы писал голые агитки. Меня действительно куда более волнует, что такое человек и почему он может иметь власть над другим человеком, нежели различные там конфессиональные проблемы» [18. С. 127–128] – такие слова В. Короткевича из беседы с архиепископом Минским и Белорусским Антонием (А.С. Мельниковым) приводит друг писателя, доктор филологии А.И. Мальдис. Отметим: сценарий фильма получил отрицательный отзыв Совета по делам религий при Совете министров СССР в том числе и за то, что автор «не показывает вредность религиозной идеологии» [6. С. 240].

В романе ликвидированы десятки фрагментов (абзацев, предложений или их частей), которые зачастую значительно влияют на идейную направленность произведения. Здесь уместно привести слова З.П. Матузова, тогдашнего директора минского издательства «Мастацкая літаратура» («Художественная литература»), где вышли две рассматриваемые книги: «Нас никогда не били за то, что мы выбросили, бьют за то, что оставляем» [6. С. 94]. Более всего изменились те главы, где открыто слышится авторский голос, где высказывание экстраполируется на современность или имеет вневременной характер. В романе автор объясняет читателю причину введения двух дьяволов, вылетевших из ртов персонажей:

«Ибо это оставили их тело души того дела, которое все они совершали. Осталась его закорстевшая оболочка» [16. С. 35]. И далее писатель продолжает (отдельным абзацем): «Если же некоторые придурковатые и последовательные до рвоты „реалисты“, иногда еще преподающие в наших школах или учащие писателей уму-разуму, спросят, зачем мне понадобилось вмешательство нечистой силы и потусторонних существ, которых, конечно, нет, – я спрошу у них только одно» [12. С. 24–25]. В следующем абзаце автор с использованием риторического приема последовательно задает четыре вопроса и положительно на них отвечает. Если ликвидировать предыдущий абзац (что и сделано в изданиях 1972 и 1980 гг. [10. С. 19; 11. С. 19]), возникает смысловая лакуна, которую не в состоянии заполнить читатель. Но и этого показалось мало, так как сокращается следующий абзац: «Ну вот. И как бы я мог иначе показать объективный смысл того, что совершали и будут совершать на протяжении всей книги эти два поганца и все их друзья?» [12. С. 25]. В этом заочном споре автора с воображаемым оппонентом ликвидированы еще три фрагмента.

В рассказе Юрася Братчика (глава IX «Дно преисподней») сокращен большой фрагмент из пяти абзацев о поведении одного из «апостолов» Иосии бен Раввуни [10. С. 89; 11. С. 82]. Особенно, видимо, «зацепил» предполагаемого цензора следующий абзац: «Противное это было зрелище. Сотни две кроликов, пятнадцать свиней и один-единственный – человек... Но это не такое уж редкое явление на земле... В большинстве мест так...» [12. С. 99].

Каждая глава романа – своеобразное законченное произведение, в котором большое значение имеет последняя фраза, идейно и тематически связываемая либо с эпиграфом, либо с заглавием. Поэтому ликвидация последнего предложения главы XXIII [10. С. 230; 11. С. 207] «Он шел, и душа его плакала» [12. С. 246] нивелирует впечатление Юрася Братчика от встречи со «Старой любовью» (название главы). В прижизненных изданиях последняя фраза исчезла и из главы XXVI «Черная месса»: «Потом началось такое, о чем невозможно и не стоит писать» [Там же. С. 265]. Но ведь это высказывание свидетельствует о незаконченности действия, описанного в предыдущем абзаце о черной мессе: «Вихрь, ураган, ветер самих веков на лице. Забыть разума и самого себя. Ад, вечное пламя, яростный вечный полет самой жизни» [15. С. 293], и сужает авторскую мысль.

Отмеченные правки затрагивают вертикальную структуру романа, его парадигматику, и, вероятно, были проведены цензурными органами, без участия редакторов. Причем попался как раз, по определению Н.В. Жиликовой, «злой», а не «добрый» цензор, как и в царские времена в

XIX в. [19]. Но правку языка и стиля проводили все-таки редакторы книг. И первое издание (1972 г.) редактировалось на основании машинописи. Синтагматика текста романа очень сложная, поэтому надо было внимательно проводить редакторский анализ на микроуровне (слово, словосочетание, предложение) и последующую правку. Этого, к сожалению, не было сделано. Вероятно, мешало и отношение В. Короткевича к непрофессиональному редактированию его прежних произведений, к необоснованным замечаниям редакторов, к цензорским придиркам. В домашней библиотеке писателя хранится книга 1972 г. издания с 28 правками автора, большинство которых учтено в юбилейной книге 1980 г. Мотивировать правку, убедить автора в ее необходимости – прямая обязанность редактора. Названные в выходных сведениях редакторы В. Головач [10. С. 448] и А.А. Слепцова [11. С. 400] все-таки стремились улучшить текст: в основном проведена правка на орфографическом и пунктуационном уровнях (корректоры, безусловно, тоже к этому имеют отношение). Несколько примеров: в машинописи – «Шелестит свитками бумаги и пергаментными листами, из-под аксамитистого черного *капишона* смотрят живые глаза», в книгах – «Шелестит свитками бумаги и пергаментными листами, из-под аксамитистого черного *капюшона* смотрят живые глаза» [10. С. 28; 11. С. 27]; в машинописи – «Висели на копьях, били бревнами в половинки и стены дрожали», в книгах – «Висели на копьях, били бревнами в половинки, и стены дрожали» [10. С. 354; 11. С. 318].

Сравним еще одно машинописное предложение из главы XVI «Саронская лилия»: «Она [Магдалина] лежала на спине, чувствовала тяжесть и теплоту его руки на своей груди, и это было хорошо, но – чудо – совсем непривычно» [12. С. 191], и это же предложение в книжных изданиях: «Она лежала на спине, чувствовала тяжесть и теплоту его руки на своей груди, и это было хорошо, *она* – чудо – совсем *непривыкла*» [10. С. 177], «Она лежала на спине, чувствовала тяжесть и теплоту его руки на своей груди, и это было хорошо, *и* – чудо – совсем непривычно» [11. С. 160]. Согласно какой мотивации появилась правка в книге 1972 г.? Состояние Магдалины (было *хорошо, непривычно*) изменено на процесс (к такому она *не привыкла*). В книге 1980 г. противительный союз заменен на соединительный (*но* – *и*), при этом еще и не ликвидирована запятая. Как такие вольности воспринимать автору? Не случайно известный теоретик редактирования А.Э. Мильчин писал: «Нельзя не признать справедливым недовольство авторов редакторами за правку, искажающую смысл и стиль, за нелепые замечания, за невнимательное и неуважительное отношение к себе, за силовое навязывание решений, с которыми автор не согласен» [20. С. 28].

Необычный стиль романа, в котором сочетаются различные исторические пласты, высокое и низкое, общеупотребительное и ограниченное, является заслугой автора – выражением его мировоззрения, а также одной из причин неослабевающего читательского внимания. Но как раз стиль и затрагивали редакторы. Например, корректируется предложение «В тот год Рим *анафемствовал* Лютера...» [4. С. 50; 10. С. 53] (в машинописи – *анафематствовал* [12. С. 61]); сокращается повторенное автором слово в возмущенном возгласе Кашпора Бекеша «Это ведь все равно как... всего Че-ло-века тысячи лет распинают!» [10. С. 435; 11. С. 389] (в машинописи – «Это ведь все равно как... как всего Че-ло-века тысячи лет распинают!» [12. С. 460]).

Не соглашались редакторы и с имеющейся на отдельных страницах романа грубостью высказываний, без которой народная речь теряет свою сочность и становится дистиллированной: «– Что нам до того, – убеждал Петро» [10. С. 378; 11. С. 338] (в машинописи – «– Что нам до того г....., – убеждал Петро» [12. С. 401]). Без сокращенного слова неточно передается отношение бывших друзей-«апостолов» к своему предводителю Братчику-Христу.

Вот автор приводит диалог Анеи, возлюбленной Юрася Братчика (Христа), и Иосии бен Раввуни (Иуды):

«– Зачем?.. – без слез спросила Анея. – Зачем спасали? Умереть бы. Так оно спокойно.

– Зачем? – и Иуда скверно выругался в гневе. – Затем, чтобы груши сбивать...» [12. С. 420].

В книжных изданиях напечатано:

«– Зачем?.. – без слез спросила Анея. – Зачем спасали? Умереть бы. Так оно спокойно.

– Зачем? – и Иуда скверно выругался в гневе» [10. С. 396; 11. С. 354].

Психологическое состояние, его проявление в речи, намерение Иосии автор объясняет в следующем абзаце: «Ошеломленная Анея заморгала глазами. Румянец стыда залил все лицо. Но Иуда не обращал внимания на это. Любыми средствами он был рад стряхнуть это бабское оцепенение. Даже бил бы» [10. С. 396; 11. С. 354], поэтому отсутствие слов о конкретной пословице разрушает авторский стиль и нивелирует мысль. Отметим, что такую вольность автор позволяет себе только в диалогах, т.е. использует речевую характеристику персонажей с определенной целью. И не случайно стиль романа называют раблезианским из-за подобных выражений (Ф. Рабле – один из любимых писателей В. Короткевича, он в эпиграфах использовал пять цитат из романа «Гаргантюа и Пантагрюэль»).

Видимо, не понимая, о чем идет речь, редакторы изменяют в предложении «Они зовут вас в крестовый поход против торки и неверные, собирают на это деньги с простых» [12. С. 350] слово *торки* на *турки* [10. С. 329; 11. С. 296]. И такой исторической неосведомленности редакторов предостаточно.

Понятно, что книга 1980 г. печаталась на основе предыдущего издания 1972 г. Но и во второй прижизненной книге появились новые редакторские изменения. К примеру, в высказывании Джанибека «Не обдели меня, когда приведешь туда воинство твое, избранный твой народ!» [10. С. 287–288; 12. С. 307] ликвидируются слова *воинство твое*: «Не обдели меня, когда приведешь туда избранный твой народ!» [11. С. 259]; из-за замены буквы изменяется смысловое наполнение предложения: «Мягкая, кошацьа грация была в неспешных его движениях» [10. С. 254; 12. С. 271] (*движениях* – по-белорусски *ру́хах*) и «Мягкая, кошацьа грация была в неспешных его руках» [11. С. 229] (редактора отчего-то не насторожило возникшее в результате правки выражение *неспешных его руках*).

Во время исследования обнаружено значительное количество недостатков, которые должны были быть ликвидированы в текстах двух книг. Например, не упорядочено написание сдвоенных имен «апостолов»: «Фома – Тумаш подморгнул. Сила – Якуб и Левон – Петр схватили предтечу за руки и поволокли» [10. С. 164; 11. С. 148], в машинописи: «Фома-Тумаш подморгнул. Сила-Якуб и Левон-Петр схватили предтечу за руки и поволокли» [12. С. 176–177]; не прослеживается единый подход при именовании средневековых городов: *Городня* (современный *Гродно*), *Менск* (современный *Минск*), но *Волковыск* (средневековый *Волковский* [Там же. С. 344]) и др.

Такое отношение к своему детищу, конечно, не могло не задевать В. Короткевича. «Помимо чисто идеологических, редакторы советского времени нередко предъявляли писателям такие „художественные“ требования, которые исходили из ложных, надуманных, односторонних посылок и диктовались скорее опасениями, как бы чего не вышло, чем действительными слабостями произведений. И, пользуясь властным положением, добивались своего, что не могло не вести к порче авторского текста, а порой и к творческим писательским трагедиям» [21]. А были ведь еще и цензоры... В 1984 г. работник Главлита БССР В. Пепеляев на семинаре в Гродно охарактеризовал Короткевича, Адамовича, Мальдиса, Думбадзе едва ли не врагами народа. У В. Короткевича, как пишет А.И. Мальдис, «...началась острая депрессия. С тяжелым приступом „скорая“ забрала Володю в лечкомиссию, где он пролежал в реанимации без особой надежды» [18. С. 161]. И это после многочисленных произве-

дений, написанных за 30 лет творческой деятельности, после награждения к 50-летию орденом Дружбы народов... А речь ведь идет о последнем годе В. Короткевича на земле, которой от отдал все свои силы и талант.

Исторические произведения всегда привлекают читательское внимание. Например, как указывает И.А. Айзикова, в книжной коллекции Г.К. Тюменцева находятся подобные произведения, так как они входят «в круг интереса ее владельца к художественному историческому повествованию» [22. С. 82]. «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды» В. Короткевича не только широкая панорама жизни средневековой Беларуси XVI в., произведение, в котором точно изображен герой, стремящийся вырваться за пределы устоявшихся норм и поведения, ищущий пути совершенствования общественного строя, заступающийся за оскорбленных и обиженных, личность, похожая по совершенным ей поступкам ради нового Человека на персонажей Шарля де Костера в «Тиле Уленшпигеле», Ромена Роллана в «Кола Брюньоне», Михаила Булгакова в «Мастере и Маргарите». Роман В. Короткевича еще и талантливая интерпретация Второго пришествия Сына Божьего, которая заслуженно может ставиться в ряд подобных произведений Германа Гессе, Хорхе Луиса Борхеса и других писателей. По этой причине произведение имеет вневременное существование, а события могут быть экстраполированы на любое общество любого века нашей эры: что все-таки увидит Сын Божий, «приземлившись» в определенной стране, и что произойдет с Ним? По манере письма роман В. Короткевича схож с произведениями известного итальянского медиевиста, ученого и писателя Умберто Эко.

Вдумчивое прочтение Священного Писания, творческое воплощение библейских сюжетов согласно авторскому замыслу, постмодернистская манера письма, высокоинтеллектуальный уровень выводов и обобщений делают роман «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды» исключительным явлением в белорусской литературе XX в. Настоящее прочтение этого гениального произведения еще впереди, и оно должно быть сделано в контексте славянской, европейской и мировой литературы.

Таким образом, при редактировании романа В. Короткевича «Христос приземлился в Городне: Евангелие от Иуды» требовалась большая интеллектуальная работа, в первую очередь проведение качественного редакторского анализа на макроуровне (произведения как целостной структуры) и на микроуровне (линейный контекст), и внимательное отношение к авторскому тексту. В результате проведенного исследования обнаружены многочисленные немотивированные правки, изменяющие авторскую мысль и разрушающие авторский стиль. Многие правки про-

ведены по требованию цензурных органов (Главлита), другие же сделаны непрофессиональными редакторами. Качественная книга – это прежде всего авторский текст, а не текст, сознательно разрушенный в результате волевой правки без согласования с автором. По этой причине возникает острая потребность в пересмотре изданных в советское время произведений и подготовке их к изданию в авторской редакции. И, соответственно, необходимы переводы на основании новых текстов.

Список источников

1. Сикорский Н.М. Теория и практика редактирования : учебник для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Высшая школа, 1980. 328 с.
2. Веллер М. Песнь торжествующего плебей : избранное. М. : АСТ, 2006. 368 с.
3. Чуковская Л.К. В лаборатории редактора. М. : Искусство, 1960. 332 с.
4. Смиловицкий Л. Цензура в БССР: послевоенные годы, 1944–1956. Иерусалим, 2015. 360 с.
5. Караткевіч У.С. «Любую справу рабіць хвацка» / гутарыла Р. Станкевіч // 3б. тв. : у 25 т. Мінск, 2016. Т. 14. С. 216–223.
6. Гужалоўскі А.А. Чырвоны аловак: Нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР : у 2 кн. Кн. 2. 1943–1991 гг. Мінск : А.М. Янушкевіч, 2018. 320 с.
7. Редакторская подготовка изданий : учебник / под ред. С.Г. Антоновой. М. : Логос, 2004. 496 с.
8. Караткевіч У.С. Дарога, якую прайшоў // 3б. тв. : у 25 т. Мінск, 2016. Т. 13. С. 5–11.
9. Короткевич В. Христос приземлился в Гродно: Евангелие от Иуды / авториз. пер. с белорус. Н. Кислика // Неман. 1966. № 11–12.
10. Караткевіч У.С. Хрыстос прызямліўся ў Гародні: Евангелле ад Іуды. Мінск : Мастацкая літаратура, 1972. 468 с.
11. Караткевіч У.С. Выбр. тв. : у 2 т. Т. 2: Хрыстос прызямліўся ў Гародні (Евангелле ад Іуды) : раман. Мінск : Мастацкая літаратура, 1980. 400 с.
12. Караткевіч У.С. 3б. тв. : у 25 т. Т. 9: Хрыстос прызямліўся ў Гародні: Евангелле ад Іуды. Мінск, 2015. 734 с.
13. Подчиненов А.В., Снигирева Т.А. Авторская воля и редакторский произвол: к истории публикации романа Василия Аксенова «Таинственная страсть» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2018. № 18. С. 124–137.
14. Короткевич В. Христос приземлился в Гродно. Евангелие от Иуды / пер. с белорус. А. Сурнина. СПб. : Амфора, 2006. 622 с.
15. Короткевич В.С. Христос приземлился в Гродне (Евангелие от Иуды) : роман / пер. с белорус. и коммент. П. Жолнеровича. Минск : Літаратура і Мастацтва, 2011. 544 с.
16. Воспоминания о Твардовском : сб. М. : Советский писатель, 1982. 542 с.
17. Эко У. Заметки на полях «Имени розы» / пер. с ит. Е.А. Костюкович. СПб. : Симпозиум, 2005. 92 с.
18. Мальдзіс А.І. Жыццё і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: партрэт пісьменніка і чалавека : літаратуразнаўчае эсэ. Мінск : Літаратура і Мастацтва, 2010. 208 с.
19. Жиякова Н.В. Злой цензор, добрый цензор: специфика цензурирования первой частной газеты в Томске («Сибирская газета», 1881–1888 гг.) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 256–270.
20. Мильчин А.Э. Методика редактирования текста. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Логос, 2005. 524 с.

21. Мильчин А. «В лаборатории редактора» Лидии Чуковской // Октябрь. 2001. № 8. URL: <http://www.chukfamily.ru/lidia/biblio/vospominaniya-biblio/v-laboratorii-redaktora> (дата обращения: 04.03.2020).

22. Айзикова И.А. Литературно-художественные произведения о Сибири в книжной коллекции Г.К. Тюменцева // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 21. С. 67–87.

References

1. Sikorskiy, N.M. (1980) *Teoriya i praktika redaktirovaniya* [Theory and practice of editing]. 2nd ed. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Veller, M. (2006) *Pesn' torzhestvuyushchego plebeya: izbrannoe* [Song of the triumphant plebeian: selected works]. Moscow: AST.
3. Chukovskaya, L.K. (1960) *V laboratorii redaktora* [In the editor's lab]. Moscow: Iskusstvo.
4. Smilovitskiy, L. (2015) *Tsenzura v BSSR: poslevoennye gody, 1944–1956* [Censorship in Postwar Belorussia: 1944–1956]. Jerusalem: [s.n.].
5. Karatkievich, U.S. (2016) *Zbor tvorau: u 25 t.* [Collected Works: in 25 vols]. Vol. 14. Minsk: Mastatskaya literatura. pp. 216–223.
6. Guzhaloŭski, A.A. (2018) *Chyrvony alovak: Narysy pa gistoryi tsenzury ŷ BSSR* [Red pencil: essays on the history of censorship in the BSSR]. Vol. 2. Minsk: A.M. Yanushkievich.
7. Antonova, S.G. (ed.) (2004) *Redaktorskaya podgotovka izdaniy* [Editorial Preparation of Publications]. Moscow: Logos.
8. Karatkievich, U.S. (2016) *Zbor tvorau: u 25 t.* [Collected Works: in 25 vols]. Vol. 13. Minsk: Mastatskaya literatura. pp. 5–11.
9. Korotkievich, V. (1966) *Khristos prizemlilsya v Grodno: Evangelie ot Iudy* [Christ landed in Grodno: The gospel of Judas]. Translated from Belarusian by N. Kislik. *Nieman*. 11–12.
10. Karatkievich, U.S. (1972) *Khrystos pryzyamliŭsya ŷ Garodni: Evangelie ad Iudy* [Christ landed in Grodno: The gospel of Judas]. Minsk: Mastatskaya literatura.
11. Karatkievich, U.S. (1980) *Vybr. tv.* [Selected Works]. Vol. 2. Minsk: Mastatskaya literatura.
12. Karatkievich, U.S. (2015) *Zbor tvorau: u 25 t.* [Collected Works: in 25 vols]. Vol. 9. Minsk: Mastatskaya literatura. pp.
13. Podchinenov, A.V. & Snigireva, A.U. (2018) Author's intent and editor's license: on the publication of Vasily Aksyonov's "Mysterious Passion". *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 18. pp. 124–137. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/18/6
14. Korotkievich, U. (2006) *Khristos prizemlilsya v Grodno. Evangelie ot Iudy* [Christ landed in Grodno The gospel of Judas]. Translated from Belarusian by A. Surnin. St. Petersburg: Amfora.
15. Korotkievich, U.S. (2011) *Khristos prizemlilsya v Gorodne (Evangelie ot Iudy)* [Christ landed in Grodno: The gospel of Judas]. Translated from Belarusian by P. Zholnierovich. Minsk: Literatura i mastatstva.
16. Tvardovskaya, M.I. (ed.) (1982) *Vospominaniya o Tvardovskom: sbornik* [Memories of Tvardovskii: Collection]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
17. Eco, U. (2005) *Zametki na polyakh "Imeni rozy"* [Notes in the margins of "The Name of the Rose"]. Translated from Italian by E.A. Kostyukovich, St. Petersburg: Simposium.
18. Maldzis, A.I. (2010) *Zhytstse i ŷznyasenne Uladzimira Karatkevicha: partret pis'mennika i chalaveka: literaturaznaŭchae ese* [The life and ascension of Uladzimir Karatkevich: a portrait of a writer and man: a literary essay]. Minsk: Literatura i mastatstva.
19. Zhilyakova, N.V. (2019) Bad Censor, Good Censor: The Specificity of Censoring of the First Private Newspaper in Tomsk ("Sibirskaya Gazeta", 1881–1888). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.

darstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 61. pp. 256–270. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/61/15

20. Milchin, A.E. (2005) *Metodika redaktirovaniya teksta* [Methodology of Text Editing]. 3rd ed. Moscow: Logos.

21. Milchin, A. (2001) “V laboratorii redaktora” Lidii Chukovskoy [“In the editor’s lab” by Lidia Chukovskaya]. *Oktyabr'*. 8. [Online] Available from: <http://www.chukfamily.ru/lidia/biblio/vospominaniya-biblio/v-laboratorii-redaktora> (Accessed: 4th March 2020).

22. Aizikova, I.A. (2019) Fiction about Siberia in the book collection of G.K. Tyumentsev. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 21. pp. 67–87. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/21/4

Сведения об авторе:

Жолнерович П.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры медиалингвистики и редактирования Белорусского государственного университета (Минск, Белоруссия). E-mail: zhaunier62@tut.by

Information about the author:

Zhauniarovich P.P. – Belarusian State University (Minsk, The Republic of Belarus). E-mail: zhaunier62@tut.by

*Статья поступила в редакцию 15.03.2020;
одобрена после рецензирования 21.10.2020; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 15.03.2020;
approved after reviewing 21.10.2020; accepted for publication 14.03.2022*

Научная статья

УДК: 82+82.821+82.94+82.14+82.32

doi: 10.17223/23062061/28/8

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ВЛАДИМИРА НАРБУТА: АРХИВЫ, ТЕКСТЫ, ПОДХОДЫ

Роман Романович Кожухаров

Литературный институт им. А.М. Горького, Москва, Россия, r_k_md@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются история публикаций художественного наследия В. Нарбута, а также принципы, которыми руководствовались составители посмертных отдельных изданий поэта; особое внимание уделяется подходам, использованным при подготовке наиболее полного собрания сочинений Нарбута, вышедшего в 2018 г. и впервые дополненного, помимо стихотворных текстов, прозой и переводами. Затрагиваются историко-литературные и текстологические аспекты, актуализированные архивными изысканиями, работой с черновиками поэта и первопубликациями его произведений.

Ключевые слова: В. Нарбут, Л. Чертков, последняя воля автора, архив

Для цитирования: Кожухаров Р.Р. Собрание сочинений Владимира Нарбута: архивы, тексты, подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 125–140. doi: 10.17223/23062061/28/8

Original article

THE COLLECTED WORKS OF VLADIMIR NARBUT: ARCHIVES, TEXTS, AND APPROACHES

Roman R. Kozhukharov

*Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing, Moscow, Russian Federation,
r_k_md@mail.ru*

Abstract. The last lifetime poetry collection of Vladimir Narbut was published in 1922. Started by the poet in the 1930s, work on the preparation of the book of selected poems *Spiral* was interrupted by his arrest and, subsequently, tragic death in Kolyma in 1938. Since then, separate editions of Narbut's works have been published three times: in 1983 the poet Leonid Chertkov compiled a collection *Vladimir Narbut. Selected Poems* in France; in 1990 N. Panchenko and N. Byalosinskaya published the book *Vladimir Narbut. Poems* in the USSR; in 2018 the OGI publishing house published the book *Vladimir Narbut. Collected Works. Poems, Translations, Prose*. The third, latest in nearly a hundred years, reference to the works of one of the most distinctive poets of the era in the context of preparing a separate collection of his oeuvre actualized the issue of developing approaches to be guided by when compiling the forthcoming collection. The key element here seemed to be the comprehension of the experience of preparing the previous separate editions of 1983 and 1990, as well as the scientifically commented publications of Narbut's works made by researchers in the literary periodicals of the late

20th – early 21st centuries. The closest correlation of the tragic ups and downs of Narbut's life with the "geological upheaval" of the 1917 Revolution and the Civil War led to the ambiguous dependence of the posthumous fate of the poet's creative heritage on the context of the era, diametrically opposed and mutually exclusive attitudes in the perception of key events in Russian and world history of the 20th century. The preparation of Narbut's collected works was planned in the interconnection of two directions: (1) the continuation of work to eliminate the "blank spots" in the poet's biography, and (2) the formation of the most complete collection of Narbut's fiction for the first time supplemented, in addition to poetic texts, with prose and translations. In preparation for the publication of Narbut's literary texts included in the collected works, the issue of using a real commentary as the main approach in preparing notes was updated, taking into account the biographical, historical, literary, folklore, mythological, and linguistic aspects. Directions were set by the thorough work that began in the 1983 edition, and especially in the 1990 edition. The bulk of research on Narbutov's texts and biographical facts was carried out in the funds of the Odessa Literary Museum and the Odessa National Library named after A.M. Gorky (Odessa periodicals of the 1920s), in state and private archives and funds of Moscow, including the Manuscript Department, the main and newspaper funds of the Russian State Library, in the department of manuscripts of the Russian State Archive of Literature and Arts, in the archives of the Federal Security Service, the Russian State Archive of Socio-Political History, the State Archive of the Russian Federation.

Keywords: Vladimir Narbut, Leonid Chertkov, author's last will, archive of Viktor Shklovsky

For citation: Kozhukharov, R.R. (2022) The collected works of V. Narbut: archives, texts and approaches. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 125–140. doi: 10.17223/23062061/28/8

Последний прижизненный поэтический сборник Владимира Нарбута вышел в 1922 г. Начатая поэтом в 1930-е гг. работа по подготовке книги избранных стихотворений «Спираль» была прервана его арестом и впоследствии трагической гибелью на Колыме в 1938 г.

С тех пор отдельные издания произведений Нарбута выходили трижды: в 1983 г. во Франции поэтом Леонидом Чертковым был составлен сборник «Владимир Нарбут. Избранные стихи», Н. Панченко и Н. Бялосинская подготовили книгу «Владимир Нарбут. Стихотворения», изданную в 1990 г. в СССР.

В 2018 г. в издательстве ОГИ вышел том «Владимир Нарбут. Собрание сочинений. Стихи, переводы, проза». Третье за без малого сто лет обращение к творчеству одного из самобытнейших поэтов эпохи в контексте подготовки отдельного собрания его художественных произведений актуализировало вопрос выработки подходов, которыми следовало руководствоваться при составлении корпуса текстов готовящегося собрания. Ключевым здесь представлялось осмысление опыта подготовки предыдущих отдельных изданий 1983 и 1990 гг., а также – научно комментированных публикаций произведений Нарбута, осуществленных ис-

следователями в литературной периодике конца XX – начала XXI в. [1. С. 313–355; 2. С. 106–123; 3. С. 55; 4. С. 399]¹.

Леонид Чертков «заведомую неполноту» составленного и выпущенного им в 1983 г. сборника Нарбута обосновывает так: «Настоящее издание является первой попыткой собрания стихов поэта, чьи произведения в высшей степени неравноценны» [6. С. 243]. Далее составитель уточняет: «Во-первых, за пределами книги остается много „проходных“ стихов, печатавшихся в периодике 10-х гг. (или оставшихся в рукописи), когда Нарбут, по словам его друга М. Зенкевича, пытался существовать на гонорары от стихов. Другое значительное изъятие касается стихов 1917–1922 гг., когда он, став коммунистом, в значительной степени подчинил свое творчество агитационным задачам (отсюда мы выбрали всего несколько стихотворений). <...> И, наконец, из последнего периода 30-х г. мы выбрали лишь те стихи, которые в большей мере отвечают критерию художественности. Помимо этого мы вынуждены были оставить пока без внимания правку основного корпуса стихов для готовившегося Нарбутом перед арестом сборника „Спираль“» [Там же. С. 243].

Издание 1983 г., впервые после более чем полувекового перерыва представило подробный очерк жизни и творчества Нарбута и «лучшее из лучшего» в его поэзии. Однако избирательный подход, которым Чертков руководствовался, решая сверхзадачу по возвращению имени Нарбута из небытия, как следует из озвученных самим составителем установок, предполагал учёт не только «воли автора, который собрал свои основные стихи в одну серию сборников, „советские“ – в другую, а к „проходным“ первого периода вообще никогда не возвращался» [Там же. С. 243], но и вкуса Черткова-поэта, опиравшегося на собственное понимание «художественных критериев», а также политические предпочтения (уточнение по поводу стихов 1917–1922 гг.).

Например, попытки разделить в нарбутовских сборниках «Плоть» или «Советская земля» «основные» и «советские» стихи, следуя предложенной Чертковым классификации, превращаются в трудноразрешимую задачу. Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод о том, что понимание того, где проходит водораздел между «агиткой» и «поэзией как таковой», в восприятии самого Нарбута и в восприятии составителя нарбутовского сборника 1983 г. все-таки разнилось.

Свидетельство М. Зенкевича о том, что Нарбут в 1910-е гг. пытался существовать на гонорары от стихов, подтверждается и признанием само-

¹ Образцом комментирования нарбутовской прозы можно считать подготовленную Р.Д. Тименчиком публикацию «Блок – советник студенческого журнала. Блок и литераторы» [5. С. 546–548].

го поэта, сделанным в ходе партийного разбирательства 1927–1928 гг., закончившегося смещением Нарбута с руководящих постов и исключением из ВКП(б): «В Петербурге, получая вместе с братом из дому 25 рублей в месяц, вынужден был искать заработок для поддержания своего существования. Любовь к литературе (в гимназии и попозже я пописывал стихи, очерки и рассказы) толкнула меня на путь журнально-газетной работы. Постепенно я прошел едва ли не все ступени этой работы: был хроникером, корреспондентом, рецензентом, популяризатором, переводчиком, редактором, – словом, мало-помалу сделался писателем, литератором» [7. С. 5]. Однако возможно предположить, что нежелание Нарбута возвращаться к некоторым своим дореволюционным публикациям было связано не только с тем, что он считал эти произведения «проходными» и напечатанными исключительно ради заработка, но обусловлено причинами более глубокими, онтологическими, связанными с историческими переменами, произошедшими в стране и в судьбе самого поэта.

Дореволюционные поэтические публикации Нарбута демонстрируют укоренённость его художественного мира в христианском мировоззрении, позволяя рассматривать раннюю лирику поэта в контексте духовной поэзии [2. С. 106–123]. Этой же тенденцией отмечена печатавшаяся до революции проза – очерки и рассказы, создаваемые с оглядкой на идейно-тематический план и жанровые формы святочного и пасхального рассказа.

Без осмысления этого обширного пласта художественного наследия представляется весьма сложным проследить, например, аспекты укоренённости в православном контексте художественного мира поэта, «в том неканоническом, народном его проявлении, с которым легко уживается так называемая „малая мифология“, фольклорная демонология, тот „лес народных поверий и суеверий“, о котором писал Блок» [8. С. 23].

Противоречивое, на первый взгляд, решение Нарбута связать в 1917 г. свою судьбу с большевизмом, как это ни парадоксально звучит, соотносится с траекторией следования идеалам демократизма и социальной справедливости, пронизанным евангельским мироощущением. Этой траекторией отмечена и галерея образов-портретов сборника 1912 г. «Аллилуиа»¹, и написанный годом позже рассказ «Пелагея Петровна», интонированный антиклерикальным пафосом, озаренный отсветами надвигающегося революционного пожара.

Н. Бялосинская и Н. Панченко указывают на то, что общественный темперамент Нарбута «определяет всю дальнейшую (и поэтическую)

¹ Название книги существует в трех вариантах написания: «Аллилуиа» (авторское, повторенное дважды на обложках изданий 1912 и 1922 гг., старославянским и гражданским шрифтом соответственно), «Аллилуйя» и «Аллилуйя» (оба встречаются в статьях и работах о Нарбута).

жизнь и судьбу, столь же противоречивую, сколь и прямолинейную» [8. С. 26].

Нарбут последовательно реализует свою по пунктам расписанную акмеистическую программу в контексте органичной для мировосприятия поэта новозаветной тематики¹. Как и в дореволюционных стихотворных и прозаических публикациях, в своей послереволюционной лирике Нарбут последовательно обращается к евангелическим сюжетам. Настойчивость, с которой Нарбут это делает, в русской поэзии XX в. сопоставима, пожалуй, лишь с примером Бродского и путеводным в его творческой эволюции рождественским циклом.

Библейский контекст в стихах 1920-х гг., отнесенных Л. Чертковым к разряду «агитационных», порой переосмысливается с богоборческих позиций: «Что мощей покров парчовый, // Церковь, дряхлая хозяйка». Таков пафос стихотворений «Развернулось сердце розой...» [9. С. 4], «Красный акафист» [10. С. 1], «Наше Рождество» [11. С. 3] и др. Однако неизменно присутствует ключевой в поэтике Нарбута мотив пасхального тропаря «смертию смерть поправ»: «Ты смертию смерть поборол, пролетарий // Из мертвых восстал ты в победной борьбе!» («Ты видишь, рабочий? – Над Киевом белый...» [12. С. 1]), «И не Христос восстал из мертвых, а Солнценосный Коминтерн!» («Первомайская Пасха» [13. С. 14]).

Как поэтическое воплощение настойчивого стремления Нарбута преодолеть мучительную «несогласуемость» интенции поэта и запросов времени, внешних обстоятельств и внутренних установок, можно расценивать стихотворение «Рождественская звезда» [14. С. 2], написанное в Харькове 25 декабря 1921 г.:

Как в далеком детстве, со звездой,
По снегам рождественским бродить,
Жизни с мудростью ее простою
Все дурное за вечер простить...

Чтобы звонкий, ясный, молодой мороз
С месяцем окрепшим, с тишиною рос;
Чтобы все закуты, все углы души
Нега тюлем дрёмы заткала в тиши.

¹ См. перечень «Книги Владимира Нарбута» в рукописи опубликованного в корпусе «Собрания сочинений» сборника «Книга стихов IV», где уже вышедшим и задуманным автором сборникам дана единая сквозная нумерация. В частности указано: «Готовятся: // Вий. Книга V стихов. // И вочеловечшася. VI книга стихов» [24. Л. 1].

Взрослые, – с пятиконечной, алой, –
Бродим по свету мы со звездой.
Пением «Интернационала»
Колядуем, с тьмой вступая в бой.

Чтобы пролетарий новый мир воздвиг, –
Мир без крепостного рабства, без вериг:
Чтобы в человеках днесь и навсегда
В душах, солнцем ставших, умерла вражда!

Трагические перипетии революции и Гражданской войны, ряд ситуаций на грани жизни и смерти вынуждают поэта утвердиться в тезисе, сформулированном еще до 1917 г.: «...но нельзя не считаться с действительностью». Новая, послереволюционная действительность, в которую с головой погрузился Нарбут, формировала принципиально новый ракурс восприятия не только тех или иных поэтических тем, но и поэзии как таковой. Красноречиво в этой связи высказывание И. Лежнева, датированное 1924 г.: «И трижды прав Вл. Нарбут, несомненно один из интереснейших поэтов нашего времени, что, посвятив себя политической работе, он отсек художественную, – и стихов сейчас не пишет „принципиально“. Работа его в Ц.К.Р.К.П. совершенно отчетлива, ясна, прямолинейна, рациональна до конца. Поэтическое же творчество по самой природе своей иррационально, и „совместительство“ было бы вредно для обоих призваний. Здесь у Нарбута – не только честность с самим собой, которой в наше время не хватает многим и многим; здесь еще и здоровый эстетический инстинкт художника, которого лишены наши бесталанные соискатели этого блистательного звания» [15. С. 187].

Сам поэт в автобиографии 1927 г. характеризует создавшуюся ситуацию так: «Стихи бросил писать в 1921 году (последнюю книжку старых стихов выпустил в 1922 г.; в 1920 и 1921 гг. издал два сборника революционных стихов), твердо учитывая бесполезность и ненужность в настоящее время подобного рода занятий» [7. С. 2].

В связи с этим приходится констатировать, что избирательный подход, какими бы принципами он не был мотивирован: эстетическими предпочтениями либо политическими взглядами, идеологической конъюнктурой, – приводит к ситуации «значительных изъятий» и в творческой биографии, и в поэзии, а следовательно, в искажении восприятия целостной картины художественного мира автора.

Показательно, что Л. Чертков оставляет без внимания правку основного корпуса стихов для готовившегося Нарбутом перед арестом сборника «Спираль», на что указывает в примечаниях. С одной стороны, соста-

витель нарушает принцип последней воли автора, которому сам старается следовать. Однако в данном случае, очевидно, учитывался контекст времени и ситуации, в которой Нарбут, в преддверии ареста в октябре 1936 г., готовил к печати свою, как оказалось, последнюю и так и не изданную книгу избранного, внося в стихи правки, обусловленные, как можно предположить, не только и не столько творческой эволюцией, сколько общественно-политической ситуацией в целом и ситуацией обстановки, в которой поэт оказался после исключения из партии и которую он сам красноречиво описывает в заявлении в ЦКК: «Вымышленная, болезненная обстановка, отягощающая и без того крайне тяжелое моё моральное состояние и ставящая меня на положение буквально „зачумленного“ человека» [16. С. 102].

В любом случае реализация этих принципов и подходов обусловила наличие в первом посмертном издании стихотворений поэта, как констатирует Чертков, «значительных изъятий».

Н. Бялосинская и Н. Панченко, осуществляя подготовку издания 1990 г., выбирают «предложенное самим Нарбутом построение в составленной им рукописи избранного „Спираль“» [8. С. 404]. То есть и здесь на уровне композиции демонстрируется следование принципу последней воли автора. Ключевое слово «избранное» и в данном случае обуславливает приоритет избирательного подхода, органично реализованного Чертковым в первом посмертном издании стихов Нарбута 1983 г.

Однако очерченные «Спиралью» структурные рамки воспринимаются составителями издания 1990 г. как слишком тесные, вынуждая изменить композицию корпуса нарбутовских текстов. Составители мотивируют это обнаруженными в прижизненных публикациях и в архивах стихами, в том числе рукописью книги «Казненный Серафим». Более того, наряду с основным, избранным, в структуре издания 1990 г. формируется приложение, куда помещаются стихи Нарбута разных лет: «юношеские, агитационные, экспериментальные („научные“), найденные незавершенными в черновиках» [8. С. 404]. Таким образом, несмотря на декларирование следования композиционному замыслу «Спирали» и принципу избирательности, разграничивающему нарбутовское художественное наследие, с одной стороны, на «поэзию как таковую» и, с другой – на «агитки», «проходные» и «советские» стихи, фактически составители издания 1990 г. стремятся к полноте в воссоздании сложной и противоречивой картины художественного мира Нарбута.

Обусловленная избирательным подходом проблема «наличия отсутствия... значительных изъятий» в творческом наследии Нарбута соотносится со значительными изъятиями в творческой биографии поэта, про-

воцирующими ситуацию инсинуаций и домыслов, фиксируемую составителями издания 1990 г.: «Стоит показать стихи Нарбута в современном кругу поэтов или читателей, как почти обязательно следует реплика: «Какие замечательные (прекрасные, удивительные и т.п.) стихи! Но что-то с этим Нарбутом было... То ли он зверствовал в ЧК (варианты: „кого-то расстреливал“, „какой-то страшный человек“» [8. С. 7–8].

Теснейшая корреляция трагических перипетий жизни Нарбута с «геологическим переворотом» революции 1917 г. и Гражданской войны обусловила двусмысленную зависимость посмертной судьбы творческого наследия поэта от контекста эпохи, диаметрально противоположных и взаимоисключающих установок в восприятии ключевых событий русской и мировой истории XX в. В этой связи показателен отзыв на первое посмертное издание стихотворений Нарбута, выпущенное в 1983 г. в Париже Леонидом Чертковым: «Кто такой Владимир Нарбут? Вопрос не праздный, поскольку поэта этого забыли дважды. Точнее – с двух сторон забыли» [17. С. 419].

Констатируя ключевую для творческой эволюции Нарбута проблему «белых пятен» в контексте его биографии, Л. Чертков предпосылает корпусу избранных стихотворений развернутый, насыщенный ценнейшими фактами и отсылками очерк жизни и творчества поэта. Стремящееся к полноте жизнеописание вкупе с подробными примечаниями положило начало серьезным изысканиям в области нарбутоведения.

Композиция издания 1990 г. также состоит из трех частей: очерка жизни и творчества поэта, стихотворений и примечаний. Корпус художественных текстов дополнен письмами Нарбута из заключения ко второй жене С.Г. Суок. Примечания в издании, подготовленном Н. Бялосинской и Н. Панченко, в сравнении с изданием 1983 г. «прирастают» за счет применения реального комментария, текстологических изысканий, фиксирующих случаи разночтений.

Таким образом, в изданиях и 1983 г., и 1990 г. в той или иной степени воплощается стремление к полноте как единственной возможности преодоления проблемы идейно-эстетических, онтологических противоречий трагической судьбы Нарбута, посмертного бытия его художественного наследия.

Подготовка собрания сочинений Нарбута предполагалась во взаимосвязи двух направлений: во-первых, продолжения работы по устранению «белых пятен» в биографии поэта и, во-вторых, формирования наиболее полного свода художественных произведений Нарбута, впервые дополненного, помимо стихотворных текстов, прозой и переводами.

В контексте первого направления ключевым можно считать знакомство с «партийным» делом Нарбута, которое находится в РГАСПИ, а также с хранящимся в архиве ФСБ следственным делом группы украинских писателей-националистов, в составе которой Нарбут был арестован, осужден и отправлен на Колыму. В своё время составителю собрания сочинений Нарбута удалось обнаружить в РГАСПИ отдельные, датированные 1927–1928 гг. протоколы ЦКК, касающиеся противостояния Нарбута и А.К. Воронского. Однако целиком персональное дело поэта в РГАСПИ было найдено исследователями Д.М. Фельдманом и О. Киянской. Документы партийного разбирательства, хранящиеся в этой папке, не только устраняют многие неясности и уточняют подробности «беспокойной и трагичной» судьбы поэта, но и содержат отсылки к его художественному наследию, которое в ходе партийного разбирательства использовалось оппонентами Нарбута в качестве изобличающих улик.

Вот выдержки из стенограммы одного из заседаний: «А. Воронский: тов. Нарбут – человек, который раньше писал в „Новом времени“. Запишите это. Писал в 1922 г. стихи „Надежда Петровна“, вышла в 1922 г., когда вы были коммунистом, невероятно порнографического содержания (Нарбут с места: это неверно)» [18. С. 24]. В приложении к партийному делу, вместе с экземплярами сборников «Плоть» и «Александра Павловна», в качестве «вещественных доказательств» содержатся черновик нарбутовского стихотворения «В вагоне» (опубликованного в 1922 г. в одесском журнале «Зритель» под названием «Железная дорога»), а также машинопись текста стихотворения Нарбута «На закате», опубликованного в 1913 г. в приложении к «реакционной» газете «Новое время» и больше не печатавшегося.

Ценным в контексте проблематики биографии и библиографии Нарбута стало уточнение подробностей другого отмеченного скандалом противостояния, в которое поэт оказался вовлечен в роковом для него и страны 1917 г. В октябре 1917 г. в Глухове, на своей малой родине, Нарбут принимает участие в кампании по выборам «в гласные уездного земства», что провоцирует резкую полемику на страницах местной газеты «Известия Глуховского совета солд., раб. и крестьянских депутатов». Оппонент поэта на выборах, редактор глуховских «Известий» М.И. Буримов в одной из статей, направленных на дискредитацию «большевика» и «футуро-интернационалиста» Нарбута, в частности, сообщает, что два с половиной года назад (т.е., в 1915 г.) тот подвизался в официозной губернской газете «Черниговское слово», помещая там свои «поэзы», воспевающие «грабительскую» Первую мировую войну [19. С. 2–3].

Данный пассаж и тут же в заметке процитированное стихотворение Нарбута «Вперед» отсылают к циклу произведений, посвященных событиям Первой мировой войны, сражениям и подвигам солдат Русской армии и опубликованных Нарбутом весной 1915 г. в газете «Черниговское слово».

Еще один пласт произведений Нарбута, не печатавшихся со времени первопубликации и связанных с военной тематикой, относится к ключевому в творческой биографии поэта одесскому периоду и связан с советско-польской войной 1920 г.¹ Созданные в это время стихи, с одной стороны, попадают в разряд «агитационных», но с другой – далеко этим определением не исчерпываются. Они не только пронизаны духом времени («не жить и не родиться б в эти дни...», «Дворянской кровию отяжелев...» [21. С. 2]), но и насыщены историческим контекстом, фактами и деталями нового быта и бытия.

В данном случае, как и в целом в отношении текстов собрания сочинений, актуализировался вопрос использования реального комментария в качестве основного подхода при подготовке примечаний с учётом биографического, исторического, литературного, фольклорного, мифологического, языкового аспектов. Во многом направления здесь были заданы кропотливой работой, начатой в издании 1983 г. и в особенности – в издании 1990 г.

Основной объем изысканий в отношении нарбутовских текстов и биографических фактов, помимо одесских архивов и фондов, осуществлялся в государственных и частных архивах и фондах Москвы, в том числе, в рукописном отделе, основном и газетном фондах РГБ, в отделе рукописей РГАЛИ [22], в архивах ФСБ [23], РГАСПИ, ГАРФе.

Неоценимую помощь во время работы с одесской периодикой 1920-х гг., хранящейся в фондах Одесского литературного музея и Одесской национальной библиотеки, оказали А.Л. Яворская и О.М. Барковская. Фотокопии «Студенческого сборника» 1909 г. с подборкой стихотворений и рассказом «Часы», которую сам Нарбут считал началом своего поэтического пути, для собрания сочинений предоставил известный краевед, культуролог, журналист и собиратель Е.М. Голубовский.

Корпус художественных произведений Нарбута представлен тремя частями: «Стихи», «Проза», «Переводы». Расположение текстов в каждой из частей осуществлено с опорой на хронологический принцип, однако в

¹ Этот стихотворный цикл Нарбута 1920 г. подробно рассмотрен в статье «Стихи о войне Владимира Нарбута» [20. С. 105–112].

части «Стихи» некоторые разделы выделены тематически, в соотнесении с общей установкой на сохранение хронологической канвы.

Тематические разделы соответствуют опубликованным при жизни поэтическим сборникам Нарбута, подготовленным самим поэтом, но не изданным рукописям сборников (за исключением сборника «Спираль»), а также стихотворным циклам.

Например, тематический раздел «Стихи о войне», куда включены одноименный цикл и примыкающие к нему стихи одесского периода, окружают хронологические разделы «Советская земля (1918–1921)» и «Стихотворения 1921–1923». К такому соотнесению тематического контекста и хронологии устремлена композиция стихотворного корпуса в целом.

В частности, опубликованы произведения из подготовленной поэтом к печати в 1913 г., но не вышедшей в свет рукописи «Книга стихов IV» [24]. В одноименном разделе помещены только те стихотворения из рукописи, которые не публиковались в прижизненных книгах Нарбута. Исключение составляет первое в рукописи 1913 г. стихотворение: «Неразвернувшейся душой – медвежий», впоследствии в существенно переработанном виде открывшее сборник «Плоть». Эти стихи, по сути, являются стихотворным манифестом «адамизма», провозглашая: «И нам ли ныть, когда мы все – Адамы?! // Да здравствует вселенский адамизм!» Показательно, что эхо этой эстетической программы, вырабатывавшейся в русле акмеистических исканий еще в 1912 г., находит отклик и в «агитационных» стихах нового, большевистского времени. Например, в стихотворении «Мы» есть такие строки:

(На крик в ночи) – «Глядите в оба»,
Твердит РАБФАК и ФАБРЗАВУЧ,
И не в обузу им учеба,
А яблоком – на грудь, из туч.
Мы, коллективные Адамы,
Расколдовали Т – Д – Т,
Над молотами мы упрямы
В передрабассветной темноте.

Для упомянутых в стихах аббревиатур «РАБФАК», «ФАБРЗАВУЧ», а также сокращенного обозначения формы товарного обращения «товар – деньги – товар» необходим комментарий, что и осуществляется в примечаниях.

С приведенными строками «агитационного» стихотворения «Мы» [25. С. 3] перекликаются нарбутовские строки: «Огромным яблоком Адама // Земля летела в темноте». Данный фрагмент, наряду с другими от-

рывками и набросками отдельных строф и строк, хранится в собрании внучки поэта Т.Р. Романовой, которое включает и архив рукописей, и машинописные тексты стихотворений Нарбута, уже известных по публикациям 1983 и 1990 гг. и ранее находившихся у В.Б. Шкловского.

Т.Р. Романова любезно предоставила возможность ознакомиться с архивом. Несомненная историко-литературная и художественная ценность обнаруженного поэтического материала обусловила необходимость формирования в составе стихотворной части тома отдельного раздела «Отрывки и черновые наброски 1920–1930-х годов».

Необходимо отметить, что черновики некоторых стихотворений, опубликованных в издании 1990 г. со ссылкой на архив Шкловского, в собрании Т.Р. Романовой отсутствовали.

Черновые записи фиксируют кропотливый поиск поэтом точного слова, рифм, поэтических образов. Нередко Нарбут создает несколько редакций произведения (например, стихотворения «Ялта», «Чехов», «Воспоминания о Сочи-Мацесте»). Включая в свои сборники стихи, ранее опубликованные в периодике, поэт нередко подвергал их переработке, порой значительной (например, стихотворение «В парикмахерской (уездной)», «Бродяга» и др.). Итоги текстологической работы по сопоставлению различных вариантов публикаций текстов, а также, в случае их наличия, черновых редакций, выявленные разночтения представлены в примечаниях.

Тексты раздела «Александра Павловна» опубликованы по изданию 1990 г., учитывавшему авторскую волю, отраженную в «Спирали». Отрывки одноименной поэмы дополнены текстом «Крыжние в зеленом росном небе...», который воспроизведен по рукописи, хранящейся в архиве Нарбута в РГАЛИ [22. Л. 2]. В издании 1990 г. эти стихи даны в разделе «Александра Павловна» под названием «Вечер», не в составе поэмы. Хранящаяся в РГАЛИ рукопись «Александры Павловны» включает две пронумерованные главки: 1. Детская весна («Оранжевые радужные перья...»); 3. Вечер («Крыжние в зеленом росном небе...»), что позволяет рассматривать данные стихи как составные части, «отрывки» поэмы. Этот вариант авторской композиции и представлен в собрании сочинений с соответствующими уточнениями в примечаниях.

Публикация стихотворного цикла «Семнадцатый» требовала учёта разночтений, воплощенных сначала в первопубликациях в одесской периодике 1920 г., потом в сборнике «Советская земля» (1921), а затем – в рукописи «Спирали» (отраженных в издании 1990 г.).

Представленные в собрании сочинений переводы стихотворений Темирболат Мамсурова и Магомета Мамакаева выполнены Нарбутом для сборника «Поэзия горцев Кавказа», вышедшего в Гослитиздате в 1934 г.

Нарбутовские переводы произведений Ивана Франко и Марии Конопницкой, на наличие которых указывали в своё время исследователи, отыскать пока не удалось.

В составе собрания сочинений впервые представлен корпус прозаических произведений Нарбута. В его прозе в не меньшей степени, чем в поэзии, нашло отражение акмеистическое внимание к «существованию вещи» и «собственному бытию». Показательны в этом отношении и ранние очерки «Соловецкий монастырь» [26. С. 14–18], «Святки в Малороссии» [27. С. 394–396], и рассказы 1913 г. «Пелагея Петровна» [28. С. 933–936], «Свадьба» [29. С. 1–7], и, наконец, созданные после революции мемуарные очерки «Король в тени. Воспоминания о В.М. Дорошевиче» [30. С. 6–7] и «О Блоке. Ключки воспоминаний» [31. С. 2–3].

Жанровое своеобразие созданных Нарбутом литературных портретов («ключки»), с одной стороны, соотносится с формальными исканиями поэта, для которого в 1920-е гг. фрагментарность становится ключевым принципом воплощения замысла (намеренная отрывочность «Александры Павловны», наброски и отрывки как форма бытования поэзии в его рукописях 1930-х гг.). В то же время мемуарные очерки насыщены историко-литературными фактами, подробностями быта, времени, нуждающимися в комментариях.

Уточнение границ художественного наследия Нарбута продолжается, как и изыскания, связанные с творческой биографией поэта. Несомненный историко-литературный интерес представляет общественная деятельность Нарбута, в частности его работа в ВАППе, период руководства Нарбутом крупнейшим в Советской России 1920-х гг. издательством художественной литературы «Земля и фабрика». Всё это – шаги на пути, начатом Л. Чертковым и продолженным Н. Бялосинской и Н. Панченко, Р. Тименчиком, Н. Богомоловым, И. Померанцевым, О. Лекмановым и другими, – по воссозданию целостной картины неповторимого художественного мира одного из самобытнейших поэтов XX в.

Список источников

1. Нарбут Т., Устиновский В. Владимир Нарбут // Ново-Басманная. 19. 1990. С. 313–355.
2. Померанцев И. Духовная поэзия Нарбута // Новый журнал (Нью-Йорк). 1998. Кн. 212. С. 106–123.
3. Тименчик Р.Д. К вопросу о библиографии В.И. Нарбута // De Visu. 1993. № 11. С. 55–58.
4. Богомолов Н.А. Затерянная книга, затерянное стихотворение // Новое литературное обозрение. 2009. № 99. С. 397–403.
5. Тименчик Р.Д. Блок – советник студенческого журнала. Блок и литераторы // Александр Блок. Новые материалы и исследования : в 5 кн. Кн. 4. Литературное наследство. Т. 92. М. : Наука. 1987. С. 546–549.

6. Чертков Л. Судьба Владимира Нарбута // Владимир Нарбут. Избранные стихи. Париж, 1983. С. 7–28.
7. Нарбут В. Автобиография от 13 мая 1927 г. Персональное партийное дело // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. С. 1–5.
8. Бялосинская Н., Панченко Н. Косой дождь // Владимир Нарбут. Стихотворения. М., 1990. С. 5–44.
9. Нарбут В. В огненных столбах. Одесса, 1920. С. 4.
10. Нарбут В. Красный акафист // ОдУкрОСТА. Одесса. 1920. № 113 (20 авг.) С. 1.
11. Нарбут В. Наше рождество // Коммунист. Харьков, 1922. № 6 (598) (7 янв.). С. 3.
12. Владимир Нарбут. Стихи о войне // ЮгРОСТА. 1920. № 47 (3 июня). С. 1.
13. Владимир Нарбут. Советская земля. Харьков, 1921. С. 14.
14. Владимир Нарбут. Рождественская звезда // «Вісти – Известия» (Одесса). 1922. 7 янв. № 629. С. 2.
15. Лежнев И. Где же новая литература? // Россия. 1924. № 1. С. 179–203.
16. Нарбут В. Заявление секретарю ЦКК Шкирятову от 23 ноября 1928 г. Партийное дело // РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 2. Д. 4907. С. 102.
17. Владимир Нарбут. Избранные стихи <Рецензия на книгу, без подписи> / Коротко о книгах // Континент. 1984. № 39. С. 419–421.
18. Заявление А. Воронского на заседании расширенной коллегии отдела печати ЦК ВКП(б), 14.VII.1927 // Персональное дело В.И. Нарбута. 1927. С. 24.
19. Интернационалист <без подписи> // Известия Глуховского Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. 1917. № 34 (11 окт.). С. 2–3.
20. Кожухаров Р. Стихи о войне Владимира Нарбута // Звезда. СПб. : 2018. № 3. С. 105–112.
21. Владимир Нарбут. «Дворянской кровию отяжелев...» // Облава. Одесса: 1920. № 2. С. 2.
22. Архив Владимира Нарбута // РГАЛИ. Ф. 1687 (Нарбут В.И.). Оп. 1.
23. ЦА ФСБ РФ. Д. Р-11774.
24. Нарбут В. Книга стихов IV. (Неосуществленное издание.) Рукопись 1913 г. НИОР РГБ // Ф. 178. Музейное собрание. Ед. хр. 10755. 138 с.
25. Нарбут В. Мы // Харьковский понедельник. 1923. № 4. 9 янв. С. 2.
26. Нарбут В. Соловецкий монастырь. Бог – помощь. Беседа. 1908. Авг. С. 14–18.
27. Нарбут В. Святки в Малороссии. Рождественский бытовой очерк. Сборник русского чтения. 1908. № 50–52. С. 394–396.
28. Нарбут В. Пелагея Петровна // Нива. 1912. № 46–47. С. 933–936.
29. Нарбут В. Свадьба // Север. СПб., 1913. № 14. С. 1–7.
30. Нарбут В. Король в тени. Воспоминания о В.М. Дорошевиче // Театр. Одесса. 1922. № 2 (4 апр.). С. 6–7.
31. Нарбут В. О Блоке. Ключки воспоминаний // Календарь искусств. Харьков. № 1 (5 янв.). С. 2–3.

References

1. Narbut, T. & Ustinovskiy, V. (1990) Vladimir Narbut. In: Bogomolov, N.A. (ed.) *Novo-Basmannaya, 19*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 313–355.
2. Pomerantsev, I. (1998) *Dukhovnaya poeziya Narbuta* [Spiritual poetry of Narbut]. *Novyy zhurnal (N'yu-York)*. 212. pp. 106–123.
3. Timenchik, R.D. (1993) K voprosu o bibliografii V.I. Narbuta [On the Bibliography of V.I. Narbut]. *De Visu*. 11. pp. 55–58.

4. Bogomolov, N.A. (2009) Zatoryannaya kniga, zatoryannoe stikhotvorenie [Lost book, lost poem]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 99. pp. 397–403.
5. Timenchik, R.D. (1987) Blok – sovetnik studencheskogo zhurnala. Blok i literary [Blok as an adviser to the student magazine. Blok and writers]. In: Zilbershteyn, I.S. & Rozenblyum, L.M. (eds) *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniya* [Aleksander Blok. New materials and research]. Vol. 92(4). Moscow: Nauka. pp. 546–549.
6. Chertkov, L. (1983) Sud'ba Vladimira Narbuta [The fate of Vladimir Narbut]. In: Narbut, V. *Izbrannye stikhi* [Selected Poems]. Paris: [s.n.]. pp. 7–28.
7. Narbut, V. (1927) *Avtobiografiya ot 13 maya 1927 g. Personal'noe partiynoe delo* [Autobiography of May 13, 1927. Personal party case]. The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 589. List 2. File 4907. pp. 1–5.
8. Byalosinskaya, N. & Panchenko, N. (1990) Kosoy dozhd' [Slanting rain]. In: Narbut, V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Sovremennik. pp. 5–44.
9. Narbut, V. (1920a) *V ognennykh stolbakh* [In pillars of fire]. Odessa: [s.n.]. p. 4.
10. Narbut, V. (1920b) Krasnyy akafist [The red akathist]. *OdUkROSTA*. 20th August. p. 1.
11. Narbut, V. (1922a) Nashe rozhdestvo [Our Christmas]. *Kommunist*. 7th January. p. 3.
12. Narbut, V. (1920c) Stikhi o voyne [Poems about war]. *YugROSTA*. 3rd June. p. 1.
13. Narbut, V. (1921) *Sovetskaya zemlya* [The Soviet land]. Kharkov: [s.n.]. p. 14.
14. Narbut, V. (1922b) Rozhdestvenskaya zvezda [Christmas Star]. *Visti – Izvestiya*. 7th January. p. 2.
15. Lezhnev, I. (1924) Gde zhe novaya literatura? [Where is the new literature?]. *Rossiya*. 1. pp. 179–203.
16. Narbut, V. (1928) *Zayavlenie sekretaryu TsKK Shkiryatovu ot 23 noyabrya 1928 g. Partiynoe delo* [Statement to the Secretary of the Central Control Commission Shkiryatov dated November 23, 1928. Party case]. The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 589. List 2. File 4907. p. 102.
17. Narbut, V. (1984) Izbrannye stikhi <Retsenziya na knigu, bez podpisi> / Korotko o knigakh [Selected poems <Review of the book, without signature> / Briefly about books]. *Kontinent*. 39. pp. 419–421.
18. Voronskiy, A. (1927) *Zayavlenie A. Voronskogo na zasedanii rasshirennoy kollegii otdela pechati TsK VKP(b), 14.VII.1927. Personal'noe delo V.I. Narbuta* [Statement by A. Voronsky at a meeting of the Expanded Board of the Press Department of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 14.VII.1927 / Personal file of V.I. Narbut]. p. 24.
19. Anon. (1917) Internatsionalist [Internationalist]. *Izvestiya Glukhovskogo Soveta soldatskikh, rabochikh i krest'yanskikh deputatov*. 11th October. pp. 2–3.
20. Kozhukharov, R. (2018) Stikhi o voyne Vladimira Narbuta [Vladimir Narbut's war poems]. *Zvezda*. 3. pp. 105–112.
21. Narbut, V. (1920d) Dvoryanskoy kroviyu otyazhelev... [Heavy with noble blood]. *Oblava*. 2. p. 2.
22. The Russian State Archive of Literature and Art. (n.d.) *Arkhiv Vladimira Narbuta* [The Archive of Vladimir Narbut]. Fund 1687 (Narbut V. I.). List 1.
23. The Central Archive of the FSB RF. File R-11774.
24. Narbut, V. (1913) *Kniga stikhov IV. (Neosushchestvlennoe izdanie.) Rukopis' 1913 g.* [Book of Poems IV. (An unrealized edition). Manuscript 1913]. The Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. Fund 178. File 10755.
25. Narbut, V. (1923a) My [We]. *Khar'kovskiy ponedel'nik*. 4. 9th January. p. 2.
26. Narbut, V. (1908a) Solovetskiy monastyr'. Bog – pomoch' [Solovetsky Monastery. God is to help. Conversation]. *Beseda*. August. pp. 14–18.

27. Narbut, V. (1908b) Svyatki v Malorossii. Rozhdestvenskiy bytovoy ocherk [Christmas time in Little Russia. A Christmas household essay]. *Sbornik russkogo chteniya*. 50–52. pp. 394–396.
28. Narbut, V. (1912) Pelageya Petrovna. *Niva*. 46–47. pp. 933–936.
29. Narbut, V. (1913) Svad'ba [Wedding]. *Sever*. 14. pp. 1–7.
30. Narbut, V. (1922c) Korol' v teni. Vospominaniya o V.M. Doroshevice [King in the shadows Memories of V. M. Doroshevich]. *Teatr*. 2(4th April). pp. 6–7.
31. Narbut, V. (1923b) O Bloke. Klochki vospominaniy [Shreds of memories]. *Kalendar' iskusstv*. 1(5th January). pp. 2–3.

Сведения об авторе:

Кожухаров Р.Р. – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А.М. Горького (Москва, Россия). E-mail: r_k_md@mail.ru

Information about the author:

Kozhukharov R.R. – Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Moscow, Russian Federation). E-mail: r_k_md@mail.ru

*Статья поступила в редакцию 28.09.2020;
одобрена после рецензирования 31.05.2021; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 28.09.2020;
approved after reviewing 31.05.2021; accepted for publication 14.03.2022*

Научная статья
УДК: 002.2 : 004 : 371.6
doi: 10.17223/23062061/28/9

МИРОВОЙ РЫНОК ЦИФРОВЫХ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Вера Юрьевна Баль¹, Полина Борисовна Скидан²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *balverbal@gmail.com*

² *p.skid@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется процесс изменения рынка учебных изданий под влиянием цифровой трансформации. Показано, что расширение разнообразия цифровых устройств, изменение потребностей целевой аудитории и развитие новых образовательных практик способствуют появлению и росту новых ниш на мировом рынке учебных изданий. Обосновываются две стратегии производства электронных учебных продуктов: издательский изоляционизм и производственные тандемы с технологическими компаниями.

Ключевые слова: цифровые учебные издания, электронный учебник, e-learning, EdTech

Для цитирования: Баль В.Ю., Скидан П.Б. Мировой рынок цифровых учебных изданий: перспективы развития // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 141–158. doi: 10.17223/23062061/28/9

Original article

THE WORLD MARKET OF DIGITAL EDUCATIONAL EDITIONS: DEVELOPMENT PROSPECTS

Vera Y. Bal¹, Polina B. Skidan²

^{1, 2} *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *balverbal@gmail.com*

² *p.skid@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the changes in the educational publications market under the influence of digital transformation. Expansion of the diversity of digital devices, changes in the needs of the target audience, and the development of new educational practices contribute to the emergence and growth of new niches in the global market of educational publications. The study of the market of digital educational products in different countries shows that many factors influence the level of its development. These factors are the government policy, the level of IT technology in the country, and

the competitive environment in this niche in the market of a particular country. Moreover, the quality of the competitive environment and the interest of technology companies have a greater impact than the government policy. Two strategies for the production of electronic educational products in the modern world market stand out and are illustrated by examples: publishing isolationism and production tandems with technology companies. A classification of three models of electronic textbooks is proposed based on the analysis of educational publications in the natural sciences representing countries with emerging markets for electronic textbooks: the United States, Russia, and Finland. The first model is the presentation of electronic textbooks in PDF format. Textbooks in this version are the original mock-up of a printed textbook. The second model is based on the printed form of the textbook, distributed in EPUB 3 format through the publisher's own publishing software or affiliate applications. Multimedia and interactive materials in such textbooks are not mandatory, but complementary, and they are included in the textbook via pop-ups. The third model is a publication that was originally created only in electronic format. Often, such textbooks are components of a digital educational environment that provides electronic exchange of tasks, collective performance of laboratory works, interdisciplinary connection of educational material in various disciplines, etc. The study of the most relevant and innovative offers on the market of such countries as the USA, the UK, Spain, Denmark, Russia, and Finland shows four promising areas in the preparation of textbooks in the EdTech field. These are (1) artificial intelligence manuals, (2) tools of virtual, augmented, and mixed reality, (3) computer games with educational potential, and (4) programming platforms.

Keywords: digital educational publications, electronic textbook, e-learning, EdTech

For citation: Ball, V.Y. & Skidan, P.B. (2022) World market of digital educational editions: development prospects. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 141–158. doi: 10.17223/23062061/28/9

Издательства учебной литературы, особенно для общего образования, являются самыми устойчивыми субъектами книжного рынка. Это обстоятельство определяется целым рядом причин. Во-первых, они часто пользуются поддержкой государства: оно закрепляет использование учебников в образовательном процессе, регламентирует процесс их создания, представляет льготы издателям или является основным покупателем тиражей. Во-вторых, замкнутость национальных систем общего образования, различие образовательных стандартов, языковой барьер обеспечивают жесткое географическое разделение рынка. В-третьих, рынок учебных изданий обладает высокими барьерами входа. Это обусловлено длительным процессом подготовки изданий, в который включены авторы, эксперты, сотрудники издательства; высокой стоимостью расходных материалов, соответствующих санитарным нормам. В-четвертых, потенциальными потребителями учебных изданий являются дети 5–17 лет, которые составляют 21% населения мира, что определяет необходимость большого количества тиражей [1].

Несмотря на все эти качества, которые дают гарантию стабильного существования и развития сегмента рынка учебной литературы как мирового рынка в целом, так и отдельных стран в частности, последние несколько лет отмечается падение доходов рынка учебной литературы в мировой книжной индустрии. В 2008–2017 гг. The «Global 50» Ranking of the International Publishing Industry (рейтинг мировой книжной индустрии) возглавляло британское издательство Pearson, сфокусированное на сферах школьного, высшего и профессионального образования. Доходы компании в 2017 г. составили 5 077 млн евро. В 2018 г. доходы Pearson снизились до 4 583 млн евро, и оно уступило первую строчку RELX Group (Reed Elsevier) с 4 613 млн евро. В 2018 г. в ТОП-11 вошли еще два образовательных гиганта – Scholastic (corp.) (1 423 млн евро, на 1,9% меньше, чем в 2017 г.) и McGraw-Hill Education (1 396 млн евро, на 2,5% меньше, чем в 2017 г.). С 39-го места в рейтинге до 50-го опустилось «Просвещение», чей доход за год снизился с 284 млн евро до 231 млн евро [2].

Главную причину такого «падения» доходов рынка учебной литературы в мировой книжной индустрии авторы отчета The «Global 50» Ranking of the International Publishing Industry видят в возрастании конкуренции с новыми практиками образования, основанными на работе с цифровыми ресурсами [Ibid.].

Мощное развитие цифровых технологий, которые встроились в систему коммуникации, образования, производства и т.д. выдвинуло ряд факторов, которые повлияли как на книжную индустрию, в целом, так и на отдельные сегменты книжного рынка, в частности. В этом смысле на рынок учебных изданий достаточно очевидно повлияла активная цифровизация всех сфер жизни.

Катализатором массового развития цифровых технологий в области учебного книгоиздания стали изобретение электронной книги Kindle (Amazon, 2007), выход планшетного компьютера iPad (Apple, 2010). Этот технологический импульс определил появление государственных программ по технологическому оснащению образовательных учреждений, в первую очередь школ. Образовательные практики в этих условиях были направлены на использование возможностей персональных или планшетных компьютеров для организации учебного процесса на качественно ином уровне.

Реакцией на этот вызов стало внедрение в учебный процесс электронных образовательных ресурсов, в том числе учебников. Так, например, в России с 2005 г. получили распространение электронные приложения к учебникам на дисках, включающие его электронную копию и мультимедийные компоненты. Законодательной поддержкой заручилась

практика обучения с помощью электронных учебников: в 2010–2012 гг. разворачиваются меры поддержки на национальном уровне в США [3], Франции [4], с 2011 г. – в Южной Корее [5], с 2014 г. – в России.

В этот период обозначилась тенденция создания специальных программных продуктов для подготовки интерактивных электронных книг. Прорывным достижением стало приложение компании Apple iBooks Author, представленное пользователям в 2012 г. Для демонстрации его возможностей ведущие компании в области образования, среди которых издательства Houghton Mifflin Harcourt, McGraw-Hill и Pearson, создали в системе собственные электронные учебники. В дальнейшем это приложение, получившее широкое распространение среди учителей, позволило им самостоятельно создавать интерактивные электронные книги. Также в этот период развитие получили интерактивные образовательные среды – комплексные серии цифровых учебников и дополняющих продуктов, охватывающих все школьные дисциплины или группу дисциплин на протяжении всего уровня образования. В 2013 г. компания Discovery Education представила на рынке США несколько сред, которые были сосредоточены на дисциплинах естественно-научного и социогуманитарного циклов.

Активное вхождение на рынок множества устройств и программного обеспечения, которое стало использоваться в образовательном пространстве, определило и существенные изменения создания образовательного контента для цифрового формата представления, которые были продиктованы качественными изменениями целевой аудитории учебных изданий для школы. Согласно данным отчета Института современных медиа (MOMRI) [6] в России 59% детей от 0 до 12 лет имеют возможность ежедневно использовать гаджеты родителей; имеют собственный планшет или смартфон в возрасте 4–7 лет 24 и 16% соответственно. Почти половина детей 0–12 лет ежедневно просматривают видеоконтент на YouTube (48%) и (или) играют в мобильные игры (45%). Современные школьники с рождения ежедневно сталкиваются не только с большим объемом информации, получаемой за пределами образовательного процесса, но и с современными и увлекательными формами ее представления (видеоролики, игры, в том числе обучающие игры-симуляторы и т.д.). В таком контексте потребовалось выработать новые подходы для создания цифровых учебников, которые могли бы соответствовать ожиданиям поколения цифровых аборигенов. Так, исследователи из Университета им. Эвы (Южная Корея) выявили зависимость эффективности использования электронных учебников от того, насколько они оправдывают ожидания учащихся. Если учебник заявлен как электронный, однако не привлекает пользователя

дизайном, разнообразием и качеством контента, читатель теряет мотивацию к дальнейшей работе с ним [7].

Активная цифровизация образования в условиях доступности персональных компьютеров и интернета привела к развитию отдельного направления современной педагогики, связанного с теоретическими и практическими вопросами электронного обучения (англ. e-learning). Большое количество преимуществ электронного обучения, устранение географических, физических, временных, финансовых барьеров, определило его активное использование на всех уровнях образования.

В этих условиях глобальный рынок онлайн-образования развивается на стыке двух трендов: с одной стороны, это персонализация образования, с другой – это разработка разнообразных форм для «отработки» полученных знаний и контроля за их усвоением. В свете этих тенденций из образовательного процесса почти исключается традиционное понятие учебника, монологичного и авторитарного по своей сути. Учебник заменяют авторские материалы и система проверки знаний, которые отслеживают и подстраиваются под успехи учащегося. Предполагается, что такой подход активизирует мотивацию учащихся, способы повышения которой тоже сейчас активно осмысляются в педагогическом сообществе.

Одним из последних достижений в этой области является оснащение онлайн-курсов интерактивными симуляторами виртуальной или дополненной реальности. Так, например, в совместном проекте Томского государственного университета и компании Rubius, онлайн-курсе «История и технологии выживания», учащийся может отработать навыки пребывания в экстремальных условиях с помощью технологии дополненной реальности, находясь дома или в аудитории [8].

Таким образом, онлайн-обучение не только предлагает собственный контент, который способен мотивировать учащихся, но и широко использует разнообразные технологии, позволяющие ему конкурировать с очным образованием – основным заказчиков учебных изданий. Возможность разрушения привычной школьной системы как результата интеграции технологий отмечалась на III американо-китайской конференции по интеллектуальному образованию [9].

Использование технологий электронного обучения в национальном масштабе сегодня является одним из условий перехода страны к цифровой экономике [10] и потому рассматривается в ряде работ по цифровизации образования [11–13]. Тенденция к интеграции традиционной школы и технологий электронного обучения существует в российской системе образования. Включение передовых цифровых средств обучения в образовательный процесс рассматривается как способ преодоления цифрового

разрыва [10. С. 33–39]. Важно развитие цифровой среды наряду с навыками, знаниями и ценностями, приобретаемыми в результате использования технологий. П.А. Сергоманов выделяет четыре направления для инвестиций в цифровую образовательную среду, два из которых – это решения на основе цифровых технологий и инфраструктуры для них, цифровой среды [11. С. 8–9].

Расширение разнообразия цифровых устройств, изменение потребностей целевой аудитории и развитие новых образовательных практик способствовали появлению и росту новых ниш на рынке учебных изданий. Крупным издательским компаниям, лидерам по производству печатных учебников, сложно своевременно заполнять эти ниши. Здесь существует две стратегии производства электронных учебных продуктов: в первом случае издательства создают внутренние отделы или дочерние компании, которые занимаются производством в названном сегменте, во втором – вступают в производственные тандемы с технологическими компаниями.

Изучение рынка цифровых образовательных продуктов в разных странах показало, что на уровень его развития влияют многие факторы: во-первых, государственная политика; во-вторых, уровень IT-технологий в стране; в-третьих, конкурентная среда в данной нише на рынке конкретной страны. Причем качество конкурентной среды и заинтересованность технологических компаний оказывает большее влияние, чем государственная политика. Так, в США оснащение школ компьютерами, планшетами и, как следствие, цифровыми образовательными продуктами происходит при поддержке компаний Apple и Google. Компании продают технику образовательным организациям по лояльной цене, предлагают собственные пакеты для рационализации обучения или участвуют в создании новых образовательных продуктов. Напомним про сотрудничество ведущих издательств учебной литературы с Apple и приложение iBooks Author, которое позволяет каждому педагогу создавать свой электронный учебник. В России согласно государственным требованиям каждый школьный учебник должен обладать идентичной электронной формой, включающей мультимедийные компоненты [14]. Электронные формы учебников производятся в самих издательствах. Сравнение примеров электронных учебников для школ США и России, о которых будет сказано ниже, позволило сделать вывод, что модель сотрудничества с технологическими компаниями и инициатива, исходящая от рынка, лучше влияют на качество продукции, чем политика самоизоляции внутри отдельного издательства.

Рост числа ниш на стыке учебных изданий и технологических инструментов и ресурсов дал толчок к созданию целого направления на

рынке образовательных продуктов – EdTech (Educational technology). Он включает в себя учебную практику, которая упрощает обучение и повышает производительность путём создания технологических ресурсов, их использования и управления ими. Решения EdTech должны повысить эффективность работы учителей и учеников способами, которые были бы невозможны без технологий [15].

Основные игроки на EdTech-сегменте в Европе – стартапы. Три больших EdTech-кластера располагаются в Северной Европе (Oslo EdTech Cluster, EdTech Denmark, Nordic EdTech Network) [16], в Париже базируется крупнейший фонд EdTech VC [17], в Великобритании насчитывается более 1 000 Edtech-компаний, успешные стартапы возникают в Финляндии, Испании, Дании и успешно транслируют свой опыт в других странах. Будучи компактными, сконцентрированными на реализации одного типа продукта, ориентированными на быстрый рост, стартапы наполняют рынок принципиально новым образовательным контентом: обучающими фильмами в дополненной реальности, платформами для обучения, снабженными искусственным интеллектом, приложениями для гаджетов, заменяющими раздаточный материал и т.д. Такая стратегия снижает барьер входа на рынок образовательных продуктов и позволяет уже сегодня конкурировать с сопутствующими товарами, выпускаемыми в издательствах учебной литературы: раздаточными материалами, тетрадями-тренажерами, развивающими изданиями и т.д.

Снижение барьера входа новых компаний на рынок учебных изданий, увеличение конкуренции – вызов для неповоротливых монополистов, способствующий модернизации концепции учебных изданий, инициирующий новые исследования и разработки, соединяющие рынки учебных изданий и EdTech.

Издательство Pearson уже следует по этому пути: компания активно инвестирует в платформы электронного обучения, а 62% ее дохода обеспечивает цифровой сегмент. В июле 2019 г. издательство заявило о постепенном отказе от печатных книг, делая ставку на развитие цифрового контента [18]. Для сравнения: у «Просвещения» 0,3% дохода приносят электронные продукты [2].

Olli Vallo из службы проверки качества Коккоа отмечает следующие тенденции развития рынка EdTech-продуктов на ближайшие 5 лет: рост уровня цифровизации в секторе образования; развитие направления виртуальной, дополненной и смешанной реальности; акцент на эмоциональное обучение; подключение издательств к разработке EdTech-решений, предложение ими как своей продукции, так и сотрудничество со стартапами [19]. Эти процессы будут способствовать снижению дохода круп-

ных компаний, росту конкуренции на рынке учебных изданий и перераспределению значимости компаний, превращению EdTech из направления в сегмент рынка, равнозначный сегменту печатных изданий.

В этом прогнозе перестраивание структуры рынка учебных продуктов неизбежно приведет к изменениям в типологии учебных изданий. Ниши на пересечении рынков цифровых продуктов и учебных изданий заполняются цифровым контентом, который прежде всего внесет существенные коррективы в определение «учебника». Очевидно, что обозначится существенная граница между цифровым и электронным учебниками. Электронный учебник сможет позволить себе представлять информацию с помощью динамических интерактивных функций (симуляция и видео), функций поддержки, которые невозможны в печатном учебнике (учащиеся могут выделять текст, искать контент, изменять размер шрифта или преобразовывать текст в речь).

Своеобразным откликом на эту типологическую «перестройку» учебных изданий стал новый проект российского национального стандарта терминологии видов изданий (2019). В разделе, посвященном электронным изданиям, содержатся понятия интерактивного, мультимедийного, текстового, изобразительного издания, а также аудиоиздания [20]. Такая классификация снимает с электронных продуктов ограничения по природе информации и соответствует обозначенной нами тенденции к объединению издательского и цифрового рынков. Это позволяет рассматривать в качестве учебных изданий не только соответствующие сложившимся представлениям цифровые реплики печатных учебных пособий, но и продукты из области виртуальной реальности или компьютерных игр.

Мировой опыт показывает, что учебники остаются в образовательном процессе, но их состав и роль меняются. Они становятся все более открытыми, доступными, динамичными и интерактивными и все чаще обновляются. Мы рассмотрели издания по естественным наукам стран с развивающимися рынками электронных учебников: США, России и Финляндии. В ходе анализа были выявлены три модели создания электронных учебников.

Первая – представление электронных учебников в формате PDF. Учебники в этом варианте – это оригинал-макет печатного учебника.

Вторая модель основывается на печатной форме учебника, распространяется в формате EPUB 3 через собственное программное обеспечение издательства или партнерские приложения. Мультимедиа и интерактивные материалы в таких учебниках являются не обязательными, а дополняющими и включаются в учебник с помощью всплывающих окон.

По такой модели создаются электронные учебники в России (корпорация «Российский учебник», издательство «Просвещение») и Финляндии (Sanoma Pro). Для открытия дополнительного материала в такой модели необходимо воспользоваться специальными кнопками, включенными в первоначальный оригинал-макет издания. В отечественном варианте воплощения модели весь дополнительный материал создан издательством, выпустившим учебник. В учебниках издательства Sanoma Pro значительная часть дополняющего материала является цитированием сторонних источников.

Третья модель электронного учебника представляет собой издание, созданное изначально только в электронном формате. Зачастую такие учебники являются компонентами цифровой образовательной среды, которая обеспечивает электронный обмен заданиями, коллективное выполнение лабораторных работ, междисциплинарную связь учебного материала по разным дисциплинам и т.д. Ярким примером такой образовательной среды является Science Techbook издательства Discovery Education (США). В ее основе лежит STEM-образование. Это направление в образовании, при котором в учебных программах усиливается естественнонаучный компонент и инновационные технологии (S – science, T – technology, E – engineering, M – mathematics). В связи с ориентацией на самостоятельную работу, междисциплинарность и естественно-научные предметы материал, представленный в таких учебниках, должен быть многослойным и отвечать конкретным запросам пользователя. Судить об успешности процесса обучения с помощью разнообразных материалов в электронном учебнике возможно только по сообщениям рекламного характера на сайтах издательств. Так Discovery Education имеет отдельную страницу, на которой содержатся отзывы и результаты работы школ-партнеров с изданиями. В России результаты пилотных проектов по использованию электронных учебников не обнародованы даже в маркетинговых целях.

Все три модели электронных учебников получают аналитическое осмысление в научных статьях, посвященных проблемам электронного обучения. Ученые из Высшего института цифрового обучения и образования Национального университета науки и техники Тайваня исследовали эффективность применения мультимедийных интерактивных учебников в сравнении с книгами в формате PDF. Результаты показали, что использование последних способствует лучшему прохождению тестов, однако интерактивные учебники позволяют учащимся понимать принципы и логику изучаемого предмета [21]. Я.Г. Мартюшова отмечает, что «сегодня в России электронные учебники в большинстве своем мало от-

личаются от печатного издания, используется малая толика тех возможностей электронного представления образовательного контента, которые позволяют управлять процессом обучения, создать полноценную активно-деятельностную информационно-образовательную среду» [22]. В школах США имеет место тенденция покупки меньшего количества учебников. Их чаще используют только в качестве справочных материалов в аудиториях и библиотеках, для преподавания специальных тем. Многие школьные округа заменяют бумажные пособия цифровым контентом [23]. Показательным примером являются платформы с обучающими играми, контент которых соответствует государственным стандартам и предоставляется школам по подписке.

Изучение наиболее актуальных и инновационных предложений на рынке позволило выделить четыре релевантных направления учебных пособий в EdTech-сфере (от английского Educational technology): пособия с искусственным интеллектом; виртуальная, дополненная, смешанная реальность в классе; образовательные составляющие компьютерных игр; платформы для программирования.

Пока издательства помещают старое содержание учебников в новую интерактивную форму, разработчики вовсю развивают технологию адаптивного обучения. Одна из основ такого обучения заключается в том, что образовательная программа подстраивается под особенности и темп усвоения знаний учащимся. Внедрение в образовательные приложения и веб-ресурсы искусственного интеллекта помогает собирать эту информацию об ученике. В данной нише на рынке представлены продукты DreamBox Learning (Испания) и Thinkster Math (США), MATHiaU (США). Технология адаптивного обучения, основанная на искусственном интеллекте, способна оценить знания студентов и стремится предложить им то, что нужно для освоения контента. Она обучает учащегося по мере того, как он взаимодействует с ней, и собирает подробные персонализированные и релевантные данные, позволяющие учителям понять, как ученик мыслит и решает проблемы.

Сообщество по персонализированному обучению Гарвардского университета в Центре исследований в области образовательной политики показало, что технология адаптивного обучения (в частности, учебная программа по интеллектуальному адаптивному обучению DreamBox Learning) может привести к успехам в математике [24]. Согласно исследованию, учащиеся, которые использовали эту математическую программу в среднем в течение 7 часов, повысили оценки на 2% по сравнению со студентами, которые не использовали программное обеспечение. Более того, студенты, которые больше времени уде-

ляли обучающему программному обеспечению DreamBox, показали более высокие результаты.

Исследование, проведенное издательством Pearson совместно с University College London, продемонстрировало, что подобные технологии помогают в онлайн-репетиторстве и обучении в коррекционных классах [25].

Технологии виртуальной, дополненной и смешанной реальностей стали популярны через сферу развлечений: игры, аттракционы, квесты. В образовании этот набор технологий, по словам как разработчиков, так и активных пользователей продуктов, обеспечивает погружение учащихся в реалистичный опыт, недоступный по географическим или историческим причинам. Цифровая реальность позволяет заменить традиционные рабочие тетради и вывести проектное обучение на новый уровень: с помощью этих технологий возможно собирать архитектурные модели, воссоздавать исторические или природные объекты, делать «реальными» и «осязаемыми» темы, связанные с литературой или экономикой.

Существует три способа использования технологий в учебном классе [26]. Первый подходит для работы только в виртуальной реальности, включает компьютер, с помощью которого школьники изучают виртуальную среду с помощью клавиатуры, мыши или другого устройства ввода, например беспроводного контроллера. Второй самый универсальный и доступный – с помощью планшета или смартфона, можно работать в виртуальной, дополненной и смешанной реальности. Третий способ также позволяет работать со всеми тремя технологиями, но требует шлема цифровой реальности и контроллера движения, благодаря которым учащиеся могут взаимодействовать с окружающей средой, создаваемой сочетанием реальных и виртуальных миров.

Финская цифровая платформа Lyfta (lyfta.com) предлагает пакет из 90 уроков и 25 документальных историй, представленных в виде виртуальных интерактивных 360-градусных сред. Профессиональные документалисты, педагоги и программисты ставят целью своего проекта развитие навыков эмпатии, кросс-культурной коммуникации и творчества. Продукты Lyfta доступны для работы на компьютерах, планшетах и в шлеме виртуальной реальности. В настоящее время Lyfta используется в более чем 350 школах в Великобритании, Финляндии и США.

AR-среда сегодня служит средством расширения возможностей печатных изданий. Одним из лидеров ниши на мировом рынке является компания DEVAR (devar.ru), которая позиционирует себя как издательство книг с дополненной реальностью. На конференции «Виртуальная и дополненная реальность – 2016: состояние и перспективы» компания

представила свое видение учебников с дополненной реальностью. Сохраняя традиционное представление об учебнике, они вводят функцию интерактивности, причем в двух вариантах. Первый – подготовка к взаимодействию с реальными объектами (тренажеры, виртуальные лабораторные работы), второй – взаимодействие с объектами, не доступными в реальной жизни (перетаскивание атомов и молекул при моделировании химических реакций). Проведенные в тульских школах испытания показали существенный рост успеваемости (до 25–27%) и повышение интереса к изучению естественно-научных дисциплин [27].

Интерес разработчиков сегодня направлен на включение в образовательный процесс смешанной реальности, которая в отличие от дополненной стремится к тому, чтобы виртуальные объекты в реальности выглядели наиболее правдоподобно. Для этого направления в 2016–2017 гг. представлены гарнитуры (например, Acer Mixed Reality) и операционные системы (например, Windows Mixed Reality), которые могут управляться не только с помощью контроллера, но и жестами [28].

Эффективность использования компьютерных игр в образовании достаточно исследована научным сообществом. В частности, доказано, что компьютерные игры делают обучение интересным, а среда игры может мотивировать обучающихся [29]. Обучение на основе компьютерных игр способствует поиску идей в разных областях для решения проблемы; содействует переосмыслению учеником результатов обучения с точки зрения применения в игре; благоприятствует взаимодействию учащихся друг другом, совместному обсуждению шагов по улучшению навыков обучения [Ibid.]. Основываясь на этих исследованиях и стремясь сделать образовательный процесс нагляднее и увлекательнее, учителя давно включают компьютерные игры в преподавание своих предметов [30].

На рынке сегодня представлены как готовые игры, так и платформы для их создания. Одним из популярных в этом сегменте является Minecraft: Education edition (education.minecraft.net). Это программа, созданная на базе знаменитой компьютерной инди-игры в жанре песочницы с элементами симулятора выживания и открытым миром и ориентированная на использование в образовательных организациях. Образовательная редакция была запущена в 2011 г. финскими студентами, к 2015 г. она использовалась в 15 000 школ по всему миру. В результате ее купила компания Microsoft. Педагоги используют Minecraft: Education Edition для преподавания целого ряда предметов от истории и химии до иностранных языков, могут напрямую сопоставлять уроки с конкретными результатами обучения и стандартами учебных программ. Педагогам также предоставляется база готовых занятий. В программу вшит самоучитель программирования.

Датская образовательная платформа для интерактивного трехмерного моделирования BuildAWorld (edu.buildaworld.net) предназначена для проведения экспериментов в модели STEAM. Главная ее особенность заключается в том, что в ней действуют законы природы физического мира. Поэтому она открывает широкие возможности для проведения экспериментов и решения практикоориентированных задач. В BuildAWorld можно построить город, апробировать природосберегающие технологии и вырастить дерево. При этом имитация отдельных объектов реального мира и описание законов природы выполняются при поддержке профильных исследовательских организаций.

Таким образом, разнообразие предложений сегмента электронных учебников и учебных пособий подтверждает тенденцию к сращению учебного издательского и технологического рынков. В связи с этим изменению подвергается устоявшаяся форма учебника, появляются ее разновидности. В перспективе это – сращение учебника и учебного пособия в цифровом формате. Как видим, в сегменте учебных пособий появляются продукты, претендующие на доминирующие позиции в образовательном процессе, апробация которых сопровождается исследованием эффективности. Не все новинки имеют выраженную содержательную составляющую, способную конкурировать с традиционными учебными изданиями, однако они несут в себе технологические новшества, которые могут быть наполнены качественным контентом в ближайшей перспективе. При этом большинство рассмотренных учебных пособий отвечает запросам цифрового поколения об интерактивности и мультимедийности.

Особенностью и главной силой развития EdTech-сферы является совместная инициативность инженеров и педагогов в создании продуктов. Исключение из этого процесса специалистов издательской сферы может быть вызвано использованием нового типа контента, с которым последние не имеют опыта работы. При этом размытие границ в типологии учебных изданий также требует нового содержания. Это позволяет говорить о необходимости создания методики редакторской подготовки такого контента, который может мигрировать с одного типа устройств на другой без концептуальных потерь. При этом методика подготовки такого контента должна опираться не только на технологические новинки, но и на обоснованные с точки зрения психологии и методики традиции редакционной подготовки учебных изданий.

Список источников

1. Проект Население Мира. URL: <https://population.io/> (дата обращения: 19.04.2019).

2. The “Global 50” Ranking of the International Publishing Industry 2019. URL: <https://www.publishersweekly.com/binary-data/Global502019.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).

3. Wieder B. States Move Slowly Toward Digital Textbooks // The Pew. URL: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/blogs/stateline/2012/04/23/states-move-slowly-toward-digital-textbooks> (дата обращения: 21.02.2020).

4. Le manuel scolaire à l'heure du numérique. Une «nouvelle donne» de la politique des ressources pour l'enseignement : Rapport à Monsieur le ministre de l'Éducation nationale Porteparole du Gouvernement. URL: <https://eduscol.education.fr/numerique/dossier/telechargement/rapport-ig-manuels-scolaires-2010.pdf> (дата обращения: 21.02.2020).

5. In South Korea, all textbooks will be e-books by 2015 // The Christian Science Monitor. URL: <https://www.csmonitor.com/Books/chapter-and-verse/2011/0706/In-South-Korea-all-textbooks-will-be-e-books-by-2015> (дата обращения: 21.02.2020).

6. Дети. Медиапотребление. 2017. URL: http://momri.org/wp-content/uploads/2018/08/momri.-deti_mediapotreblenie_2017.pdf (дата обращения: 19.04.2019).

7. Students' expectation, satisfaction, and continuance intention to use digital textbooks / Joo, Y.J., etc. // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 69. P. 83–90. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563216308469> (дата обращения: 15.04.2018).

8. ТГУ и Rubius создали виртуальный университет 4.0 // Сайт Томского государственного университета. URL: <http://www.tsu.ru/news/tgu-i-rubius-sozdali-virtualnyy-universitet-4-0/> (дата обращения: 20.04.2019).

9. Michael J. Spector Smart learning futures: a report from the 3rd US-China smart education conference // Smart Learning Environments. URL: <https://slejournal.springeropen.com/articles/10.1186/s40561-018-0054-1> (дата обращения: 20.04.2019).

10. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. II Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г. / А.Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 155, [1] с. URL: <https://aiedu.hse.ru/mirror/pubs/share/308201188> (дата обращения: 20.02.2020).

11. Гэйбл Э. Цифровая трансформация школьного образования. Международный опыт, тренды, глобальные рекомендации. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 108 с.

12. Антонова Д.А., Оспенникова Е.В., Спирин Е.В. Цифровая трансформация системы образования. Проектирование ресурсов для современной цифровой учебной среды как одно из ее основных направлений // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Информационные компьютерные технологии в образовании. 2018. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-sistemy-obrazovaniya-proektirovanie-resursov-dlya-sovremennoy-tsifrovoy-uchebnoy-sredy-kak-odno-iz-ee> (дата обращения: 18.02.2020).

13. Уваров А.Ю. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования. М.: Высш. школа экономики, 2019. 344 с.

14. Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования : Приказ Минобрнауки России от 05.09.2013 № 1047 (ред. от 14.08.2015) // Официальный ресурс Министерства образования и науки Российской Федерации. URL: http://минобрнауки.рф/документы/5054/файл/3817/Prikaz_№_1047_ot_25.08.2014.pdf (дата обращения: 01.06.2019).

15. EdTech в России меньше, чем EdTech // RUSBASE. URL: <https://rb.ru/long-read/edtech-v-rossii-menshe-chem-edtech/> (дата обращения: 18.04.2019).

16. The Nordic EdTech Scene: Part I – What makes EdTech in the Nordics click? // Medium. URL: <https://medium.com/the-edtech-world/nordic-edtech-landscape-f5a1e7852f79> (дата обращения: 20.01.2019).
17. Paris EdTech Days: 2 days to explore a vibrant EdTech ecosystem // Medium. URL: <https://medium.com/the-edtech-world/paris-edtech-days-307668e69f8c> (дата обращения: 20.01.2019).
18. Education publisher Pearson to phase out print textbooks // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/business-48998789>
19. The rise of the EdTech revolution – an interview with Olli Vallo // Setapp. URL: <https://blog.setapp.pl/olli-interview-edtech> (дата обращения: 20.01.2019).
20. Первая редакция национального стандарта // Российская книжная палата. Филиал ИТАР-ТАСС. 2018. URL: <http://www.bookchamber.ru/n19.html?fbclid=IwAR0QYLY60jiogX7Qh7Z-OP5uwH9x8-HbuZ1P3qopvXKXb8gem3AC9XA4hzI> (дата обращения: 01.06.2019).
21. Weng C., etc. Effects of interactivity in E-textbooks on 7th graders science learning and cognitive load // Computers & Education. 2018. Vol. 120. P. 172–184. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131518300411> (дата обращения: 15.04.2018).
22. Мартюшова Я.Г. Согласование требований к печатному изданию и электронному учебнику на его основе как составным частям современного УМК // Инновации в образовании. 2017. № 7. С. 10–20.
23. Textbooks in the digital world // The Conversation. URL: <https://theconversation.com/textbooks-in-the-digital-world-78299> (дата обращения: 20.01.2019).
24. Kurshan B. Technology and Classroom Data // Forbes. URL: <https://www.forbes.com/sites/barbarakurshan/2016/07/26/technology-and-classroom-data/#433018c32039> (дата обращения: 11.02.2019).
25. Intelligence Unleashed. An argument for AI in Education // Pearson. URL: <https://www.pearson.com/content/dam/corporate/global/pearson-dot-com/files/innovation/Intelligence-Unleashed-Publication.pdf> (дата обращения: 11.02.2019).
26. The top 10 companies working on education in virtual reality and augmented reality // Touchstone Research. URL: <https://touchstoneresearch.com/the-top-10-companies-working-on-education-in-virtual-reality-and-augmented-reality> (дата обращения: 11.02.2019).
27. Книги с дополненной реальностью как эффективный образовательный инструмент // Виртуальная и дополненная реальность – 2016: состояние и перспективы. С. 7–12. URL: http://arconf.hi-edu.ru/ru/sbornik_mgok_AR_VR_conf.pdf (дата обращения: 20.01.2019).
28. Mixed Reality in Education: boosting students' learning experience // AcerEducation. URL: <http://eu-acerforeducation.acer.com/innovative-technologies/mixed-reality-in-education-boosting-students-learning-experience> (дата обращения: 11.02.2019).
29. Bokyeong K., etc. Notjust fun, but serious strategies: Using meta-cognitive strategies in game-based learning // Computer & Education Journal. 2009. Vol. 52, is. 4. P. 800–810. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131508001954?via%3Dihub> (дата обращения: 11.02.2019).
30. Как превратить компьютерные игры в урок // Newtonnew. URL: <https://newtonnew.com/school/videogames-as-school-lessons> (дата обращения: 15.02.2019).

References

1. Population.io. (n.d.) *Proekt Naselenie Mira* [The World Population Project]. [Online] Available from: <https://population.io/> (Accessed: 19th April 2019).
2. Wischenbart, R. & Fleischhacker, M.A. (2019) The “Global 50” Ranking of the International Publishing Industry 2019. [Online] Available from: <https://www.publishersweekly.com/binary-data/Global502019.pdf> (Accessed: 21st February 2020).

3. Wieder, B. (2012) States Move Slowly Toward Digital Textbooks. [Online] Available from: <https://www.pewtrusts.org/en/research-and-analysis/blogs/stateline/2012/04/23/states-move-slowly-toward-digital-textbooks> (Accessed: 21st February 2020).

4. France. (2010) *Le manuel scolaire à l'heure du numérique. Une "nouvelle donne" de la politique des ressources pour l'enseignement: Rapport à Monsieur le ministre de l'Éducation nationale Porte-parole du Gouvernement*. [Online] Available from: <https://eduscol.education.fr/numerique/dossier/telechargement/rapport-ig-manuels-scolaires-2010.pdf> (Accessed: 21st February 2020).

5. Haq, H. (2011) In South Korea, all textbooks will be e-books by 2015. *The Christian Science Monitor*. 6th July. [Online] Available from: <https://www.csmonitor.com/Books/chapter-and-verse/2011/0706/In-South-Korea-all-textbooks-will-be-e-books-by-2015> (Accessed: 21st February 2020).

6. Momri.org. (2017) *Deti. Mediapotreblenie* [Children. Media consumption]. [Online] Available from: http://momri.org/wp-content/uploads/2018/08/momri-deti_mediapotreblenie_2017.pdf (Accessed: 19th April 2020).

7. Joo, Y.J. et al. (2017) Students' expectation, satisfaction, and continuance intention to use digital textbooks. *Computers in Human Behavior*. 69. pp. 83–90. [Online] Available from: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563216308469> (Accessed: 15th April 2018).

8. Tomsk State University. (n.d.) *TGU i Rubius sozdali virtual'nyy universitet 4.0* [TSU and Rubius created a virtual university 4.0]. [Online] Available from: <http://www.tsu.ru/news/tgu-i-rubius-sozdali-virtualnyy-universitet-4-0/> (Accessed: 20th April 2020).

9. Spector, J.M. (2018) Smart learning futures: a report from the 3rd US-China smart education conference. *Smart Learn. Environ.* 5(5). DOI: 10.1186/s40561-018-0054-1.

10. Uvarov, A.Yu., Van, S., Kan, Ts. et al. (2019) *Problemy i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya v Rossii i Kitae* [Problems and prospects of digital transformation of education in Russia and China]. Moscow: HSE. [Online] Available from: <https://aiedu.hse.ru/mirror/pubs/share/308201188> (Accessed: 20th February 2020).

11. Gable, E. (2019) *Tsifrovaya transformatsiya shkol'nogo obrazovaniya. Mezhdunarodnyy opyt, trendy, global'nye rekomendatsii* [Digital transformation of school education. International experience, trends, global recommendations]. Translated from English by P. Sergomanov. Moscow: HSE.

12. Antonova, D.A., Ospennikova, E.V. & Spirin, E.V. (2018) Tsifrovaya transformatsiya sistemy obrazovaniya. Proektirovanie resursov dlya sovremennoy tsifrovoy uchebnoy sredy kak odno iz ee osnovnykh napravleniy [Digital transformation of the education system. Designing resources for a modern digital learning environment as one of its main areas]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Informatsionnye kompyuternye tekhnologii v obrazovanii*. 14. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-sistemy-obrazovaniya-proektirovanie-resursov-dlya-sovremennoy-tsifrovoy-uchebnoy-sredy-kak-odno-iz-ee> (Accessed: 18th February 2020).

13. Uvarov, A.Yu. (2020) *Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya* [Challenges and prospects of digital transformation of education]. Moscow: HSE.

14. Ministry of Education and Science of Russia. (2013) *Ob utverzhdenii Poryadka formirovaniya federal'nogo perechnya uchebnikov, rekomenduemykh k ispol'zovaniyu pri realizatsii imeyushchikh gosudarstvennyuyu akkreditatsiyu obrazovatel'nykh programm nachal'nogo obshchego, osnovnogo obshchego, srednego obshchego obrazovaniya: prikaz Minobrnauki Rossii ot 05.09.2013 № 1047 (red. ot 14.08.2015)* [On approval of the procedure for the formation of a federal list of textbooks recommended for use in the implementation of educational programs of primary general, basic general, secondary general education with state accreditation: Order No.

1047 of the Ministry of Education and Science of Russia dated September 5, 2013, (as amended on August 14, 2015)]. [Online] Available from: http://minobrnauki.rf/dokumenty/5054/fayl/3817/Prikaz_No_1047_ot_25.08.2014.pdf (Accessed: 1st June 2020).

15. Berkana, A. (2017) *EdTech v Rossii men'she, chem EdTech* [EdTech in Russia is smaller than EdTech]. [Online] Available from: <https://rb.ru/longread/edtech-v-rossii-menshe-chem-edtech/> (Accessed: 18th April 2019).

16. Singh, A. (2018a) *The Nordic EdTech Scene: Part I – What makes EdTech in the Nordics click?* [Online] Available from: <https://medium.com/the-edtech-world/nordic-edtech-landscape-f5a1e7852f79> (Accessed: 20th January 2020).

17. Singh, A. (2018b) *Paris EdTech Days: 2 days to explore a vibrant EdTech ecosystem.* [Online] Available from: <https://medium.com/the-edtech-world/paris-edtech-days-307668e69f8c> (Accessed: 20th January 2020).

18. BBC News. (n.d.) *Education publisher Pearson to phase out print textbooks.* [Online] Available from: <https://www.bbc.com/news/business-48998789>

19. Setapp. (n.d.) *The rise of the EdTech revolution – an interview with Olli Vallo.* [Online] Available from: <https://blog.setapp.pl/olli-interview-edtech> (Accessed: 20th January 2019).

20. The Russian Book Chamber. *Branch of ITAR-TASS. (2018) Pervaya redaktsiya natsional'nogo standart* [The first edition of the national standard]. [Online] Available from: <http://www.bookchamber.ru/n19.html?fbclid=IwAR0QYLY60jiogX7Qh7Z-OP5uwH9x8-HbuZ1P3qopvKXxb8gem3AC9XA4hzI> (Accessed: 1st June 2020).

21. Weng, C. et al. (2018) Effects of interactivity in E-textbooks on 7th graders science learning and cognitive load. *Computers & Education*. 120. pp. 172–184. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131518300411> (Accessed: 15th April 2020).

22. Martyushova, Ya.G. (2017) Harmonization of requirements for a printed publication and an electronic textbook based on it as components of a modern teaching and learning materials. *Innovatsii v obrazovanii*. 7. pp. 10–20. (In Russian).

23. Xie, K. & Luthy, N. (2017) *Textbooks in the digital world.* [Online] Available from: <https://theconversation.com/textbooks-in-the-digital-world-78299> (Accessed: 20th January 2020).

24. Kurshan, B. (2016) *Technology and Classroom Data.* [Online] Available from: <https://www.forbes.com/sites/barbarakurshan/2016/07/26/technology-and-classroom-data/#433018c32039> (Accessed: 11th February 2020).

25. Pearson. (n.d.) *Intelligence Unleashed. An argument for AI in Education.* [Online] Available from: <https://www.pearson.com/content/dam/corporate/global/pearson-dot-com/files/innovation/Intelligence-Unleashed-Publication.pdf> (Accessed: 11th February 2020).

26. Touchstone Research. (n.d.) *The top 10 companies working on education in virtual reality and augmented reality.* [Online] Available from: <https://touchstoneresearch.com/the-top-10-companies-working-on-education-in-virtual-reality-and-augmented-reality> (Accessed: 11th February 2020).

27. Arconf.hi-edu.ru. (2016) *Knigi s dopolnennoy real'nost'yu kak effektivnyy obrazovatel'nyy instrument* [Books with augmented reality as an effective educational tool]. *Virtual'naya i dopolnennaya real'nost' – 2016: sostoyanie i perspektivy* [Virtual and augmented reality – 2016: state and prospects]. Proc. of the Conference. pp. 7–12. [Online] Available from: http://arconf.hi-edu.ru/ru/sbornik_mgok_AR_VR_conf.pdf (Accessed: 20th January 2020).

28. AcerEducation. (2017) *Mixed Reality in Education: boosting students' learning experience.* [Online] Available from: <http://eu-acerforeducation.acer.com/innovative-technologies/mixed-reality-in-education-boosting-students-learning-experience> (Accessed: 11th February 2020).

29. Bokyeong, K. et al. (2009) Not just fun, but serious strategies: Using meta-cognitive strategies in game-based learning. *Computer & Education Journal*. 52(4). pp. 800–810. [Online] Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0360131508001954?via%3Dihub> (Accessed: 11th February 2020).

30. Newtonnew. (n.d.) *Kak prevratit' komp'yuternye igry v urok* [How to turn computer games into a lesson]. [Online] Available from: <https://newtonnew.com/school/videogames-as-school-lessons> (Accessed: 15th February 2020).

Сведения об авторах:

Баль В.Ю. – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего литературоведения, издательского дела и редактирования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: balverbal@gmail.com

Скидан П.Б. – магистр издательского дела, специалист по учебно-методической работе Института образования Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: p.skd@yandex.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bal V.Y. – National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: balverbal@gmail.com

Skidan P.B. – National research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: p.skd@yandex.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.04.2020;
одобрена после рецензирования 22.04.2020; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 14.04.2020;
approved after reviewing 22.04.2020; accepted for publication 14.03.2022*

РЕЦЕНЗИИ

Научная статья

УДК 655.4/.5

doi: 10.17223/23062061/28/10

ТОМСК ЧИТАЮЩИЙ. РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ «ПРОБЛЕМА ЧИТАТЕЛЯ В ТОМСКЕ И ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.»

(под ред. Т.Л. Воробьевой. Томск: Издательский Дом Томского
государственного университета, 2020. 226 с.)

Наталья Вадимовна Отургашева

*Сибирский институт управления (филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ), Новосибирск, Россия,
vialuna@list.ru*

Аннотация. В рецензируемом пособии раскрывается сложный механизм взаимодействия литературного процесса, издательских стратегий и читательских практик, определяющий жизнь общества в ее духовном измерении. Разнообразие, богатство и уникальность фактического материала в совокупности с исследовательской чуткостью и методической основательностью дает авторам возможность проследить динамику становления и развития читательских практик в Томске и Томской губернии, оценить их влияние на региональный литературный процесс.

Ключевые слова: читательские практики, книжная культура, Томск, Томская губерния, конец XIX – начало XX в.

Для цитирования: Отургашева Н.В. Томск читающий. Рецензия на учебное пособие «Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.» (под ред. Т.Л. Воробьевой. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2020. 226 с.) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 159–166. doi: 10.17223/23062061/28/10

REVIEWS

THE READING TOMSK. TEXTBOOK REVIEW: THE READER PROBLEM IN TOMSK AND TOMSK PROVINCE IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (Vorobyeva, T.L. (ed.) (2020). Tomsk: Tomsk State University)

Natalya V. Oturgasheva

Siberian Institute of Management (Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Novosibirsk, Russian Federation, vialuna@list.ru

Abstract. Preparation of a training manual “A reader’s problem in Tomsk and Tomsk province at the end of XIX – beginning of XX century” by a group of Tomsk researchers is seen as not only relevant and natural but also as a long-awaited phenomenon in the sphere of modern liberal education. Book culture and reading practices in the context of a certain epoch represent interest to specialists not only from theoretical but also from practical and metodological point of view.

The purpose of the manual stated by the authors is to “identify the main trends regarding building reading practices at the end of XIX – beginning of XX centuries and determine their value in book culture at the turn of the century” is being implemented based on the unique archival materials from the collections of the Tomsk State University Scientific Library, the Tomsk Local Lore Museum, the Tomsk Regional Archive. Diversity, richness and originality of the factual material coupled with research sensivity and thoroughness make it possible to trace the dynamics of reading practices becoming and developing in Tomsk and Tomsk province and to evaluate their impact on both regional literary process and social and spiritual changes taking place in society as a whole.

Study of a reader in the context of the famous N. A. Rubakin’ triad “society – author – work” enables to understand the complex interaction mechanism of literary process, publishing strategies and reading practices existing in inextricable link and in many aspects defining the life of society in its spiritual dimension.

The training manual aimed at youth audiences is written in clear language, filled with vivid images of people - readers and book lovers as well as with archaeographic factors introduced by the authors in scientific circulation.

Publication has a clear-cut structure set by the logic of promoting a book – from the centre of a province to a rural reader, from the state publishing policy to the forms of readers’ amateur activities. For the convenience of readers, sections are prefaced with annotation, include questions and tasks for self-study as well as the list of additional literature on the topic of study.

Such an approach updates research issues, introduces them in the context of vital pedagogical objectives and designates prospects of developing a conscious and qualified reader. And this is the central task, which – in our opinion – the authors of the training manual are well aware of. We believe that this noble task has been perfectly implemented in the book: uniqueness and diversity of the material, depth of its comprehension, methodical thoroughness make the presented work a modern and timely

educational publication and reveal rich traditions in preservation and continuation of high literary culture.

That is precisely why the training manual is useful not only for publishers and philologists but also for future specialists with the broad range of expertise who together with professional knowledge in the high school acquire skills of meaningful and productive work with a book.

Keywords: reading practices; book culture; Tomsk; Tomsk province; end of XIX – beginning of XX century

For citation: Oturgasheva, N.V. (2022) The reading Tomsk. Textbook review: Problema chitatelya v Tomske i Tomskey gubernii v kontse XIX – nachale XX v. [The reader problem in Tomsk and Tomsk Province in the late 19th – early 20th centuries (Vorobyeva, T.L. (ed.) (2020) Tomsk: Tomsk State University)]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 28. pp. 159–166. doi: 10.17223/23062061/28/10

Подготовка учебного пособия «Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.» коллективом томских исследователей (И.А. Айзикова, Т.Л. Воробьева, В.А. Есипова, Т.П. Карташова, Е.А. Макарова, Е.И. Тулякова) представляется не только актуальным и закономерным, но и долгожданным явлением в области современного гуманитарного образования. Книжная культура, читательские практики, сложная система взаимодействия «автор – текст – читатель» в контексте определенной эпохи интересуют сегодня специалистов не только с теоретической, но и с практико-методологической точки зрения.

По существу, данное пособие является логическим продолжением и развитием научной работы, убедительные результаты которой были представлены в монографии «Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.)» [1] – «первом системном исследовании томской книги» [2. С. 85], предпринятом авторским коллективом в 2014 г.

Заявленная авторами цель пособия – «выявить основные тенденции становления читательских практик конца XIX – начала XX в. и определить их значение в книжной культуре рубежа эпох» [3. С. 5], реализуется на уникальном архивном материале из фондов Научной библиотеки Томского государственного университета, Томского областного краеведческого музея, Государственного архива Томской области. Разнообразие, богатство и оригинальность фактического материала в совокупности с исследовательской чуткостью и скрупулезностью дают возможность во всей полноте проследить динамику становления и развития читательских практик в Томске и Томской губернии и оценить их влияние как на региональный литературный процесс, так и на происходящие в обществе социальные и духовные изменения в целом.

Действительно, формы бытования книги, отношение к ней со стороны различных социальных групп и институтов, литературные вкусы пуб-

лики – все это, несомненно, отражает духовное состояние общества. «Отношение читающей публики к выбору книг служит прекрасным показателем общественного настроения. История читающей публики – одна из интереснейших и ярких страниц из истории общественного развития», – замечал выдающийся писатель и библиограф Н.А. Рубакин [4]. Именно поэтому представленное пособие заслуживает внимания не только как актуальное учебное издание, но и как живой и увлекательный документ эпохи рубежа XIX–XX вв.

Предназначенное для учащейся молодежи, пособие имеет четкую структуру, заданную логикой продвижения книги – от губернского центра к сельскому читателю, от государственной издательской политики – к формам читательской самодеятельности. Для удобства читателей разделы предваряются аннотацией, включают вопросы и задания для самостоятельной работы, а также список дополнительной литературы по теме изучения.

В первой главе дан подробный анализ томской читательской аудиторией, подтверждающий общую для столичных и провинциальных городов тенденцию формирования массового читателя, отчетливо и повсеместно проявившую себя к концу XIX в. Данный анализ позволил сделать убедительный вывод о трансформации читательских практик на рубеже веков и об их влиянии на изменения, которые происходили в характере взаимодействия книги и общества.

Появление массового читателя обусловило возникновение новых форм продвижения книги – таких, как общедоступные библиотеки, народные чтения, книжные склады, библиотеки общественных организаций. В свою очередь, это потребовало от государства усилий, направленных на управление чтением и читательскими интересами.

Механизмы подобного управления рассмотрены (раздел 1.2) в двух аспектах: запретительном (через органы цензуры) и рекомендательном (через деятельность Министерства народного просвещения, прессу, просветительские организации). Авторы не только внимательно изучили различные способы регламентации чтения, законодательство в области цензурного надзора, работу цензора, но и сделали важный и, как нам представляется, весьма актуальный вывод о неэффективности сложившейся системы регламентации чтения, поскольку, наряду с прочими причинами, «стремление читателя все же получить доступ к интересующей его книге нередко оказывалось сильнее неповоротливой системы наказаний и ограничений» [3. С. 42].

Особый интерес вызывают разделы пособия, посвященные анализу читательских практик и литературных предпочтений жителей Томска и Томской губернии конца XIX – начала XX в. (гл. 2, 3, 4). Так, во второй

главе представлены портреты читателей, принадлежащих к разным социальным, возрастным и эстетически ориентированным категориям публики: советник, чиновник особых поручений А.М. Горохов, педагог, библиофил и краевед Г.К. Тюменцев, читатели сибирских литературно-художественных сборников, томское студенчество. Круг чтения конкретных людей или представителей определенного сообщества внятно говорит об их литературных вкусах, читательских предпочтениях, методах работы с текстом и той роли, которую эти тексты играли в духовной жизни общества. Книги и журналы, собранные и прочитанные томичами, несут на своих страницах отпечаток вдумчивой, внимательной работы и открывают, по справедливому замечанию авторов, «интересные и показательные страницы истории русского и европейского литературного процесса, его восприятия в глубокой российской провинции, страницы отечественной книжной культуры и русской (сибирской, в частности) культуры чтения» [3. С. 99].

Изучение литературных пристрастий сельского читателя (гл. 3) дает авторам весомое основание говорить о специфике бытования книги в сельской местности Томской губернии по сравнению с общероссийскими тенденциями, описанными в современной исследовательской литературе. Представленный здесь богатый архивный материал (описание библиотечных фондов, письма – заказы, анкеты) позволяет утверждать, что «характер чтения в европейской части России и в Сибири различался» [Там же. С. 150], что сибирских «сельских читателей волновали вопросы не только практического, но и мировоззренческого характера» [Там же. С. 158].

Особой категорией читателей были старообрядцы – на страницах пособия (раздел 3.2) их читательские интересы и практики представлены на уникальном материале старообрядческих книжных собраний (библиотека первого старообрядческого епископа Сибири Савватия, библиотека Нифантовых, Заимочная и Скитская библиотеки). Старообрядческая книга внимательно рассмотрена в разных аспектах: с точки зрения методов работы с ней, используемого материала (бумага и береста), читательского поведения, техники украшения рукописи, взаимного влияния рукописной и печатной книг. Подобная многоаспектность позволяет «получить новые знания не только об истории старообрядческой книги, но и повседневной жизни владельца рукописи» [Там же. С. 177] и, кроме того, поставить вопрос об отношении к книге одновременно и как к сакральному тексту и как к фрагменту окружающего вещного мира. В данном контексте проблема бытования книги на стыке духовного и физического измерения человеческой жизни приобретает отчетливо современный характер и философскую глубину.

Репертуар детского чтения проанализирован (гл. 4) с опорой на интересные архивные материалы: коллекцию домашней библиотеки В. Ефимова, протоколы Педагогического совета Томского Алексеевского реального училища, материалы педагогических собраний, планы занятий учителей, их дневники и отчеты. Приведенные источники свидетельствуют о целенаправленных усилиях, которые прилагали родители, педагоги, организаторы школьного и внешкольного образования для формирования и развития культуры чтения детей и подростков. Отдельный раздел (4.4) закономерно посвящен выдающейся личности владельца первого в сибирском регионе книжного магазина и устроителя первой частной Публичной библиотеки П.И. Макушина – его усилиями формируется специализированный отдел детской литературы с указанием целевой читательской аудитории. Дифференциация видов чтения, приемы обучения им, воспитание эстетического вкуса – осмысление этих давно поставленных методических задач задает продуктивную перспективу развития навыков чтения у современной молодежи – навыков, без которых невозможно формирование общей культуры личности, претендующей на профессионализм в любой сфере деятельности.

В контексте общей концепции книги, безусловно, важным и закономерным представляется раздел о формах читательской самодеятельности (гл. 5), содержащий уникальную информацию о тематике, создателях, способах тиражирования самодеятельных школьных журналов на примере выходившего в Томске в 1918 г. журнала «Родная Сибирь». Подробный анализ его тематики и содержания, состава и поведенческих стратегий редколлегии привел исследователей к выводу о значимости и эффективности такой практики для образования и воспитания юношества: «...это был опыт не только творческого самовыражения, редакторской и издательской деятельности, но и социальной консолидации и коммуникации широкого круга учащихся... общественно полезной деятельности в интересах сибирского края» [3. С. 220].

Активность читательских реакций – необходимое условие работы с текстом и основание плодотворного диалога читателя с книгой. «Чем большую в процессе чтения проявляет читатель активность, тем больше говорит ему книга, тем лучше она реагирует на его внимание и на его „запросы“, и, с другой стороны, тем более и он, читатель, начинает реагировать на книгу... Тот собеседник, который умеет слушать, умеет спорить, умеет понять другого, по всей вероятности, легко научится правильному чтению», – писал М.Н. Куфаев, знаток книжного дела, о взаимосвязи культуры чтения и навыков эффективной коммуникации [5. С. 179].

Изучение читателя в контексте знаменитой триады Н.А. Рубакина «общество – автор – произведение» позволяет понять сложный механизм взаимодействия литературного процесса, издательских стратегий и читательских практик, существующих в неразрывной связи и во многом определяющих жизнь общества в ее духовном измерении. И в этом смысле труд, предпринятый коллективом авторов, трудно переоценить.

Предназначенное для молодежной аудитории пособие написано ясным языком, наполнено живыми образами людей – читателей и почитателей книги, а также уникальными археографическими фактами, введенными авторами в научный оборот.

Особо следует отметить характер вопросов и заданий, приведенных в пособии, поскольку они, управляя когнитивной деятельностью обучающихся, являются важным инструментом в организации и планировании образовательного процесса. Представленные типы вопросов – от простых и уточняющих до интерпретационных, творческих и оценочных – нацелены на развитие разных видов познавательной активности студентов. Методически выверенные задания переводят содержательный, насыщенный архивным материалом разговор в плоскость самоанализа современного молодого читателя и предлагают ему задуматься о необходимости личной библиотеки, проанализировать собственный опыт чтения книг, сравнить читательские интересы молодежи разных эпох, оценить эффективность методов обучения чтению в школьной практике.

Подобный подход актуализирует проблематику исследования, вводит ее в контекст насущных педагогических задач и обозначает перспективы формирования осознанного и квалифицированного читателя – именно данная задача, на наш взгляд, и осознается авторами пособия в качестве центральной. Полагаем, эта благородная цель блестяще реализована в книге: уникальность и разнообразие материала, глубина его осмысления, методическая основательность делают представленную работу современным и своевременным учебным изданием и свидетельствуют о сохранении и продолжении томскими исследователями богатых традиций высокой книжной культуры.

Именно поэтому данное учебное пособие полезно не только для издателей и филологов, но и для будущих специалистов самого широкого профиля, получающих в высшей школе, наряду с профессиональными знаниями, навыки осмысленной и продуктивной работы с книгой.

Список источников

1. Книжная культура Томска (XIX – начало XX в.). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с.

2. Дворцова Н.П. Томск книжный: эпоха цветущей сложности // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017. № 13. С. 85–90.
3. Проблема читателя в Томске и Томской губернии в конце XIX – начале XX в.: учеб. пособие / под ред. Т.Л. Воробьевой. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та, 2020. 226 с.
4. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике // Избранное. М. : Книга, 1975. Т. 1. С. 35–104.
5. Куфаев М.Н. О чтении книг (методические заметки) // Избранное. М., 1981.

References

1. Esipova, V.A. (ed.) (2014) *Knizhnaya kul'tura Tomska (XIX – nachalo XX v.)* [Book culture of Tomsk (the 19th – early 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Dvortsova, N.P. (2017) Tomsk in books: the epoch of the blooming complexity. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 13. pp. 85–90. (In Russian). DOI: 10.17223/23062061/13/6
3. Vorobieva, T.L. (ed.) (2020) *Problema chitatelya v Tomske i Tomskey gubernii v kontse XIX – nachale XX v.* [The problem of the reader in Tomsk and Tomsk province in the late 19th – early 20th century]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Rubakin, N.A. (1975) *Izbrannoe* [Selected Works]. Vol. 1. Moscow: Kniga. pp. 35–104.
5. Kufayev, M.N. (1981) *Izbrannoe* [Selected Works]. Moscow: [s.n.].

Сведения об авторе:

Отургашева Н.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления (филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ). E-mail: vialuna@list.ru

Information about the author:

Oturgasheva N.V. – Siberian Institute of Management (Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration) (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: vialuna@list.ru

*Статья поступила в редакцию 28.08.2021;
одобрена после рецензирования 24.11.2021; принята к публикации 14.03.2022*

*The article was submitted 28.08.2021;
approved after reviewing 24.11.2021; accepted for publication 14.03.2022*

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/23062061/28/11

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Э. СМИТ
«И ВСЕ ЭТО ШЕКСПИР. САМАЯ ЭРОТИЧНАЯ КОМЕДИЯ,
САМАЯ ДРАМАТИЧНАЯ ТРАГЕДИЯ, СГОРАЮЩИЕ
ОТ СТЫДА МУЖЧИНЫ, КАРТОННЫЕ ЗЛОДЕИ,
ФЕМИНИСТКИ, ЗВЕЗДЫ ШОУ-БИЗНЕСА
И МНОГОЕ ДРУГОЕ»**

(пер. с англ. М. Сухотиной; науч. ред. Д. Иванов, В. Макаров.
М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 288 с.)

**Наталья Евгеньевна Ерофеева¹,
Елена Владиленовна Киричук²**

¹ *Российский государственный гидрометеорологический университет,
Санкт-Петербург, Россия, natali-erof@yandex.ru*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
kirichuk@bk.ru*

Аннотация. Э. Смит предлагает актуальное прочтение текстов Шекспира, опирающееся на театральные постановки и экранизации его произведений XX–XXI вв. Актуализация шекспировского наследия реализуется в современном театре и кинематографе как попытка сближения сложного и многообразного содержания трагедий и комедий писателя с масс-культурой. В результате возникает опыт ее соединения с глубокой философской проблематикой шекспировского театра.

Ключевые слова: трагедия, комедия, Уильям Шекспир, театр, интерпретация, английская литература

Для цитирования: Ерофеева Н.Е., Киричук Е.В. Рецензия на книгу Э. Смит «И все это Шекспир. Самая эротичная комедия, самая драматичная трагедия, сгорающие от стыда мужчины, картонные злодеи, феминистки, звезды шоу-бизнеса и многое другое» // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 28. С. 167–179. doi: 10.17223/23062061/28/11

Original article

BOOK REVIEW: SMITH, E. (2020) *THIS IS SHAKESPEARE. THE MOST EROTIC COMEDY, THE MOST DRAMATIC TRAGEDY, MEN BURNED BY SHAME, CARDBOARD VILLAINS, FEMINISTS, SHOW BUSINESS STARS AND MORE*

(Translated from English by M.G. Sukhotina. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber)

Natalia E. Erofeeva¹, Elena V. Kirichuk²

¹ *Russian State Hydrometeorological University, St. Petersburg, Russian Federation, natali-eroff@yandex.ru*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, kirichuk@bk.ru*

Abstract. Modern literary criticism offers the reader a whole sphere of Shakespearean studies based on the ideas of historical poetics. In accordance with the latter, we understand the images and problems of dramas, comedies and tragedies of the great English playwright in the key of romantic, symbolist, psychoanalytic, and other interpretations. Emma Smith offers a relevant reading of Shakespeare's texts, based on theatrical productions and film adaptations of his works in the 20th and 21st centuries. The actualization of the Shakespearean heritage is being implemented in modern theater and cinema as an attempt to bring the complex and diverse content of the writer's tragedies and comedies closer to mass culture. As a result, there appears the effect of inversion, of a break-off with the deep philosophical problems of the Shakespeare theater. The chapters of the book somehow address the problem of interpretation – contemporary with Shakespeare and with our time. The author's arsenal includes psychology and psychoanalysis, cultural and sociological approaches, which are combined with the actual philological analysis of plays. However, the book discusses the evolution of themes and genres the least. The works chosen for the analysis are well known to readers and experts. The book includes 20 chapters, each dedicated to one play. We stress that, in the educational process, this structure is very convenient because it draws one's attention to the work as much as possible and allows determining one's own perception, consent or disagreement with the author of the book. This feature has been tested in practical work with students in classes on Shakespeare's works. We analyze all the interpretations of Shakespeare's tragedies and comedies, both modern and historical, given in Smith's book. The author of the book is interested, first of all, in topical approaches to understanding the plays of the English playwright, this is dictated by the very aim of the study – to interest the reader and show Shakespeare as our contemporary. The author of the book speaks a modern language with her reader, relying on the experience of attracting both wide readers and experts to reading Shakespeare's works.

Keywords: tragedy, comedy, William Shakespeare, theater, interpretation, English literature

For citation: Erofeeva, N.E. & Kirichuk, E.V. (2022) Book review: Smith, E. (2020) *This Is Shakespeare. The most erotic comedy, the most dramatic tragedy, men burned*

by shame, cardboard villains, feminists, show business stars and more (Translated from English by M.G. Sukhotina. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber). *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 28. pp. 167–179. doi: 10.17223/23062061/28/11

В настоящее время творчество великого английского драматурга и поэта У. Шекспира привлекает внимание многочисленных исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Проблемы биографии Шекспира, загадки его авторства, философская проблематика его пьес затрагиваются в различных книгах, посвященных ему. Шекспироведение на сегодняшний день стало значительной ветвью филологии, так же как проблема «чтений», интерпретаций шекспировских текстов, в связи с чем мы обратили внимание на книгу о Шекспире, которая предлагает описание различных подходов к творчеству драматурга.

В 2020 г. в издательстве «Манн, Иванов и Фербер» опубликована книга Эммы Смит «И это все Шекспир» в переводе Марии Сухотиной. Автор книги – профессор Оксфордского университета, известный шекспировед Эмма Смит. Уже во введении она предлагает читателю ответить на вопрос, «чем его (Шекспира. – *Н.Е., Е.К.*) наследие ценно для XXI века» [1. С. 14]. Автор сразу заявляет свою позицию, которая будет и далее отчетливо заметна на страницах книги: «Мне интересен совсем другой Шекспир: проблемный, неоднозначный, во многом вылепленный культурой своего века, но при этом неожиданно близкий и созвучный нашему времени» [Там же].

Восприятие структуры и самого материала книги рассчитано как на широкого читателя, так и на специалиста-филолога: «Каждая глава в книге посвящена отдельной пьесе и рассматривает ее в особом ключе <...>. Каждая глава так или иначе затрагивает проблему интерпретации, современной Шекспиру и современной нам <...>. Мне хотелось дать читателю представление об эволюции тем и жанров <...> поэтому пьесы буду обсуждаться в хронологическом порядке. При этом я старалась сделать каждую главу более или менее самодостаточной, чтобы вы могли, к примеру, прочесть одну из них перед походом в театр или начать с конца, если там найдется что-то интересное лично для вас» [Там же. С. 17–18]. В арсенале автора психология и психоанализ, культурологический и социологический подходы, которые сочетаются с собственно филологическим анализом пьес. Правда, об эволюции тем и жанров в книге говорится меньше всего.

Позволим себе опираться на более традиционный взгляд на творчество Шекспира и понять, почему книга Э. Смит достойна внимания и может быть рекомендована современным студентам при изучении его наследия в вузе в качестве дискуссионного материала.

Книга включает в себя 20 глав, каждая посвящена одной пьесе. Заметим сразу, что в образовательном процессе эта структура очень удобна, потому что позволяет максимально привлечь внимание читателя к произведению и определить его собственное восприятие, согласие или несогласие с автором книги. Эта особенность проверена в практической работе со студентами на занятиях по творчеству У. Шекспира.

Э. Смит предлагает не оценивать пьесы в соответствии с теми представлениями, которые складывались годами (и даже веками), а посмотреть на их содержание и персонажей с разных сторон и с учетом всех точек зрения современного общества и искусства. Поэтому она делает акцент на том, что шекспировские тексты в первую очередь ставят вопросы, а не дают ответы. «Вот почему они остаются вечно острыми и провокационными, вот почему мы сами становимся творцами их смысла, и почему они так настоятельно требуют нашего внимания» [1. С. 17–18]. Такой подход определил и своеобразный подзаголовок книги, вынесенный на титульный лист: «Самая эротичная комедия, самая драматичная трагедия, сгорающие от стыда мужчины, картонные злодеи, феминистки, звезды шоу-бизнеса и многое другое» [Там же. С. 5].

Так, уже в первой главе, посвящённой «Укрощению строптивой», учитываются и мнения режиссеров, и интерпретация актеров, исполняющих роли Катарины и Петруччо, постоянно подчёркивается, что конфликт пьесы, образы главных героев «можно трактовать по-разному, главное, понять Шекспира и научиться его читать» [Там же. С. 21]. Автор убеждена, что при прочтении пьесы «мы сами вкладываем в произведение тот смысл, который считаем нужным» [Там же. С.21].

Исследователь акцентирует контекст, на который необходимо обращать внимание, вчитываясь в каждое слово пьесы. Для Э. Смит важны исторический, культурный, политический контексты, которые как раз и позволяют каждому поколению читателей и зрителей оценивать и сюжеты, и конфликты, и персонажей Шекспира, отвечать на актуальные сегодня в европейском обществе вопросы (например, о расизме в «Отелло»: Яго и Отелло представляются двумя полюсами добродетели, отражающими новый взгляд на человека, его ценностный потенциал, а цвет кожи – это лишь акцент, благодаря которому зритель учился принимать человека по его делам, а не по внешности. Однако, следуя за Э. Смит, можно поставить под сомнение эти завоевания эпохи Возрождения).

Безусловно, нестандартный подход Э. Смит к Шекспиру вызывает интерес, хотя некоторые моменты ее интерпретаций спорны, как, например, восприятие Ричарда III сквозь призму вопроса о том, «как центральная роль Ричарда на подмостках отображает радикальные перемены в

области политики и сценического искусства» [1. С. 33]. Анализируя образ Ричарда, автор книги обращает внимание на особенности структуры пьесы, которая открывается монологом главного героя, что нехарактерно для манеры Шекспира («начать шекспировскую пьесу не самая легкая задача») [Там же. С. 31]. Ломается привычное представление о Ричарде и после утверждения о том, что он умеет привлечь зрителя на свою сторону доверительностью, откровенностью, в том числе рассуждениями о собственной внешности. Рассматривая роль Ричарда в ряду образов королей периода войны Алой и Белой розы, Э. Смит делает интересный вывод: «Ричард III незамедлительно проявляет бульдожьей хватку: он вцепляется и в зрителя, и в роль и не отпускает до самого конца. Авторитарная драматургия пьесы предельно точно передает стальную политическую волю героя» [Там же. С. 34]. И далее Ричард представлен как искусный лицедей, играющий свою ведущую роль сознательно и с удовольствием: «Тонкость не входит в арсенал Ричарда: его стиль – сплошная гипербола, сознательный перебор, почти маниакальный размах» [Там же]. Чуть ранее была проведена ассоциация с современным кино: «...однако история восхождения Ричарда на английский трон и его последующей гибели на поле боя больше похожа на современную кинобиографию известного преступника. Исторические детали здесь не так важны, как сам извечный сюжет о взлете и падении» [Там же. С. 31–32]. Трактровка пьесы отражает, скорее, взгляд современного постановщика, создающего спектакль «по пьесе Шекспира» или «по мотивам пьесы Шекспира».

Э. Смит вообще предлагает пересмотреть отношение к шекспировскому Ричарду, как и Ричмонду, его антиподу. И дело не только в том, что критика XX в. стремилась убедить в миролюбии тех, кто покончил с Ричардом. По мнению автора, вся проблема в престолонаследии, потому что «время Тюдоров – хоть об этом и не рекомендовалось говорить вслух – как династии подходило к концу: она исчерпала все свои ресурсы и осталась без наследников» [Там же. С. 38]. Э. Смит говорит о «прочтении» пьесы литературоведами 1940–2000-х гг., о драматургических трактовках указанного периода, и в центре оказывается проблема тирании. «Ричард III» – первая из хроник, рассмотренных Э. Смит. Затем следуют главы 4 «Ричард II» и 8 «Генрих IV» (Часть первая). В главе о «Ричарде II» Э. Смит тоже рассматривает текст хроники в контексте политики и ценностей времен Шекспира. Однако исторический контекст удивительным образом расширен в этой главе, включая современное общество: например, подчеркивается акцент на гомосексуальных отношениях при дворе «...в современных постановках <...> в телецикле Би-би-си „Пустая коро-

на“ (2012) с Беном Уишоу в роли Ричарда эта тема порой выдвигается на первый план» [1. С. 59].

Своеобразно автор книги трактует идеи драматурга, заложенные в центральные фигуры его исторических хроник и трагедий. Говоря о будущем королевской власти, она ссылается на мнение медиевиста Э. Канторовича, который «назвал „два тела короля“»: одно физическое и бренное, второе символическое и вечное, и заключает, что смерть монарха не означает конец монархии. В этой схеме мироздания смерть одного конкретного правителя фактически лишена трагизма: она необходима и неизбежна для возобновления монаршей роли. Наследственная монархия, как и сама история, фактически противоположна трагедии [Там же. С. 60]. Интересны размышления о топосе мученичества в связи с образом Ричарда: «Ричард, застрявший в жанре трагедии, – фигура пассивная, тогда как Болингброк твердо намерен вершить историю и потому активен. Ричард пытается вписать себя в трагедию через топос мученичества, и Шекспир отчасти ему помогает, вкладывая в его уста монолог трагического героя, где раскрываются его душевные метания...» [Там же].

И здесь не обходится без сравнения с интерпретацией текста Шекспира режиссерами и актерами, которых, подобно М. Богданову (1986) или Р. Гулду (2012), привлекает антитеза в основе сюжета пьесы. Интерпретация темы через сценический костюм, безусловно, будет интересна тем, кто занимается историей современного театра.

В главе о «Генрихе IV» данная хроника толкуется как «историческая пьеса, которой очень не хочется быть исторической пьесой. Она с неохотой изображает героические деяния, битвы и политические интриги, да и вообще часто игнорирует заглавного персонажа, короля. Она весьма вольно трактует исторические факты и свидетельства хронистов. Бражничать в таверне ей интереснее, чем вершить судьбы мира при дворе. Благодаря таким особенностям возникает необычный и притягательный образчик исторического жанра» [Там же. С. 108]. Автор говорит со своим читателем о хронике Шекспира современным языком: «О популярности первой части хроники свидетельствует тот факт, что она, словно современный блокбастер, породила сиквел, пытавшийся повторить успех оригинала. <...> Однако „Часть вторая“ не единственный спин-офф популярной пьесы» [Там же. С. 109], и далее: «История этих сиквелов наглядно свидетельствует, что театр раннего Нового времени уже использовал в качестве маркетингового хода обратную связь со зрителем, чтобы монетизировать успех лучших постановок» [Там же. С. 109–110]. Говоря о триумфе Фальстафа в первой части, Э. Смит напоминает трактовку образа известными литературоведами и критиками разных лет, сама же рас-

смачивает его сквозь призму роли Фальстафа в исполнении одного из актеров, полагая, что актерская интерпретация образа позволяет современным читателям и зрителям проникнуть глубже в понимание шекспировского героя. Его тучность, по утверждению Э. Смит, становится метафорой: «словно это громадное тело оказывается слишком велико для отдельно взятого человека и обретает символическую функцию. Он и сам стремится к расширительной, неоднозначной трактовке» [1. С. 114], «Фальстаф являет собою – ни много ни мало – все лучшее в мире. Неудивительно, что он круглый, как глобус, – и это в век, упоенно открывающий для себя шар земной!» [Там же. С. 114–115]. В этом контексте образ предлагается отнести к архетипическим фигурам карнавала, но дальше рассуждения о Фальстафе проводятся в сравнении с мультипликационным персонажем Гомером, и разговор подводится к заключению о высокопарности, самовлюбленности и цинизме шекспировского героя, что и делает его столь обаятельным: «Он откровенно не дотягивает до высокой моральной планки, которую ставит наша культура, и тем самым словно бы выдает индульгенцию нам, зрителям» [Там же. С. 115]. «Повышенное внимание к антигерою Фальстафу нарушает моральный телос притчи о блудном сыне, подменяя его коммерческим ходом, направленным на удовлетворение публики» [Там же. С. 120].

Вопросы чести в связи с натурой Фальстафа выводят автора книги на образ блудного сына. «Библейский мотив подсказывает дальнейшее развитие сюжета: как и в евангельской притче, безрассудный повеса должен взяться за ум. Уже в начале пьесы нам дают понять, что принц Хел намерен стратегически разыграть карту «блудного сына» [Там же. С. 117]. Однако в итоге весь разговор вновь ведется только вокруг Фальстафа, фигура которого, по убеждению автора, «антиисторическое архитектурное излишество», заслонившее собою исторический сюжет. Фальстаф угрожает принципам преемственности, которые обеспечивают исторический прогресс и тем самым тормозит ход истории [Там же. С. 121].

Нестандартно мыслящий ученый предлагает нестандартный взгляд и на трагедии Шекспира. Мы уже упоминали об «Отелло». Не менее дискуссионным является анализ «Ромео и Джульетты» (глава 5) и «Юлия Цезаря» (глава 10).

Прежде всего, нам предлагают посмотреть на сюжет «Ромео и Джульетты» как на трагический и комический в качестве альтернативного прочтения (герои остаются живы), но пролог, по мнению Э. Смита, звучит как предупреждение зрителю о том, что финал предопределен, комические элементы вписаны в трагический сюжет. Возможность подобной трактовки исследователю дают издания разных редакций пьесы, опубли-

кованных и сохранившихся до наших дней. Более того, историю влюбленных автор книги вписывает в массовое сознание нашего времени, оценивает пьесу в контексте массовой культуры, делая резкий переход от шекспировской эпохи к нашей: «Возможно, нашей культуре такие представления ближе, чем кажется. Посмотрите трейлер к любому фильму, и вам станет предельно ясно, что в нем происходит» [1. С. 72]. Одним словом, «Ромео и Джульетта» представляется как «плод культуры, где оригинальность и неожиданность не пользовались у публики особым спросом» [Там же]. А сам жанр трагедии пропускается сквозь призму эмоционального сценического восприятия действия и, отталкиваясь от Ж. Ануя, объявляется жанром с определённым набором характерных черт (неотвратимость и предопределённость), иллюстрацией которых и стала пьеса Шекспира [Там же. С. 73].

Рассматривая трактовку трагедии «Юлий Цезарь», отметим тягу автора книги к обобщениям, в связи с чем она рассматривает сюжет трагедии в сравнении с «Ричардом II», «Макбетом», много говорит об истории и ее интерпретации в пьесе. Как отмечает сама исследовательница, «наше собственное знание о судьбе Цезаря придает <...> сну любопытное качество – разом и пророческое, и ретроспективное, что вообще характерно для рассуждений о будущем в исторической драме» [Там же. С. 139].

Размышления о судьбах героев вновь подводят Э. Смит к проблеме имени героев, как и в главах, посвященных комедии, и вновь она делает заявление о том, что имена в пьесах Шекспира играют особую роль: «В силу наших исторических познаний каждый персонаж в пьесе становится заложником своего имени...» [Там же. С. 144]. Так, в «Комедия ошибок», по мнению Э. Смит, «нам показан мир, где человек находится во власти высших сил, и роль этих сил мироздания берет на себя сюжет. Появление близнецов с самого начала опрокидывает наши представления о персональной идентичности и ее границах: близнецы одновременно отдельные и неотделимы друг от друга. Визуальный опыт встречи с ними заставляет усомниться в личной уникальности, в том числе нашей собственной» [Там же. С. 47]. Образ капли воды в океане лишь доказывает это: «Антифол не просто неотличим от брата-близнеца, на чем и строится сюжет комедии; речь идет о более глубоком, экзистенциальном переживании. Он неотличим и от всех остальных: не только от ближайшего родственника, на которого так похож, но и вообще от безликой людской массы. Наличие брата-двойника лишь подчеркивает его непримечательность, невыделенность из толпы. Индивидуальные черты совершенно стираются...» [Там же. С. 48]. Углубление в вопросы психологии личности приводит автора книги к заключению о том, что в пьесе «Шекспир словно го-

ворит: имя собственное утратило свое предназначение. Оно подчеркнуто не выполняет свою задачу: отличать одного человека от другого. Имя как маркер личной идентичности перестает работать и в сюжете, и в ремарках» [1. С. 49]. Заметки Э. Смит по поводу подбора актера, как правило, одного на роль обоих близнецов, окончательно уводит ее в мир психологических поисков внутреннего и внешнего самовыражения. И здесь уже каждый интерпретатор, считает она, должен сделать свой выбор. Будет ли понят Шекспир в этом случае, остается непроясненным.

Обращаясь к классической трагедии У. Шекспира «Гамлет», Э. Смит упоминает известный фильм с Л. Оливье (1948), версию М. Алмерейды с И. Хоуком в роли Гамлета (2000) и малознакомый отечественному зрителю экспериментальный фильм С. Коронадо (1976), в котором образ Гамлета решен в контексте «раздвоения личности». Этот «артхаусный китч», по словам автора, наиболее интересен, поскольку он заставляет перечитать оригинальный текст. При этом Э. Смит предлагает читателю театральную ретроспективу, т.е. выстраивает связь шекспировского текста с предшествующими ему образцами трагедий и драм, которые могли оказать влияние на драматурга. Двойственность Гамлета автор книги обосновывает, исследуя источники формирования образа. Выводом из предпринятого экскурса служит заключение: «Итак, когда Клавдий говорит Гамлету, что затянувшийся траур по отцу противоестествен естеству, он не просто показывает себя циником. Он выражает иное мировоззрение, иное понимание телеологии. Клавдий смотрит вперед, Гамлет – назад» [Там же. С. 154].

В связи с развитием действия в трагедии Э. Смит анализирует реалии исторической действительности эпохи Шекспира – вопросы престолонаследия, религии, театральной традиции. Она также высказывает мнение об отражении умонастроений елизаветинской эпохи в трагедии, но не личных, эмоциональных потрясений ее автора. В свете этих тезисов понятно, что проблема авторства Шекспира мало интересует исследователя, скорее, она предлагает своему читателю погружение в мир Шекспира, чтение и понимание его текстов, а также их современных интерпретаций.

Трагедия «Король Лир» представлена именно таким образом – в контексте уже сложившихся ее интерпретаций от романтических – А.В. Шлегеля, С.Т. Кольриджа – к современной, автором которой является литературовед С.Э. Брэдли (свой взгляд он отразил в книге «Шекспировская трагедия»). Попытки осмыслить безжалостность развязки трагической истории короля Лира сводятся к трем вариантам: чрезмерная бессердечность финала, оставленная зрителю надежда, жестокость, обусловленная самой жизнью. Э. Смит напоминает, что пьесу пытались пере-

писать, приводя пример версии ирландского поэта и драматурга Нейема Тейта 1681 г., в которой Глостер и Лир оставались в живых. Пьеса была названа «История короля Лира», в финале Корделия выходит замуж за сына Глостера, а Лир произносит умиротворяющий монолог. Но в XX в. появляется экзистенциальная версия шекспировского сюжета в книге Я. Котта «Шекспир – наш современник». Мрачная концепция в стиле «В ожидании Годо» С. Беккета демонстрирует абсурдный юмор и гротеск. О какой-либо надежде или нравственном уроке речь не заходит. Король, Шут, Слепец и Безумец превращаются в фигуры колоды Таро и образы фатального опустошения, пустой Вселенной. Я. Котт считает трагедию вариантом пьесы для антитеатра Ионеско и Беккета. Проблема жестокости, казалось бы, подвигнет Э. Смит к ожидаемой и актуальной для искусства XX в. интерпретации в русле концепции театра жестокости А. Арто, но этого сравнения не проводится. Напротив, Э. Смит осуществляет анализ переработки текста трагедии самим автором, что объясняется риторическим вопросом к читателю в конце главы: «История этих поисков есть история ответов на вопрос: чего мы ждем от трагического искусства – утешения, эмоционального подъема, беспощадного анализа?» [1. С. 212].

Анализ трагедии «Макбет» автор книги начинает со сравнения трактата Р. Бертона «Анатомия меланхолии» 1621 г. и пьесы Шекспира, которые, по мнению Э. Смит, ставят общие вопросы о природе вещей и причинно-следственной связи явлений. Именно поэтому легендарный эпизод с пророчеством трех ведьм, который обычно принято трактовать в мистическом ключе, Э. Смит рассматривает как театральный прием, позволяющий protagonисту «режиссировать» свою драму. Знаменитый монолог Макбета, слова из которого процитировал У. Фолкнер в названии своего романа «Шум и ярость», трактуется как отражение размышлений актера над метафорой *Theatrum mundi* – «Весь мир – театр» и демонстрирует зрителю другого Макбета – актера, сидящего на подмостках театра «Глобус» и мучительно отбывающего свою роль в спектакле. По словам Э. Смит, возможно, и «Макбет» нам интересен до настоящего времени потому, что не дает ответов, а лишь ставит вопросы.

В главах 12 и 13 предложен анализ двух комедий У. Шекспира – «Двенадцатая ночь» и «Мера за меру». Эти произведения Э. Смит анализирует подробно, выявляя функции персонажей, смысловой контекст их интерпретации, привлекая современные структуралистские и психоаналитические учения. Так, по убеждению Э. Смит, в «Двенадцатой ночи» второстепенный персонаж Антонио, казалось бы, избыточный, спасающий Себастьяна, бросает обвинение в предательстве ничего не подозревающей, переодетой в мужчину Виоле, вносит в комическое действо го-

мозротический ландшафт. Это не единственная его функция – Э. Смит цитирует Н. Фрая, который утверждает необходимость присутствия трагического героя, ускользающего в финале действия, но воплощающего смысл трагического. Антонио не нужен в счастливой, «брачной» развязке комедии, он просто исчезает. Э. Смит сравнивает его с образом шута из «Короля Лира», который также утрачивает в развязке трагедии свою функциональность.

«Мера за меру» также рассматривается как комедия с начатками трагического сюжета. Автор книги отвергает сложившееся мнение, что это не самая удачная комедия Шекспира, повторяющая коллизии из «Двенадцатой ночи», «Сна в летнюю ночь», «Комедии ошибок» и др. Со свойственной своему стилю иронией Э. Смит замечает, что эта комедия имеет, скорее, трагический смысл. Умиротворяющая развязка похожа на счастливый финал «Двенадцатой ночи», но браки, заключенные в этой пьесе, вовсе не являются результатом преодоления препятствий на пути влюбленных, а похожи на «браки поневоле»: «Шекспир словно бы спрашивает нас: ну что, хотите комедию? Сильно хотите? Как далеко вы готовы зайти, чтобы ее получить?» [1. С. 186].

Следующие главы посвящены «римским трагедиям» У. Шекспира «Антоний и Клеопатра» и «Кориолан», которые объединяются с трагедией «Юлий Цезарь». Если первая трагедия вызывает у автора книги ироническое сравнение с историей персонажей глянцевого журнала, то вторая оценена как глубоко безысходная, не оставляющая надежды на иную развязку – гибель Кориолана неизбежна. Трагедия гибели Антония и Клеопатры интерпретирована Э. Смит в рамках концепции, изложенной в книге Р. Бенедикт «Хризантема и меч» 1946 г., посвященной японской культуре, антропологическое изучение которой оказалось необходимым после Второй мировой войны. Называя эту книгу спорной, Э. Смит все же переносит определения «культуры стыда» и «культуры греха (вины)» на характеристику смысловой содержательности протагонистов, их трагедийной функции.

Самые загадочные пьесы «Зимняя сказка» и «Буря» представлены как поздние творения У. Шекспира в последних главах книги. Жанровый анализ этих пьес позволяет автору сделать вывод об экспериментах драматурга «на стыке» комедии и трагедии. Э. Смит сравнивает основную идею, на которой строится действие в этих драмах, – грехи отцов могут исправить лишь их дети. В «Зимней сказке» эта задача решается с помощью мимесиса – показа, а в «Буре» – с помощью диегезиса – рассказа. Маг Просперо вспоминает о прошлом, когда ему пришлось бежать от своих врагов на далекий остров, а в первых трех частях «Зимней сказки»

зритель становится свидетелем совершившейся трагической ошибки Леонта, в результате которой он лишается дочери и жены. Вторая часть этих историй завершается, по мнению исследовательницы, счастливой развязкой, которая свойственна жанру комедии. Э. Смит предлагает читателю версию творческой мастерской Шекспира, в которой счастливый финал исключал возможность инцеста между Леонтом и его повзрослевшей дочерью, а для Просперо – возможность стать злобным манипулятором, играющим судьбами дочери и других героев пьесы. В романе Д. Фаулза «Волхв» (в подлиннике «Magus»), где звучат реминисценции к «Буре», главный герой принимает именно такое обличье, как бы отвергая возможность счастливой развязки, и она действительно не наступает. Но автор книги предлагает читателю сравнение с циклами романов Д. Роулинг о Гарри Поттере и сагой-фэнтези Д.Р.Р. Толкиена «Властелин колец» как образцами литературы о конфликте между злой и доброй магией. Думается, «Буря» – это драма, которая затрагивает, скорее, не вопросы магии, а гротескную эстетику (уродство и красота), возмездие и прощение, вопрос Иова, и, как справедливо замечает автор книги, «...ближайший родич „Бури“ – демонический „Доктор Фауст“ (1589) блестящего елизаветинца Кристофера Марло» [1. С. 272].

В Эпilogue автор книги замечает, что сам Шекспир гораздо шире любовью возможной интерпретации его творений, и выражает надежду на то, что его творчество всегда будет доставлять радость читателю.

Мы же в заключении рецензии отметим, что книга Э. Смит «И все это Шекспир» является современным, ярким исследованием, сочетающим подход филолога-шекспироведа с современными концепциями восприятия классического наследия прошлого. Книга отражает творческую индивидуальность ученого, написавшего одновременно научно-популярное и оригинальное исследование, в котором просто говорится о сложном, выражается авторское понимание предмета и читателям предлагается нестандартно мыслить, когда речь идет о произведениях великого английского драматурга.

Список источников

1. Смит Э. И все это Шекспир. Самая эротичная комедия, самая драматичная трагедия, сгорающие от стыда мужчины, картонные злодеи, феминистки, звезды шоу-бизнеса и многое другое / пер. с англ. М. Сухотиной; науч. ред. Д. Иванов, В. Макаров. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 288 с.

References

1. Smith, E. (2020) *I vse eto Shekspir. Samaya erotichnaya komediya, samaya dramatichnaya tragediya, sgorayushchie ot styda muzhchiny, kartonnye zlodei, feministki, zvezdy shou-biznesa i mnogoe drugoe* [This is Shakespeare. The most erotic comedy, the most dramatic

tragedy, men burned by shame, cardboard villains, feminists, show business stars and more]. Translated from English by M.G. Sukhotina. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

Сведения об авторах:

Ерофеева Н.Е. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Российского государственного гидрометеорологического университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: natali-erof@yandex.ru

Киричук Е.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: kirichuk@bk.ru

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Erofeeva N.E. – Russian State Hydrometeorological University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: natali-erof@yandex.ru

Kirichuk E.V. – Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kirichuk@bk.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.03.2022;
одобрена после рецензирования 17.03.2022; принята к публикации 17.03.2022*

*The article was submitted 09.03.2022;
approved after reviewing 17.03.2022; accepted for publication 17.03.2022*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: Идеологический контекст «Собрания стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году»);
- 3) краткая аннотация (500 знаков), которая выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 27]. При повторном обращении к одному и тому же источнику в пределах страницы ссылка оформляется следующим образом: [Там же. С. 100] – если источник на русском языке, или [Ibid. P./S. 100] – если на английском/немецком. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/book/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок:
 - английский вариант инициалов и фамилии автора;
 - перевод названия своей организации;
 - перевод названия статьи (например: Ideological context of “Collection of Poems Relating to the Unforgettable 1812”);

– автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

– перевод ключевых слов на английский язык.

2. Сведения об авторе по форме:

– фамилия, имя, отчество (полностью);

– ученая степень, ученое звание;

– должность и место работы/учебы (кафедра/лаборатория/сектор, факультет/институт, вуз/НИИ и т.д.) без сокращений, например: **Киселев Виталий Сергеевич** – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

– специальность (название и номер по классификации ВАК);

– телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет ученой степени).

Всего оформляется и подается три электронных и бумажных документа:

1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат статьи на английском языке (2 500–3 000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение ее в интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Текст. Книга. Книгоиздание», Воробьевой Татьяне Леонидовне¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала <http://vestnik.tsu.ru/book/>

После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение ее состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научно-практический журнал

ТЕКСТ. КНИГА. КНИГОИЗДАНИЕ

TEXT. BOOK. PUBLISHING

2022. № 28

Редактор *Н.А. Афанасьева*
Редактор-переводчик *В.В. Каптур*
Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Подписано в печать 29.04.2022 г. Дата выхода в свет 11.05.2022 г.
Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 11,4; усл. печ. л. 10,6; уч.-изд. л. 12,8.
Тираж 50 экз. Заказ № 4977. Цена свободная

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru